Транзит

литературно-художественный и общественно-политический
журнал фантастики

08–2012

Джаспер Нуол
Столкновение между игрой и рассказом

Никита Григоров
План Аргуса

Марк Лисовский
Дело о татуированных сёстрах-близняшках

Мария Виноградова
Наваждение. СПАМ

Тони Акромби
Аэропорт

Доктор Спрут
Как выжить после атомного взрыва

Мистический реализм
Джеффри Бедрика .

Рене Баржавель
Неосторожный путешественник

Содержание

zangar. Посочувствуем Долбаггерам 3

Джаспер Нуол.Столкновение между игрой и рассказом

(интерактивная фантастика) 7

Наши авторы:

Никита Григоров. Плач Аргуса 13

Марк Лисовский. Дело о татуированных сёстрах-близняшках 20

Мария Виноградова. Наваждение. СПАМ 35

Трансгендерный ужастик

Тони Акромби. Аэропорт 46

Юмор

Доктор Спрут. Как выжить после атомного взрыва 51

Открытие художника:

Мистический реализм Джеффри Бедрика 53

Гвоздь номера

Рене Баржавель. Неосторожный путешественник

(перевод Игоря Найденкова) 57

Для обложки использована картина
Джеффри Бедрика «Dreaming Of Home»
С любезного разрешения автора
Интервью с Джеффри Бедриком читайте **здес**ь.

Редакционная коллегия:

Вач — от которого зависит всё
zangar — от которого не зависит ничего
Nina — от чьего молчаливого одобрения зависит многое
Varak — от скупой рекомендации которого зависит то или иное

zangar

Посочувствуем Долбаггерам

> Тогда-то он и задался своей целью — целью, к которой можно было стремиться — и, судя по всему, стремиться вечно. Вот что это была за цель. Он решил оскорбить Вселенную.
>
> *Дуглас Адамс*
> *«Жизнь, Вселенная и всё такое»*

Следует признать, что в процитированном в эпиграфе романе Д.Адамса антигерой по имени Wowbagger the Infinitely Prolonged (а в русском переводе Долбаггер Бесконечно-Удлинняющийся или в другом переводе Охмешконасыпатель) поставил перед собой поистине эпическую задачу — унизить и оскорбить ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ в лице каждого из её представителей. Писатель подробно описал моральный облик своего героя (или антигероя?):

> **«Он решил оскорбить Вселенную.**
>
> **То есть, оскорбить всех и каждого в ней — персонально, в лицо и — Долбаггер не боялся трудностей — в алфавитном порядке. Когда ему указывали — что случалось изредка — что затея его не только бессмысленна и глупа, но и попросту невыполнима, потому что огромное число людей рождается и умирает каждую секунду, взгляд Долбаггера делался холодным, и он спрашивал: «А что, помечтать уже нельзя?»».**

Как литературный приём, это гениальный и весьма остроумный сюжетный ход, но когда фантастика стала накладываться на события реальной жизни (а именно это в наши дни и произошло), «крыши» у половины населения планету буквально «посносило» (тоже образное выражение, хотя весьма точное). Причём большая часть оскорблённых и слыхом не слыхивала ни об Адамсе, ни о фантастике (если только не считать таковой рассказы о Боге, чертях и ангелах).

И в самом деле, как еще можно оскорбить Вселенную, кроме как не оскорбив Бога, поскольку Вселенная, в сущности, и есть сам Господь-Бог? И чем еще можно оскорбить всех и каждого из жителей нашей планеты, как не оскорбляя того божества, в которое он верит? Только давайте будем честными перед самими собой — каждый из нас втайне верует в нечто всеобъемлющее и стоящее над обыденным миром. Имеется ввиду каждый из двуногих прямоходящих, полномочных представителей нашей с вами цивилизации. Не исключая воинствующих атеистов. Кстати, наиболее оголтелые фанатики своей религии — именно атеисты, декларирующие собственное неверие ни во что и реально упёртые в своем фанатизме. Поскольку вера в деньги, в законы экономики, в науку, в законы природы (хотя природа нашей планеты нам известна лишь в объеме ноосферы, т.е. едва лишь на 0,1% объема нашей планеты) — все это само по себе абсурдно. Лучше уж верить в смешного эффелевского дедушку, вещающего с курчавого облачка.

Строго говоря, еще более абсурдна сама масть о том, что Бога вообще можно оскорбить. Вернее, что человек действительно способен оскорбить самого Бога. Философски размышляя, это величины несопоставимые: с одной стороны, если мы имеем ввиду действительно Бога, то это грандиозное существо (даже не существо, а некая надмировая категория), демиург, творец Жизни, Вселенной и всего такого… чья долговечность измеряется эпохами, а размеры гуглями, что же касается Божественной силы, то сколько нулей к мегаджоулям не прибавляй, всё рано не хватит. С другой стороны человек, со сроком жизни в пределах 100 лет, со всеми его страстишками, запорами, геморроями, поллюциями или менструациями — это по определению существо мизерное (в масштабах Вселенной) и бесконечно ничтожное (в духовном плане). Представим для сравнения, что инфузория оскорбит его величество Человека! Допустим, что она состряпала пародию на человеческий организм, его семью, его мысли и чувства — не абсурд ли это?

Долбаггер от Lord Maaximus (снимок взят из http://hitchhikers.wikia.com

Абсурд получается когда люди, оскорбляя Бога, прикрываются самыми прекрасными побуждениями, а их оппоненты из тех же прекрасных побуждений начинают пытат ься убить и оскорбителей, и всех ему сочувствующих. В итоге весь цивилизованный мир делится на две неравные части — одни рвутся своих доморощенных долбаггеров защитить, а другие растерзать.

С одной стороны цивилизованное человечество никак не может запрещать Долбаггеру оскорблять его, поскольку подобное запрещение есть само по себе покушение на права человека. Выражение «пощёчина общественному вкусу» не нами и не сегодня придумано — ему уже сто лет в обед. Под этим манифестом подписались виднейшие поэты своего времени. Этим задекларировано право художника на эпатаж. Но кому судить — художник ли ты или хулиган? Если дядям и тётям «с усталыми, но добрыми глазами», то получается, что правильно они сажали Синявского и Даниэля и преследовали Бродского за тунеядство. Мировой демократический процесс подвёл нас к мысли о том, что, как художник имеет право на выбор любого средства для самовыражения, так и любой иной индивидуум имеет право на выражение своего творческого Я. Тем более, когда интернет даёт нам столько возможностей!

С точки зрения прав человека «Киски Бешеные» имеют такое же необъемлемое право плясать в православном храме, как Майя Плисецкая в Большом театре, а Чудовский плотник, нарисовавший «PutinShit» собственным дерьмом, — есть творец не в меньшей степени, чем Рафаэль. Недаром же девизом всех защитников прав человека стал афоризм из Вольтера: «Я могу быть не согласным с Вашим мнением, но я готов отдать жизнь за Ваше право высказывать его».

Если портрет президента, исполненный дерьмом — это акт творчества, то измазать дерьмом стены мечети (во французском Лиможе) — остаётся либо признать актом высокого искусства, либо отправить это искусство на помойку.

Долбаггер от Sheana

Так может ли инфузория оскорбить человека?

Скажем прямо: если это умная, толковая, хорошо нахватавшаяся и идеологически подкованная инфузория, если она проникла в человеческий организм и прижилась в нём, если беспечный индивидуум и не подозревает о ней и снабжает её вволю едой-питьём, то эта пошлая инфузория вполне может превратиться в вирус, найти себе сторонников в лице других клеток и образовать в человеческом организме опухоль. И хвали ты её потом или ругай, а сведёт тебя эта одноклеточная пакость в могилу (и не тебя одного). При этом инфузория вовсе не будет хотеть тебя убить — напротив она скажет, что и не хотела, чтобы ты помирал, просто она тоже имеет право на самовыражение. И где-то её даже можно понять (вспоминаются разумные опухоли из фантастических фильмов, хотя бы из «Вспомнить всё» с А. Шварценеггером в гл. роли) — ведь каждое разумное существо имеет право на творчество.

Вспомним каменного Будду, взорванного талибами в долине Бамиан. С точки зрения талибов это был высокодуховный и морально вполне оправданный акт. Однако, очевидно, с точки зрения Будды, это было оскорбление религиозного и нравственного чувства почти миллиарда жителей нашей планеты, исповедующих буддизм. Поскольку с момента взрыва режим талибов не продержался и года, а их народ пожинает плоды невежества собственного правительства вот уже десять с лишним лет, можно подумать, что выражение «Наказание и Божья кара» не так уж устарело со времён Франсуа Рабле.

Американский пастор Терри Джонс, который сжег Коран, так же не чувствовал ни малейшей ответственности за последовавшую после этого акта гибель европейцев и американцев от рук мусульманских фанатиков. На кого сваливать такую вспышку религиозного чувства в исламских странах? На разгневанного Аллаха или соц. сети?

После этого панк-молебен наших «Кисок бешеных», расколовший страну на два лагеря и вызвавший нападки на православие, кажется просто детской шалостью.

Да простит меня читатель за то, что в этой статье автор намеренно не становится ни на сторону сторонников доморощенных долбаггеров, ни на сторону их противников (поскольку среди наших читателей могут быть в равной степени, как те, так и другие). Дело в том, что людская вера — будь то христианство, буддизм или ислам, это в равной степени — не предмет убеждений долбаггеров, а лишь поле для их творческих экзерсисов. Они упиваются неожиданно открывшейся для них возможностью, которую даровал им технический прогресс, TVи соц.сети — враз оскорбить всё и вся на свете! Оплевать и унизить всех и каждого! Причём сделать это у всех на глазах! Редко какой долбаггер удержится от такой возможности попасть на экраны, потрясти своими причиндалами на глазах у миллионов. Так что нам еще

следует ожидать целого парада долбаггерских выходок и провокаций, преследующих исключительно одну цель: унизить и оскорбить всех и каждого, кто способен чувствовать себя униженным и оскорблёнными от такового поступка. Следует также признать, что у человеческого сообщества нет абсолютно никаких способов уберечься от действий долбаггеров. Ни введение цензуры в интернете и на TV, ни самые драконовские законы против кощунства, ни меры охраны в храмах, ни анафемы с амвонов, ни призывы к разуму и чувству самосохранения — ничто не убережет ни нас от долбаггеров и их выходок (ибо они весьма изобретательны и не предугадаешь, что они выкинут завтра), ни их самих от яростной реакции оскорблённых ими людей. Не даром говорится, что «на миру и смерть красна» (очевидно, именно этой поговоркой руководствовался еще Герострат). У долбаггеров в момент подготовки и самого совершения их кощунств, совершенно отсутствует чувство самосохранения, ибо ими движет чувство самолюбования собственной отвагой и ничтожностью окружающих. Столь же глупо ссылаться на гнев Божий и грядущее воздаяние за своё кощунство — долбаггерами движет лишь одна вера — в самое себя, как в наивысшую ценность, и собственное право на попрание всех иных человеческих ценностей.

Wowbagger от Smokey Monday,

Каков же выход из сложившейся ситуации? Перед лицом атаки на нравственные ценности общества, нам остается лишь сохранять спокойствие и ни в коем случае не показывать, что мы чувствуем себя оскорблёнными (ведь именно этого-то долбаггеры и добиваются), и помнить завершающую фразу из 3-й книги эпопеи Дугласа Адамса:

«Через какое-то время Артур отказался от полетов и научился жить на земле и любить это дело, несмотря на огромное количество бестолкового щебета, которое он слышал и там, внизу.

Однажды он шел по полям и лугам, напевая чудесную мелодию, услышанную недавно в деревне, как вдруг серебряный звездолет спустился с неба и приземлился прямо перед ним.

Открылся люк, выдвинулся трап, и по трапу сошел высокий серо-зеленый пришелец.

— Артур Фили… — начал было пришелец, но потом оглядел Артура, сверился со своим блокнотом, нахмурился и снова поглядел на Артура.

— Стоп! — сказал он. — Было!».

Да, так и произошла величайшая трагедия в жизни Долбаггера Бесконечно Удлинившегося — он стал неоригинален! А значит и на фиг никому не нужным. И нам остаётся ему только посочувствовать — иного он попросту не достоин!

Джаспер Нуол

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФАНТАСТИКА

Конфликт между игрой и рассказом

«Многие люди воображают, что существует некий спектр между традиционно написанными историями и полной интерактивностью. На самом деле эти два неба разделены адом, который поглощает бесчисленное количество времени, умения и ресурсов.»
Вальтер Фрайтаг, дизайнер игр.

Я не первый, кто говорит об этом, хотя в моих словах вы найдете нотку сожаления. Идея «интерактивного рассказа» перенесла коммерческую смерть в 1993—94 годах. Да, мы добились того, что современные игры обладают теперь определенными чертами литературных рассказов. Но компьютерные игры не являются рассказами. Их повествовательная часть не создает игру. Наоборот, рассказ разрывает ткань игры и ухудшает ее качество.

Давайте, начнем рассуждения с риторики интерактивной фантастики (ИФ). Дело в том, что сам термин не определен до конца. В основном, он принадлежит маркетологам. Проблема возникла из-за второго слова — «фикшен». В английском это часто означает «новеллу». И действительно, в ИФ это слово ссылается на интерактивный рассказ или историю.

«Интерактивная фантастика» — это попытка комбинирования игры и рассказа. Такая комбинация выглядит очень привлекательно и обычно описывается, как нечто лучшее из обоих миров, где читатель/игрок может лично поучаствовать в истории. Вот, что говорит по этому поводу компания Infocom (мы представляем ее взгляд из глубин 1983 года): «… мы работаем над улучшением наших историй и всегда оставляем самый важный элемент — главный персонаж. Это точка вашего входа в игру. Как только вы записываете на ваш компьютер интерактивную фантастику от Infocom, вы переживаете нечто схожее с пробуждением в новелле…»

Однако главное в риторике ИФ — это описания того, что не хочет интерактивная фантастика.

Предлагаемая публикация — диссертация Джаспера Нуола, основателя «гипертекста»(в значительном сокращении)

1. Во-первых, ИФ не хочет быть игрой со всей ее жестокостью, поверхностными темами и фокусировкой на быстрых реакциях и владении джойстиком. Возьмем, например, игру «Мист». Эта интерактивная история похожа на реальную жизнь. Вы не умираете каждые пять минут. Фактически, вы вообще не умираете. В такой истории вы теряетесь в фантастическом мире. Вы исследуете этот мир и действуете так, словно действительно находитесь там.

2. Субкультура текстовой ИФ не хочет основываться на графике. Мы имеем мощную технологию компьютерной графики, но вы никогда не увидите ее в продуктах Infocom.

«… Мы рисуем свои миры удивительной палитрой нашего воображения. Технология ума создает феерические картины, которые превращают любые картинки на экране в жалкое и бледное граффити.»

То есть, ваше воображение становится частью истории. Оно контролирует ваши поступки и местоположение, однако вы не можете предсказывать ход событий и влиять на него. Здесь мы видим гимн интеллектуальным пользователям, которые предпочитают романы, а не фильмы — поклонникам игры воображения.Однако жанр ИФ угасает. Когда образовательный уровень среднего компьютерного пользователя уменьшается, а характеристики и возможности компьютеров увеличиваются, компьютерные игры начинают скатываться к аркадам, а не к гипертексту. Мы вынуждены признать, что золотой век интерактивной фантастики уже прошел.

3. Графические ИФ не хотят быть текстовыми, потому что считают это «отстоем».

4. ИФ не хочет базироваться на паззлах. Этому жанру требуется персонаж и человеческие отношения. Игры делают на основе сюжета и персонификации — так же как и обычные книги. Если вы читаете «Игру престолов», вы не застреваете на странице 50. И если вы играете игру, вы не застреваете на фрейме номер 50. То есть, вам не нужно быть гением паззлов и кроссвордов. Игра интересует вас из-за персонажей, сюжета и того, что там происходит. Это константа жанра.

Многие «интерактивные произведения» пытаются соответствовать перечисленным пунктам. После «Утопии» нам обещали новые более интеллектуальные и культурные компьютерные игры. Но проблема в том, что чем выше культура, тем менее культурными становятся компьютерные игры.

Я предлагаю вам рассмотреть различия игр и рассказов.

а) Ход событий

Самый популярный комментарий о компьютерных играх гласит, что они являются нелинейными, многоходовыми и тем самым отличаются от текстовых рассказов, потому что могут приводить к разным последствиям. Действительно, мы можем утверждать, что рассказы вовлекают фиксированный ход событий, который ведет нас от одного момента к другому, как инструмент неумолимого рока. И этому вторит Роланд Бартес. Он говорит, что рассказ сравним с языком судьбы, что «спусковой пружиной рассказа является… повествование о событиях после того, как рассказ начинает читаться.»

Я считаю это очень точным замечанием. Вопрос хода событий в рассказе предполагает фиксированную последовательность событий. Это создает уникальную совместимость сюжетных историй в различных форматах репрезентации. Например, вы можете прочитать рассказы о Шерлоке Холмсе и затем посмотреть фильм «Голод». Вам будет ясна корреляция этих историй. Но если вы сыграете одну из игр из серии «Звездных войн», вам не удастся понять сюжет фильмов из той же серии.

В отличие от фиксированной последовательности рассказов, любая игра основана на относительной свободе игрока — на его возможности влиять на ход событий.

б) Время

Существуют некоторые интересные темпоральные различия между играми и рассказами. Рассказ является двойной временной последовательностью. В нем имеется время, о котором повествует рассказ, и имеется время самого рассказа. Эта дуальность создает всевозможные искажения, которые обычны для текстовых и визуальных рассказов (там три года жизни главного героя могут умещаться в двух фразах романа, а несколько выстрелов растягиваются на пять минут фильма). То есть, мы должны учитывать, что одной из функций рассказа является создание второстепенных шкал времени относительно главной временной шкалы. Ганнар Лиестол говорил, что рассказ предполагает два разных времени в интерактивном отображении. Традиционный взгляд делит рассказ на фабулу и сюжетом или, иными словами, на историю и дискурс.

Читая роман, вы создаете сюжетную линию из предоставленного вам дискурса — в основном, в нехронологическом порядке. Традиционный формат романа предполагает рассказ, перечисляющий уже произошедшие события. Вы получаете два времени: время, о котором рассказывается в данном фрагменте романа и время основного рассказа. Но, когда мы играем в «Дум-3», этих временных дистанций не существует. Вы жмете на ЛКМ, оружие стреляет, и это влияет на то, что происходит на экране. То, что вы видите на экране, не может быть прошлым или будущим. Это настоящее, на которое вы можете влиять.

Эквивалентно, как следствие интерактивности, игры не используют временные возможности литературной пары история/дискурс. Играя в «Дум», вы не получаете реминисценций прошлого и будущего, потому что такие варианты мешают интерактивности. В игре вы не можете сыграть сцену в настоящем времени, а затем прыгнуть к ранней точке истории и интерактивно проявить себя там. Потому что первая сцена определяется тем, что игрок делал прежде на временной линии истории. Это классический парадокс путешественников во времени. Выходит, что литературная пара история/дискурс бессмысленна в компьютерной игре. Ни одна из игр не имеет такого активного дуализма.

3. Рамки рассказа

Тем не менее, многие компьютерные игры вовлекают некую структуру рассказа. Возьмем, например, «Космических захватчиков». Концепция захвата предполагает какое-то время перед вторжением. Основные идеи мы черпаем из научной фантастики 50-х годов XX века. Мы уже заранее знаем, что пришельцы злые, и от них нужно избавиться. Поэтому история проста: Земля атакована, ее нужно освободить от инопланетных злодеев. Это основной тип классических компьютерных игр: история-

клише хорошо известна, хотя игра никогда не имеет окончательного завершения. Она просто становится все труднее и труднее. Фактически, рамки рассказа, особенно, в жанре «экшен», всегда считаются неважными.

Игра «Мист»

Как это работает в интерактивной игре «Мист»? Из-за различий между играми и рассказами, разработчики не имеют простых путей для создания интерактивной истории. «Мист» тоже столкнулся с такими проблемами. Кроме самого конца игры, вы, честно говоря, не имеете никакой интерактивности. Вам предоставлен второстепенный персонаж, случайно затронутый прошедшими событиями. В «Мисте» вы собираете различные артефакты. В дневнике вы видите видеоклипы, с которыми не можете взаимодействовать. Артефакты раскрывают вам некие фрагменты история в реальном времени игры, но все эти события происходили до того, как вы вошли в игру. Таким образом, «Мист», фактически, не является интерактивным рассказом. Игра демонстрирует хороший способ добавления повествовательного материала без уничтожения притягательного духа игры. Это детективный формат, где сыщик работает над расследованием ранних событий. Он лишь использует улики, которые находит, исследую игровое пространство.

Игры «Дум» и «Квейк»

В недавнем прошлом это были очень популярные игры. Они известны своим отсутствием сюжетной линии. В одном из интервью Джон Кармак, глава ID Software, так рекламировал выход «Quake III»: «Лучшая графика, лучшая сетевая игра, лучший геймплэй, но никакого сюжета».Вполне очевидно, что можно найти бестселлер и вставить повествовательные элементы — «Мист» тому пример. Но в лучших играх ценится только геймплэй. В компьютерных кафе не играют в «Мист» или «Утопию». Там играют в «Квейк» и «Контр-Страйк» — в игры реального времени с хорошим геймплэем и без сюжетной линии.

Желание поиграть в игру снова

Притягательность игры. В литературе это книги, которые вы можете читать и читать, никогда не уставая. Нечто вроде религиозных шедевров, наподобие Библии. Контрастом будет никчемный роман, который выбрасывают после первого прочтения. Притягательность часто связывают с высокой культурой. Антитезой выступает низкая культура. Удивительно, но компьютерные игры, часто называемые «малокультурными», живут дольше, чем романы, написанные на их основе. Примером может служить серия «Обители зла». На русском языке не переведено ни одной книги по мотивам этих игр. Однако игры хочется играть снова и снова. И, наоборот, та игра, в которую добавили прекрасную историю, неизменно уменьшает желание поиграть в нее вновь.

Литературные качества обычно ассоциируются с глубиной рассуждений, но они делают игру менее желанной и более «трэшевой» — в том смысле, что вы не будете играть в «Мист» второй раз, после ее окончания. Хотя это не означает, что «Тетрис» является бесконечной игрой, которую вам хотелось бы повторять снова и снова, находя в ней новые смыслы. Парадоксально, но введение элементов рассказа уменьшает притягательность игр.

При глубоком анализе это не удивительно. Основной причиной для чтения новеллы и радости от чудесных рассказов является желание узнать конец истории. Но причина игромании коренится в другом. Многие компьютерные игры предлагают нам поверхностные клише. Это означает, что здесь не важно желание достичь конца игры (а во многих играх это просто невозможно — они продолжаются до бесконечности). Компьютерные игры основаны на двух типах желания. Первое — желание разобраться в структуре игры: понять, как она работает.

В «Думе» вы узнаете, как двигаются монстры, что надо нажимать, чтобы открылась дверь. Второе — это желание получить умения, необходимые для успешного прохождения игры. То есть, мы имеем желание понять игровой мир и желание наработать умения. Эти факторы совершенно независимы от сюжета рассказа.

4. Модель компьютерной игры

Я настаиваю, что компьютерные игры можно рассматривать, как дуализм двух слоев — программы и материала. Эти два слоя принадлежат разным традициям. Материал, графика, звук и повествовательный сюжет принадлежат традиционной среде. Это то, с чем эстетические факультеты университетов справляются прекрасно. Программа является чем-то новым в данном контексте. Программа формальна. Она работает на электронном уровне.

Понимание этого дуализма между формальным слоем и его приложениями потерпело в наши дни трагическую неудачу. Нынешняя литературная теория любит тратить энергию, указывая нам, что фундаментальный и формальный слой является чем-то сконструированным из слоев интерпретации. Наверное, такое наблюдение адекватно для литературы и рассказов, но компьютерная игра радикально отличается тем, что оба указанных слоя разорваны.

Я думаю, что отношение программа/материал — это самая интересная вещь для изучения компьютерных игр. Если мы вернемся к «Мисту», вы без труда заметите несовместимость между заявлениями о графике и тем, что игрок имеет на самом деле. Согласно идее, вас должно всосать в книгу, вы входите в новый мир, который нужно исследовать. То есть, графика должна позволять вам взаимодействовать со всеми предметами. Но нет! По какой-то причине мы можете манипулировать переключателем, но не в силах прикоснуться к модели корабля. Почему? Программа не способна поддерживать предполагаемый материал.

Простые игры, такие как «Звездные захватчики», отличаются тем, что материал не обещает ничего такого, что программа не может поддерживать. То же самое происходит в «Дум». Там материал соответствует программе. «Мист» частично проигрывает в этом вопросе. Обещания материала не отвечают истине.

Заключение и перспективы

Широко распространенные игры демонстрируют нам традиционную эстетику. Они учитывают текущую культуру. Например «Мист» имеет качество, репрезентативное в традиционной среде. Игра похожа на газету. Вы можете видеть картинки. Повествовательный сюжет обобщается. Такие игры несут отпечаток традиционной среды и эстетики. Особенно, наихудшие игры.

С другой стороны, Тетрис очень популярная игра. Это одна из наиболее востребованных игр. Вы повсюду найдете ее бесчисленные версии. Она на каждом компьютере, в любом мобильном телефоне или на цифровых часах. Хотя на бумаге Тетрис выглядел бы отвратительно. Он не имеет истории. Вообразите такой абстрактный рассказ, как «Тетрис». Текстовым рассказам необходимы человеческие или антропоморфные персонажи. В игре они не обязательны.

Суммируя теоретическую часть об интерактивной фантастике, мы можем говорить о двух временных режимах: режиме рассказа и режиме игры. Любой человек, попробовавший современную «кинематографическую» интерактивную фантастику, подтвердит, что это ужасные игры и истории. Вы попадаете в ловушку из-за немотивированных перемещений между режимами рассказа и игры. История разрушается из-за интерактивности, а интерактивность уничтожается из-за истории.

Итак, сравним рассказы и игры:

Рассказы	Игры
Фиксированная последовательность	**Гибкая последовательность**
Переменная скорость	**Фиксированная скорость**
История/дискурс	**Программа/материал**
Прошлое	**Настоящее**
Необходимость в человеческих или антропоморфных персонажах	**Может быть абстрактной**
Желание узнать конец истории	**Желание понять и выполнить**
Одноразовое потребление	**Многоразовая игра**

Что можно сказать напоследок?

Компьютерные игры и рассказы — это разные феномены, которые противоборствуют друг с другом. Вы не можете сопрягать эти феномены. Любой интерактивный рассказ или попытка интерактивного повествования является зигзагом между этими двумя отдельными колоннами.

Наши авторы:

Никита Григоров

Плач Аргуса

Когда человек теряет смысл жизни, он перестаёт быть человеком-

Никита Григоров

Аргус проснулся…

Было ещё очень рано, и он решил полежать немного в абсолютной тишине, выискивая нервными зрачками микроскопические потолочные трещины. Жилище — этот огромный, величественный дворец — саморазрушалось, тоскуя по человеческому вниманию, по ласке и заботливым рукам, беспрестанно ремонтирующим и совершенствующим его… Аргус лежал на роскошной кровати, с шёлковым одеялом, подушками, с вшитыми в них серебристыми нитями, расцвеченным драгоценными камнями балдахином, причудливо витиеватыми бильцами, приторными блёстками и множеством других мелких украшений…

Отголоски отвратительного сна постепенно растворялись в крепнущем после долгого отдыха сознании, и Аргус снова старался забыть его, выбросить из головы, уничтожить мерзкое видение, хотя прекрасно осознавал, что это бесполезно, и завтра таким же ранним утром он снова проснётся, и снова будет пытаться избавить себя от этого ужасного кошмара, снящегося ему каждую ночь уже более двух лет…

Наконец, с силой откинув одеяло, мужчина выбрался из постели и начал шарить под кроватью в поисках тапок. Действия его были механическими, инерционными, вымученными, рефлекторными — да какими угодно, только не осмысленными, плавными движениями адекватного человека. Было что-то надломленное в нём, какая-то странная обречённость пронизывала невероятно худое, испещрённое мутными венозными дорожками, тело. Одевшись, Аргус медленно вышел из спальни и по бесконечным, убранным не менее великолепно, чем покинутая им комната, коридорам, направился в ванную. Он давно заметил, что трещины покрыли не только спальню, они были везде, в каждом помещении, на каждой стене, если присмотреться, можно было различить этих маленьких чёрных змеек. Гобелены, люстры, паркет, даже стёкла — всё в этом здании укрывала бесплотная паутина запустения… Аргус часто думал, что, если бы дома были одушевлёнными и могли грустить, они грустили бы именно так, трескаясь.

Добравшись до нужного ему помещения, мужчина так же механически оглядел себя в грязном, в микроцарапинках, зеркале: он был истинным обитателем этого дворца — такой же скорбный, пыльный и разрушающийся, Аргус походил на мумию, к тому же небрежно забальзамированную. Кожа его, цвета грецкого ореха, с чёрными пятнами, давно уже переступила тот порог, когда загар может приносить эстети-

ческое наслаждение, лицо практически полностью покрывала сплошная соломенно-седая щетина, а тело, тонкое и немощное, походило своим видом на мелкую сухую рыбёшку. Отдельного внимания заслуживали глаза, такие чёрные угольки в молочной пене, полубезумные, обречённые глаза дикого зверя с пробитым на охоте боком.

Насмотревшись вдоволь, Аргус с отвращением отвернулся от зеркального себя и отправился в душ… Трубы, шланг, насадка — каждый предмет в душевой покрывали ядовитые пятна ржавчины, создавалось впечатление, будто всё вокруг подверглось избиению неведомого ненавистника чистоты и теперь истекает шершаво-рыжей кровью. Температура и напор воды были под стать всему остальному — холодная и слабая струйка не только не приносила желанного расслабления, но и отталкивала, вызывала психологическую аллергию. Но Аргус терпел, он понимал, что если ко всему прочему, что раздражает его, прибавится ещё и грязь, он сойдёт с ума, ибо мозг, раздражаемый так обильно и часто, рискует впасть в вечный и болезненно бурный оргазм…

Когда с мытьём было покончено, и Аргус снова очутился в коридоре, его следующей целью стала кухня. Идти пришлось в другое крыло, довольно-таки далеко, и путь этот пролегал по застланному пушистыми коврами полу. Было такое время, когда ноги полностью утопали в этих мягких подстилках, но сейчас ворс походил более на шерсть мокрой, искусанной дворняги, чем на дворцовый предмет роскоши. Каждый день, раз за разом, проходя по этим коврам, Аргус ощущал, как из прогулки в прогулку ходить становится всё твёрже, а иногда сквозь хлипкие подошвы он чувствовал даже голый, ничем не прикрытый мрамор пола.

Мужчина постоянно думал — это было единственное его занятие. Находясь в полном и абсолютном отрыве от человеческой цивилизации, он ужасно страдал от одиночества, беснуясь в рамках собственного сознания. Если бы имелась возможность хотя бы на несколько минут окунуться в то ощущение, которое разлагало его сейчас, ещё до своего вынужденного затворничества, Аргус, пожалуй и не согласился бы на это… Хотя, он не мог ответить точно, ибо награду за свою схиму вытребовал вполне достаточную, оставалось только надеяться, что правитель сдержал свой обет по отношению к нему…

Сегодня был особенный день, можно даже сказать — праздничный. Впервые за этот месяц Аргус услышит человеческий голос, пусть даже искажённый старым динамиком и космическими помехами, но всё же, хотя бы с кем-то можно будет поговорить, расспросить новости, узнать о достижениях Колонизации и, что самое главное, он будет иметь возможность пообщаться с женой и сыном. Как же Аргус скучал по ним, Господи, это было просто невыносимо!

Ну да ладно, он не хотел терзать свою и без того изодранную нервную систему, до сеанса связи ещё пять с половиной часов, и к тому же, у него есть дела на поверхности, так что надо пошевеливаться. Одолеваемый подобными мыслями, Аргус, наконец, вышел к громадной дворцовой кухне. Собственно говоря, непосредственно помещение было довольно-таки маленьким, солидный размер придавали ему гигантские холодильники, больше десятка, выстроившиеся у дальней стены.

Не стоило и надеяться, что питание выпадет из общей стилистики здания: безвкусные порошки, синтетические овощи, жидкая соя и прочие эрзац-продукты, от которых Аргуса буквально выворачивало наизнанку. А ещё какая-то вязкая дрянь с

маркировкой «Кофе»... Впрочем, мужчина часто ловил себя на мысли, что, забывая про настоящий вкус этого благородного напитка, начинает привыкать к находящейся в его распоряжении синтетике...

Завтрак — как, впрочем, и обед и ужин — являлся одной из самых шумных процедур, проделываемых Аргусом ежедневно: во время этого действа мужчина мог слышать скрежет разрываемых упаковок с приправами, тихий свист закипающего чайника, звон легонько цокающих о стол чашек: он также намеренно громко жевал, и делал это для того, чтобы создать иллюзию повседневного шума в многолюдном месте, тренируя таким образом свои отвыкшие от громких звуков уши.

Ещё Аргус разговаривал иногда сам с собой — также для тренировки: читал любимые стихи вслух, декламировал монологи из пьес... Он ужасно боялся деградировать в своём одиночестве, хотел сохранить себя, свой интеллект и духовный мир во что бы то ни стало, несмотря даже на сложившуюся ситуацию,.

После еды мужчина всегда тщательно убирал за собой — он знал, что если пренебречь этим правилом хотя бы один раз, заставить себя провести уборку назавтра станет гораздо сложнее, даже не так — осуществить задуманное будет практически невозможно, и в конце концов Аргус превратится в животное, живущее среди помоев. Он проводил уже подобный эксперимент на своим лицом — не брился несколько дней — и результат из зеркала просто шокировал его сегодняшним утром... Дикарь начал беспрестанно убеждать себя в необходимости бритья, но так и не смог заставить свою кисть сомкнуться вокруг бритвенного станка...

Причиной такого удивительного неподчинения самому себе служила глобальная лень, коя, заключённая до поры до времени в кандалы стального характера, никак не проявляла себя, но потом, случайно высвободившись, заполнила своей мерзкой массой всю сущность исстрадавшегося Аргуса.

Это была индивидуальная особенность его характера, и особенность эту надо было искоренять, но не сейчас, в сорок шесть лет, а начать хотя бы в восемнадцать... А так, что толку думать об этом, надо просто не допускать таких ситуаций, в которых его блажь могла бы сыграть с ним злую шутку...

Убравшись, Аргус решил, что пора приниматься за работу...

Роскошное здание, в котором обитал этот одинокий человек, располагалось неглубоко под землёй, где-то на расстоянии сорока метров от поверхности, так, что шпили самых высоких башенок замка чёрными прутьями возвышались над грунтом... Такое необычное расположение было выбрано архитекторами для того, чтобы по возможности лучше защитить постройку от очень сильного холода, бывшего отличительной особенностью практически всех регионов планеты. Историки утверждали, что были времена, когда климат Марса благоприятствовал проживанию людей на поверхности, но потом, в результате какого-то глобального катаклизма, сведения о котором были настолько размыты, что не представлялось возможным определить ни его природу, ни вид (учёные, однако, склоняются к тому, что в одно из морей упал гигантский метеорит), в атмосфере красного шара начали происходить глобальные изменения, приведшие в результате к резкому похолоданию.

А вообще же, Аргус ничего не знал. Он не был ни учёным, ни интеллектуалом, не следил за научными открытиями, не интересовался историей. Он просто работал старшим помощником священника при храме, и этого ему вполне хватало. Из своих

самых страстных увлечений Аргус мог выделить пожалуй поэзию и театр; он знал много из классики, не гнушался и современными творцами, часто ходил в одеон на представления, приучал к искусству своего маленького сына.

Размышляя обо всём этом, мужчина и не заметил, как оказался в гардеробе, даже начал надевать невероятно тёплый меховой костюм для выхода на поверхность и кислородную маску — с каждым днём атмосфера становилась всё более разреженной, и без маски дышать было невероятно тяжело. Планета агонизировала — это очевидно, пройдёт ещё пара месяцев и с внешней стороны окончательно исчезнут вся живность и растения, да и сам Аргус скорее всего не протянет долго…

Закончив переодевание, экипировавшись фонариком, ключами от автомобиля и небольшим запасом провизии на всякий случай, Аргус вызвал лифт, шахта коего располагалась в нескольких шагах от гардеробной.

Теперь он начал думать над своей миссией, размышлять, так ли уж важна она для него и для всего остального человечества? С одной стороны, религия — поклонение Марсу, абсолютному космическому разуму — сплотила марсиан в единый и дружный народ, позволила им добиться значительных успехов в освоении космоса, построить развитую цивилизацию, воспринимающую индивидуальный человеческий интеллект как часть интеллекта общего, универсального. Именно такое мировоззрение, передаваемое из поколения в поколение, способствовало значительным достижениям — как научного, так и культурного плана, открыло для относительно молодой расы новые перспективы развития и, наконец, что самое главное, позволило человечеству покорить космическое пространство.

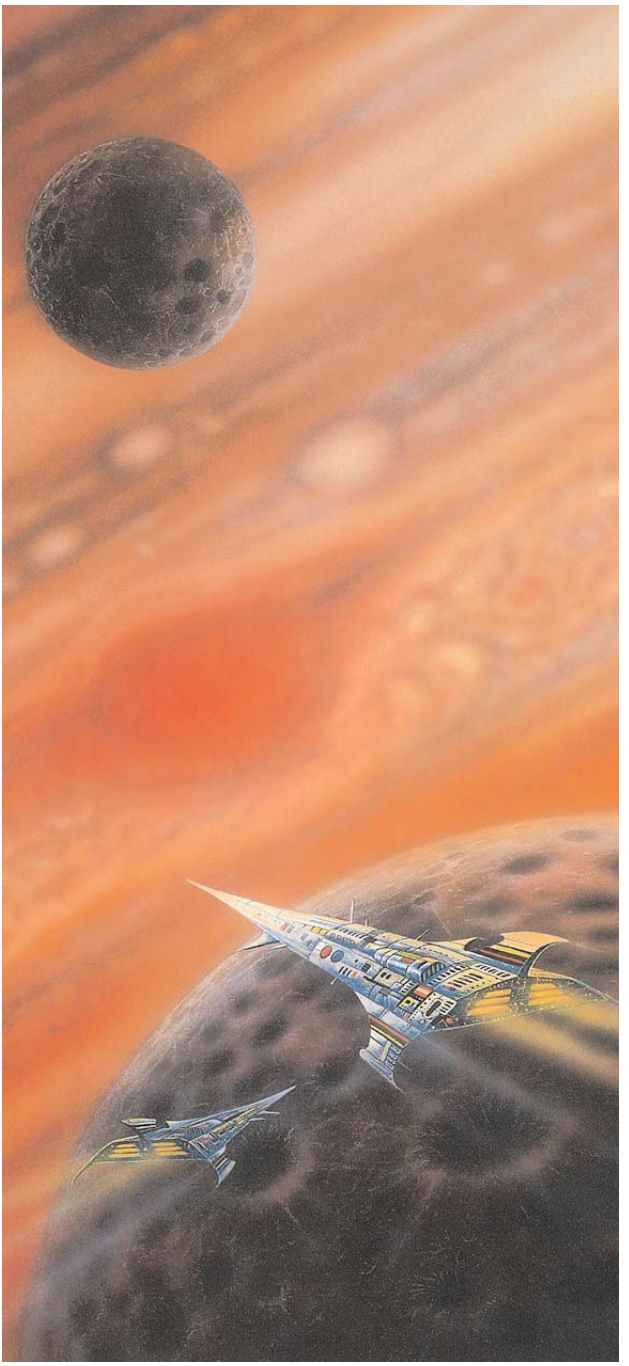
Секрет столь стремительного интеллектуального успеха заключался в том, что каждый ум марсианского народа работал не на собственное обогащение, а лишь для общего блага нации, другими словами, никто не хотел для себя автомобиль, однако каждый искренне желал, чтобы все дети были обеспечены школьными автобусами…

Безусловно, формированием такого прекрасного с точки зрения государственности мировоззрения марсиане были обязаны своей религии, а точнее, группе древних философов, разработавших концепцию абсолютного разума. И всё же, следует признать некоторые её существенные недостатки, чрезмерную идеологическую ангажированность, благодаря которой Аргус и ехал сейчас в лифте навстречу ледяному аду.

Двери лифта с шипением разъехались в стороны, и Аргус очутился в шлюзе, единственном теперь помещении, отделявшем его от большого мира. Шлюз был также и гаражом — у задней его стены стоял массивный автомобиль, огромный, слегка потрёпанный временем вездеход, с громадными шипованными шинами и бронированными стёклами. Аргус сел в машину и резким движением завёл мотор. Он всегда заправлял бак сразу после очередной поездки, так что сейчас запас горючего был на максимуме, и об этом можно было не беспокоиться. Клацнув на дистанционном пульте кнопку, открывающую внешний люк, Аргус до отказа вдавил педаль газа и выехал из дворца в сырой и неуютный холод.

Вот уже более двух лет этот мужчина жил на планете в совершенном одиночестве, находился здесь с той лишь целью, чтобы снимать показания приборов, усердно регистрирующих каждый новый этап конвульсивной планетарной агонии. Зачем? Раньше он думал, что знает ответ на этот вопрос: как адепт Марса, и, тем более, цер-

ковный служитель, он был просто обязан добывать новое знание на благо всего остального общества. Полученную с разбросанных по периметру в несколько сотен километров датчиков информацию Аргус доставлял в Центральный Храм Марса, где находился мощнейший из разработанных людьми компьютеров, уникальность которого заключалась в том, что он мог передавать информацию абсолютно на любые расстояния, используя в качестве проводника атомы... Этот суперпроцессор анализировал полученные от Аргуса данные, сопоставлял их, высчитывал прогнозы, чертил графики, а полученную информацию отправлял на Землю — новое пристанище человеческой расы.



Дэнни Флинн «Луны Юпитера»

Вообще же, решение колонизировать другую, сходную с Марсом и близкую к нему, но совершенно дикую планету, было принято ещё пятьдесят лет назад, и первые исследовательские экспедиции летали на неё довольно-таки давно, однако резкое ухудшение ситуации в собственном мире, вызванное перенасыщением атмосферы вредными парами и общим истощением природных ископаемых, привело к тому, что жизнь на Марсе стала просто физиологически невозможной, и Правительственный Комитет принял решение о незамедлительной эвакуации всех жителей планеты (число коих составляло примерно семьдесят пять миллионов) на новую «Родину». Практически все оставшиеся в запасниках ресурсы были использованы для постройки огромного космического флота, состоявшего преимущественно из низкокачественных пассажирских кораблей.

Случилось это событие два года три месяца и двадцать один день назад... Было объявлено, что нужен доброволец, который останется на Марсе вести наблюдения

за природными процессами, происходящими здесь. Согласившемуся обещалось полное обеспечение членов семьи до третьего калена всем необходимым для существования, предоставление им бесплатного высшего образования, работы, квартиры, а также всяческое иное покровительство…

Аргус вызвался; во-первых, он полагал, будто этим поступком обеспечит достойное будущее для своих родных, а во-вторых, являясь церковным служкой, был воспитан в религиозном ключе, и действительно верил, что мифический суперразум Марса жаждет, чтобы он остался и добывал информацию о погибающей планете…

И они улетели…

Теперь, по прошествии этих двух лет, Аргус понимал, что тогдашнее его решение было опрометчивым и скорее всего неверным. Ведь сейчас он был разлучён со своими любимыми женой и сыном, разлучён навсегда, у него даже не было возможности проверить, соблюдены ли условия контракта, а между тем, информационные сообщения, поступавшие с Земли, не внушали надежд: Аргусу рассказывали об ужасных эпидемиях неизвестных марсианам болезней, о бесконечных междоусобных конфликтах, о выходящей из строя технике и невозможности пока заменить её, о наводнениях и диких зверях, с которыми приходиться сражаться новоявленным колонистам… Жизнь на Земле была невероятно тяжёлой, население катастрофически убывало, и никто не знал, чем это всё закончится…

Да… Анфора просила его остаться, не бросать её и ребёнка на произвол судьбы, они очень сильно ругались, Аргусу казалось, что он поступает правильно… Как же он ошибался…. И как же он скучал…

А универсальный интеллект Марс… Его вообще не существовало, документальное подтверждение чему мужчина нашёл в секретных архивах главного храма, доступ к которым был ему ранее запрещён… В ветхих фолиантах говорилось о том, что учение о едином сверхразуме — порождение ума человеческого, даже называлось имя создателя этой религии, но Аргус его, к сожалению, не запомнил…

Ну да ладно, что толку бесконечно думать об этом? В слегка затемнённом лобовом стекле Аргус видел бесконечные рыжие пески Марса. Унылый и совершенно мёртвый пейзаж… Вот во что превратилась его родная планета за эти два ничтожных года. Он был уверен, что без кислородной маски дышать уже просто невозможно и средняя температура опустилась ещё на несколько градусов ниже. Сегодня Аргусу нужно было завезти картриджи с собранной накануне информацией в храм и загрузить её в компьютер. А потом он вернётся и с наслаждением будет ждать вызова с Земли — этого ежемесячного праздника. Ему снова расскажут новости, спросят о самочувствии и о состоянии планеты, а потом он сможет услышать голос жены, сына… Марсианин улыбнулся — настолько ярко представил себе этот момент.

Наконец, далеко впереди показался храм — единственное наземное здание на много километров вокруг. Это был высокий продолговатый параллелепипед, с острой треугольной крышей и массивными колоннами — по три с каждой стороны от входа. Форма пантеона была вычурно геометрической, что должно было подчёркивать красоту чистого разума. Остановив машину возле колоннады, Аргус выбрался из неё и быстрым шагом, вприпрыжку от холода, вошёл в здание, воспользовавшись парадным крыльцом. Содержание полностью соответствовало внешнему виду помещения: бесконечные стеллажи с книгами, портреты выдающихся марсианских учё-

ных, приборы для физических и геометрических измерений, географические карты и атласы, колбы, реторты, штативы и множество других предметов, которые вызывают у людей ассоциации с учёностью.

А в центре залы (храм состоял из одной огромной залы), среди всего этого научного великолепия возвышался компьютер, величественная суперсистема, способная бесконечно анализировать, считать, вычислять, рассчитывать, планировать, и что самое главное, передавать информацию на поистине исполинские расстояния. Аргус, быстро подойдя к вычислительной машине, привычным движением включил её и вставил картриджи для загрузки…

Компьютер как-то болезненно всхлипнул и потух…

* * *

— Аргус, почему ты не отвечаешь? Что там у тебя стряслось? Аргус, приём, приём, ответь, Белен вызывает Аргуса…

— Мы не можем держать связь слишком долго, экономим батареи… Аргус, ответь…

— Аргус, последнее предупреждение, если ты не выйдешь в эфир, я отключаюсь….

— До свидания, Аргус. Не знаю, удастся ли провести сеанс связи в следующем месяце, дела неважные, сам понимаешь… Ребята передают тебе привет… И Анфора тоже… До связи, Аргус…

* * *

Аргус сидел на корточках в Центральном Храме, перед самым монитором и плакал. Нет, даже не так — он рыдал, распространяя вокруг себя волны утробного воя. Компьютер перегорел — неожиданно и навсегда, и на целой планете не найдётся деталей, чтобы починить его — переселенцы всё забрали с собой. Теперь жизнь потеряла свой смысл окончательно…

Из всех занятий, которые может предоставить человеку жизнь, у Аргуса остались лишь стенания…

14.05.12—16.05.12

Марк Лисовский

ДЕЛО С ТАТУИРОВАННЫМИ СЕСТРАМИ

Это был тяжелый день. Двоих пришлось уложить на месте. В моем плаще появилось пять новых кругленьких дырочек. В одном из случаев спас бронежилет. В какой-то момент запахло паленым, но дело закончилось славно. Я передал копам задержанных, крепко связав их розовыми лентами. Они отбивались, как черти. Однако я прибавил к атласным лентам алые банты, так что копы, в конце концов, приняли мой подарок. Перед красотой не устоишь. Такие милые штучки вы можете купить из-под полы в любой галантерее нашего города — если, конечно, знаете, кого спросить. К сожалению, изящный сервис теперь не в почете. Вы отдаете задержанным лучшее, но они затем все равно скулят и плачут. Неблагодарные люди!

Я сидел за моим рабочим столом и смотрел на неоновую вывеску, которая сияла через дорогу. Ее свет отражался на стволе оружия, которое я держал в руке. В голове промелькнула мысль о перестановке мебели в кабинете, но меня отвлек стук в дверь. За матовым стеклом угадывался силуэт пышногрудой девушки. Он разделялся на две половинки красивой надписью с моим именем и оригинальным логотипом — большим раскрытым глазом.

— Войдите, — сказал я.

Клиенты любят, когда им говорят короткие и резкие фразы. Это повышает класс фирмы и стоимость услуг. Я научился таким маленьким хитростям в школе частных детективов.

Открыв дверь нараспашку, в кабинет вошла блондинка. Она имела линии, мимо которых нельзя было проехать, не сбросив скорость. Ее белый костюм подчеркивал все бугорки и впадинки. Высокие плечи квадратной формы напоминали фильмы с незабвенной Ларой Крофт. Я всегда удивлялся тому, как им удавалось достигать таких конфигураций. Шляпка с длинным зеленым пером придавала ей романтический вид. Интересно, знала ли она об этом?

— Входите, милочка, — подбодрил я ее.

Закрыв дверь, она двинулась вперед, как приливная волна. В таких глазах можно было утонуть, а фигура создавала чувство, что в холодное утро вас угостили горячим кофе.

— Вы мистер Нидорг Скам? — спросила она.

— Нет. Меня зовут Макс Гродин.

Она оглянулась на закрытую дверь.

Alain Saquez. Baiser

— Хм, надпись с этой стороны действительно выглядит по-другому. Наверное, я не поняла вашей шутки. Мистер Гродин, помоги мне! Я в большой проблеме!

— Именно для этого я здесь и нахожусь. Проблемы — мой профиль, детка. Присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома. Если хотите, можете закинуть ноги на стол. Считайте меня вашим другом.

Она села и плотно сжала колени.

— Вы знаете, как создавать уют для скромных девушек.

— Уют — моя стихия, золотце, — ответил я. — Так в чем проблема? Надеюсь, вы не нарвались на того извращенца, который бегает по городу и завязывает шнурки на ботинках беззащитных девушек?

— Нет, моя проблема в другом. У меня пропала сестра.

— Они часто пропадают, — сочувственно заметил я. — Назовите мне ее приметы.

— У нее прекрасные зубы и мягкие пухлые губки, — ответила моя клиентка. — Такой ротик хочется целовать, забывая о времени. Синие глаза. Из-за них мужчины вьются вокруг нее, как моторные лодки. Из особых примет хотелось бы отметить дерзкую заостренную грудь, красивые стройные ноги и попку, которая сладко выпирает в форме двух маленьких дынек-близняшек.

Я быстро записывал поступавшую информацию.

— Какого сорта дыни? Мускатные?

— Да! Как вы угадали? Но они не зеленые, а вполне телесного цвета.

— Где их видели в последний раз?

— В деловом центре у большого строения с пентхаузом.

— Довольно странное место для провинциальной девушки, — мрачно заметил я. — У вас имеется ее фотография?

Моя клиентка порылась в сумочке и вытащила фото.

— Только эта. Я взяла ее из школьного альбома.

Красивая крошка на фотографии показалась мне странно знакомой. Снимок был сделан на фоне заполненных трибун. Спортивная фигурка в майке с широким вырезом. Маленькая юбка забавно взлетела вверх. Я сразу понял, что девушка была рассеянной — она забыла надеть трусики. Не удивительно, что люди на трибунах стадиона выглядели такими возбужденными.

— Похоже, она пользовалась популярностью?

— Невероятной! — ответила моя клиентка.

— Ее имя?

— Лулу. Лулу Фрюли Шпули. А меня зовут Лалу.

— Лалу Фрюли Шпули, — брызгая слюной, повторил я трудную фамилию.

— Да, — ответила она и вытерла лицо.

— Не много для начала.

— Она во всем похожа на меня. Мы с ней близняшки.

Я присмотрелся к фотографии.

— Ага! Так вот, в чем дело!

Внезапно во мне заговорила обида.

— Неужели вы подумали, что до меня не дошло? Скажите, вы так подумали? Между прочим, нас, частных сыщиков, учат замечать такие вещи!

Она извинилась, но было поздно. Я начал шмыгать носом, и слезы покатились по моим щекам. Лалу придвинулась ко мне. Она гладила мои плечи, пока я не взял себя в руки. Тогда она отложила раскаленный утюг в сторону и вернулась в свое кресло.

— А у вас нет других фотографий? — с надеждой спросил я.

— Нет, только эта.

— Вы уверены?

— Конечно.

Мои огромные накаченные мышцы пришли в движение. Пальцы потянулись к сумочке, но Лалу выдернула ее из-под моей ладони. Я метнулся вдогонку и распластался на столе.

— Значит, вы не хотите, что я осмотрел вашу сумочку?

— Пожалуйста, — ответила она. — Мне нечего скрывать.

В сумочке оказался ключ от комнаты гостиницы, пачка тысячедолларовых купюр, большой автоматический пистолет, дубинка, наручники, хлыст и баночка с вазелином. Фотографий не было. Я разочарованно вернулся в кресло.

— Как видите, этот обычный набор провинциальной скромной девушки, которая приехала в незнакомый город.

Она картинно вскинула руки вверх, вызвав у меня молниеносный рефлекс. Я соскочил со стола. Кресло упало на пол. Мой ствол уперся в ее подбородок. Я был готов ко всему.

— О, мистер Гродин, — смущенно сказала она. — Так вы поможете мне? Я так одинока и беспомощна. Я так устала от тревог. Устала от всего. Мне больше не к кому обратиться. Я больше никому не могу доверять.

Поместив ствол на место, я застегнул «молнию» и посмотрел на блондинку.

— Не верю я в вашу беспомощность. Вы очень хороши. Думаю, изюминка заключается в том, как вы склоняетесь вперед и выставляете грудь, когда говорите фразы типа: «Помогите мне, мистер Гродин.» Похоже, вы знаете, как этим пользоваться.

Она склонилась вперед и, выставив грудь, взмолилась:

— Помогите мне, мистер Гродин! Найдите мою сестру!

— Не так быстро, мисс Фрюли Шпули, — ответил я. — Все это дело может оказаться подстроенной западней. Вы сказали, что похожи на свою сестру, но не предъявили мне никаких доказательств. А ведь волосы можно перекрасить! Откуда мне знать, что вы не крашеная блондинка! И что ваша сестра выглядит так же, как вы! Она точно похожа на вас?

— Да, клянусь! Мы одинаковы во всем! Кроме усиков.

— Ага! — воскликнул я. — У вашей сестры имеются усы?

— Да, но не настоящие, — ответила Лалу. — Они на ее татуировке. На внутренней стороне бедер. Вернее, чуть выше. Или можно сказать, что чуть ниже живота. Прямо посередине. Во всем остальном мы похожи.

Наконец-то, мы подошли к чему-то существенному.

— Значит, татуировка, — сказал я. — Вы можете ее описать?

Она томно легла на стол и, прищурив глаза, попыталась вспомнить картинку.

— Это небольшая репродукция Лизистрата.

Ее брови нахмурились от концентрации внимания.

— У моей сестры вторая девушка справа с усами. Дефект возник из-за того, что татуировщик чихнул, и его рука дрогнула.

— Насколько велика ее тату? — спросил я.

В моем уме промелькнули образы рисунков в пустыне Наска.

— Размером с моль, — ответила Лалу. — Многие думали, что это действительно моль, пока не присматривались к ней. И даже тогда им приходилось использовать увеличительное стекло, чтобы увериться в иллюзии.

— Значит, вы отличаетесь от сестры только тем, что у вас нет татуировки?

— Она у меня тоже есть, но без усов!

Я откинулся на спинку кресла и скрестил на груди мускулистые руки. Пришло время показать свой характер. Отныне никаких мистеров Симпатяг и Хороших парней.

— Если вы хотите получить мою помощь, то должны быть откровенными со мной. Мне нужно осмотреть татуировку.

— Прямо здесь? Сейчас?

— Послушайте, любезная, — сказал я нежно, но строго. — Если вы не начнете доверять мне, никакой работы не будет. Частный детектив похож на священника и психоаналитика, на вашего любимого дядю или агента ФСБ. Вы показали бы им свою татуировку?

— Конечно, — ответила она. — Какие могут быть вопросы?

— Со мной все то же самое, голубка. Мы должны доверять друг другу. Или я не возьмусь за это дело.

— О, доверяю вам, мистер Гродин. Вы единственный человек в этом городе, достаточно сильный и симпатичный, с кудрявыми волосами и решительным подбородком, широкими плечами и...

Я позволил Лалу продолжать в том же духе еще полчаса, а затем прервал ее речь:

— Довольно похвал. Вскоре вы услышите и не такое!

— Ах, мистер Гродин, вы удивительный мужчина! У вас найдется увеличительное стекло?

— Необходимость в них отпала вместе с конными упряжками. Современный детектив не нуждается в искусственных приспособлениях для поиска улик. Однажды — возможно, не сегодня и не завтра, но однажды — вы поймете мои слова.

— Конечно, — согласилась она и забралась на стол.

Лалу приподняла юбку и спустила вниз трусики.

— Вам лучше снять одежду, — посоветовал я ей. — Все эти бра и маечки. Я не хочу упустить ни одной детали. Впрочем, шляпу вы можете оставить.

— О, мистер Гродин! С вами я чувствую себя в полной безопасности. Вы настоящий профессионал!

— За это мне и платят, — ответил я, протягивая руку к лампе, которая висела над столом.

— Зачем вам это, мистер Гродин?

— Для атмосферы.

Я слегка качнул лампу, и лучики света из пулевых отверстий заиграли на теле девушки.

— Атмосфера в нашем деле имеет огромное значение.

Сначала Лалу сняла жакет. Когда я понял, что ее квадратные линии плеч создавались наплечниками, с моих уст сорвался облегченный вздох. Сразу было видно, что красотка приехала из провинции. Стандартная стройная фигура. Все те же трусики и бра, которые носят теперь только в маленьких городках. Да и ноги были обычной длины — их едва хватало, чтобы покрыть расстояние от трусиков до лодыжек. Ни сантиметра больше. Ее милая попка ничем не отличалась от задка сестры. Как там она сказала? Мускатные дыньки? Точно! С мягкой и розовой корочкой.

— Как видите, мистер Гродин, я ничего от вас не скрываю.

— Вам лучше придвинуться. Я еще не рассмотрел татуировку.

Лалу села на стол и закинула ноги мне на плечи.

— Она внутри.

Ее палец указал в нужном направлении. Я отодвинул его, чтобы рассмотреть рисунок, но татуировки не было. Обычные складки розовой плоти. Чуть выше, под лобком, торчала забавная маленькая штучка. Я не понимал ее предназначения, хотя видел этот бугорок у многих девушек.

— Отлично, сладенькая. Теперь расскажите, в чем прикол. Здесь нет никакой тату!

— Как это нет? — вскричала она и склонилась, чтобы посмотреть. — Она там была.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— В прошлом месяце — на встрече регионального фонда борьбы за окружающую среду. Моя подруга Лиза продавала там ручные зеркала. Мы устроили небольшой показ, и все видели, что моя татуировка была на месте. Это могут подтвердить швейцар и два официанта.

— Покажите точно, где она располагалась!

Лалу раздвинула пальцами небольшие складки и указала место под маленьким протуберанцем.

— Она была здесь.

— А кто-то мог видеть ее позже? Подумайте, мисс Фрюли Шпули.

— Ну разве что парни, которые подвозили меня на машине… И команда футболистов! Они отдыхают в том же гостинице, где остановилась я.

В деле появилась новая загадка. Каким же образом могла исчезнуть злополучная тату? Мне припомнились девушки, за которыми я наблюдал через замочную скважину, когда практиковался в сборе улик. Внезапно меня осенила идея.

— Скажите, а вы трете себя там пальцами?

— Иногда, — честно призналась она. — Под душем и в ванной. Девушки всегда должны быть чистыми.

— А как именно вы трете это место? Вверх и вниз, постепенно увеличивая скорость? Или из стороны в сторону, с вращательными движениями, закидывая голову назад и постепенно сходя с ума?

— Я использую оба варианта. Это требуется для того, чтобы складочки и щелочки стали чистыми и эластичными.

— Вам лучше показать мне это, — сказал я.

— Но у меня нет мочалки!

— Ничего, — ответил я. — На этот раз мы устроим показательное очищение. Если нам потребуется мочалка, мы поедем в ваш гостиничный номер.

— Я обычно начинаю с широких массирующих движений, — пояснила она, показывая мне свой метод. — Затем перехожу к поступательным движениям вверх и вниз, с небольшим вращением и углублением внутрь. Вот так.

Откуда-то появился рыбный запах. Я сунул палец в исследуемое место, и ее глаза закатились. Она сползла со стола и начала кататься по полу. Чтобы упростить процедуру изучения, я снял штаны и вытащил огромную, похожую на палку штуку, которая росла под моим упругим и плоским животом.

— Вам лучше? — спросил я, вводя «штуку» в дело.

Она издала утвердительный стон, в котором чувствовалось облегчение.

— Еще не совсем, — сказала она, карабкаясь на стол. — Для совершенной чистоты мне нужно обработать каждую сторону. Вы понимаете, что я имею в виду?

Покрутив своей «штукой», я почувствовал боль и решил продолжить поступательные движения. Внезапно мой взгляд уловил остатки тату.

— Секундочку! Оставайтесь неподвижной. Она здесь! Едва заметная! Теперь я понимаю, что произошло. Вы так сильно очищали себя, что почти стерли рисунок.

— О, мистер Гродин, — восхищенно произнесла Лалу. — Я бы никогда не додумалась до этого. Вы решили сложную дедуктивную загадку!

— Осталось только небольшое пятно. Вы позволите мне рассмотреть его?

— Ах! Лучше сотрите этот фрагмент, — взмолилась она. — Ни одна порядочная девушка не согласиться жить с наполовину стертой татуировкой. Что об этом скажут люди!

— Для меня удаление вашей татуировки является лишь побочной линией расследования. Но я постараюсь вам помочь. Придвиньтесь ближе.

Ей нравилась чистота. Она по-прежнему терла себя пальцами. Затем, откинувшись назад, Лалу подняла ноги и раздвинула их передо мной.

— Этот способ немного трудноват, — призналась она.

— Возможно, так вам будет легче, — ответил я, выдвигая из стола два боковых ящика, на которые она могла поставить ноги.

— Ваш офис напоминает мне кабинет гинеколога. Вы тут не используете холодных металлических вещей?

Я склонился вперед.

— В наши дни детективы не нуждаются в искусственных приспособлениях. Когда вы, обычные люди, наконец, поймете это?

— О, мистер Гродин, — вскричала она. — Вы очень хороши! Как вы стали таким умелым и ловким?

— С помофью довгих (флюп, флюп, флюп) трениевок.

Наверное, она нашла в моих словах что-то забавное, потому что начала конвульсивно сотрясаться, как мне показалось, от сдерживаемого смеха. Ее резкие движения бедер подкидывали мою голову. Моя шляпа слетела на пол. Я всосал свежий воздух в легкие и расширил ноздри. Мне хотелось проверить еще одну вещь. Я должен был убедиться, что она ничего от меня не скрывала. Как-то раз одна девушка поймала меня, как мышь, спрятав внутри мышеловку. Если бы я не надел тогда пуленепробиваемый презерватив, то мог бы получить серьезное ранение. Но моя клиентка не выглядела девушкой, способной на такую подлость, поэтому я решил рискнуть. К тому же, мой презерватив был отдан в мастерскую для капитального ремонта. Выбора не было.

— Есть одна предосторожность, которую я считаю главной в частном сыске. Никогда не забывай о тщательном осмотре. Ведь оружие можно спрятать где угодно.

— Ах, мистер Гродин, — закричала она. — Какой же вы опытный профессионал!

Да, я славился тем, что, взявшись за дело, всегда доводил его до конца!

Я дал блондинке бутылку дешевого виски, которую держал для таких чрезвычайных случаев. Она, посасывая горлышко, осталась в офисе. Все было нормально. Бутылка имела средние размеры и не могла повредить ее внутренностям. А если бы она разбила ее, я внес бы стоимость ущерба в статью дополнительных расходов.

И вот передо мной мой город: грубый, мерзкий и дождливый, раскрашенный в серые тона и жаждущий гигантского памперса. Коп в вестибюле приветливо кивнул. В эту зловещую ночь он тоже стирал кому-то тату. Женщины так и вешались на его большой придаток. Я приподнял шляпу, отступил на несколько шагов и, разбежавшись, перепрыгнул через его шлагбаум, преграждавший мне путь. Где-то выла труба, и ей вторил саксофон. Мокрый асфальт блестел под ногами, и потоки воды перетекали из люков в люки, заставляя девушек взбегать вверх по ступеням — прямо навстречу ко мне.

— Эй, симпатяга, — сказала первая девушка, приподнимая юбку и опуская трусики. — Хочешь попробовать? Особая цена на эту ночь! Всего двадцать пять центов.

— Нет, возьми меня, — крикнула вторая. — Я отдамся даром.

Первая девушка осмотрела меня с головы до ног и узнала.

— Может, возьмешь нас пятерых сразу? Два доллара за ночь, и мы смажем тебя маслом от пяток до головы.

— И будем громко кричать, — добавила пятая. — Что ты думаешь делать остаток ночи. Если хочешь, мы позовем еще пару девчонок. Цена та же.

— Извините, подружки, — ответил я. — Вы же знаете, что я частный детектив. И сейчас я на задании.

— Как жаль! — захныкали девочки. — Он на важном задании.

— Пропала девушка по имени Лулу, — мягко успокоил их я.-Возможно, грязная игра бесстыдных негодяев, которые вновь подняли голову на наших улицах. Она блондинка, с небольшой татуировкой. Размером с хомячка.

— Где точно? — спросила вторая девушка

Я показал на первой девушке.

— Эй! — обиженно запротестовала вторая. — Это я спросила!

— Прости, сахарок, — ответила я и показал на ней тоже.

— Так нечестно! — закричала третья. — Кому-то все, а другим ничего!

— Мне тоже покажи! — попросила четвертая.

— Куда! Я первая! — рявкнула пятая. — Что вы тут топчетесь передо мной!

Ситуация начинала выходить из-под контроля. Я должен был что-то сделать, чтобы подавить социальный протест. Мне пришлось построить девушек в шеренгу и показать им всем. У первой начались конвульсии, вторая побледнела, третья каким-то образом втянула мой палец внутрь, и я никак не мог его вытащить.

— Теперь кричи громко, Лесли, — сказала четвертая девушка. — Я смотрю, ты не торопишься? Решила заграбастать его на всю ночь?

— Заткнись, Мари-Жуан! Я спешу, как мо… мо… мо… могу!

Ее глаза закатились, глаза стали, как у той мраморной статуи, которую я видел однажды в музее. Затем они вернулись к нормальному состоянию, но начали быстро вращаться. А потом она упала на попку, освободив мой палец с мокрым чмоканьем. Я показал местоположение тату четвертой девушке, которая через минуту закричала: «Эврика!». Еще через минуту она упала рядом с остальными девушками.

— Ну! — спросил я, закончив и с пятой. — Вы не видели девушку с тату в этом месте?

Третьей удалось открыть глаза.

— Нет, — хрипло прошептала она. — Мы ее не видели.

Я понял, что опрос свидетелей не принес желаемых плодов. Это был грубый город, наполненный крутыми людьми, и когда они не хотели говорить, то закрывались, как створки раковин. Но я не унывал, хотя и сомневался в собственных силах. Я пока еще не знал, хватит ли мне сил на опрос всех девушек в городе.

***

По словам Лалу, ее сестру последний раз видели у высотки с нависавшим козырьком. Этот пентхауз был штаб-квартирой Большого Луи Лонга. Конечно, крутой вызов, но подобные авантюры были моим бизнесом. Луи Лонг славился подкупами и

коррупцией, лжесвидетельством и даже неправильными переходами через улицу, когда его никто не видел. Телохранители, естественно, видели это, но я не брал их в расчет. Каждую субботнюю ночь он проводил на окраине города закрытые покерные игры со ставкой до двух пенни. Если два парня доставали из машин бейсбольные бита и начали спорить, кто из них останется живым, Большой Луи был первым, кто собирал процент со ставок. Лонг крышевал все фонтаны города, и его коллекция скидочных купонов, которые он крал из почтовых ящиков добропорядочных граждан, считалась самой большой на планете.

Я проскользнул в лифт, покормил рыбку в освещенном аквариуме каким-то мусором из моего пупка и нажал кнопку с надписью «Пентхауз». Большой Луи задолжал мне парочку услуг. Двери лифта раскрылись.

— Привет, парни, — сказал я двум нубийским телохранителям, стоявшим в коридоре.

Эл (тот, что нависал надо мной слева) прошептал что-то Бруно (тому, что крутил пальцем в носу справа от меня). Бруно ответил ему таким же неразборчивым шепотом.

— Говорите нормально, — рявкнул я, выпятив брови и нижнюю челюсть.

Они тут же поняли, что я пришел по делу.

— Мы все здесь друзья, братан.

Эл попытался прояснить свое поведение:

— Я сказать: «Вот он приходить, как и думать босс». Потом я сказать: «Ты готов стрелять?», и Бруно ответить: «Всегда готов.»

— Ладно, — произнес я. — Давайте закругляться.

Оба парня тут же вытащили пушки и наставили их на меня. Я небрежно отмахнулся.

— Не сейчас, ребята. Это общественный визит. Луи дома?

— Босс сказать, что если ты приходить, нам надо наврать, что он уехать в отпуск на моря, — ответил Эл.

Я презрительно сплюнул.

— Неужели он надеялся одурачить меня? Каждый знает, что он проводит отпуск в деревне Задрюпинка.

— Мы выкручивались, как могли, — сказал Бруно, вытирая с пола мой плевок. — Ты не можешь сказать, что мы не сопротивлялись.

— Не волнуйтесь, ребята, — заверил я их. — Я скажу вашему боссу, что какой-то крепкий орешек бросил вас в шахту лифта, но вы все-таки выбрались оттуда. Это его успокоит.

— Спасибо, мистер Гродин, — со светлой улыбкой сказал Эл. — Ты не ябеда-корябеда.

Это был обычный слэнг криминального мира — немного вальяжный, с душком дорогих духов и первоклассного маникюра, который можно оплатить только очень

большими деньгами; слишком бархатистый, на мой вкус. Я-то точно не выбирал такие обои в моем личном театре. Протиснувшись сквозь толпу их наложниц, я направился к задней двери.

Ковер в бильярдном зале приглушил мои шаги, но в пустом баскетбольном зале они вызвали эхо, а в помещении бассейна — звонкое хлюпанье. Я немного задержался, чтобы погреть руки на деньгах, горевших в большом камине. Когда же эти бандиты чему-то научатся? Деньги любят счет, а не безудержные растраты!

Обнаженный Луи лежал на полу и выдувал забавную мелодию на гениталиях скромной симпатичной девушки. От этой музыки ноги сами шли в пляс.

— Что, Луи? — спросил я. — По-прежнему разыгрываешь из себя меломана?

Взглянув на мой танец, Луи раздраженно вскричал.

— Опять ты! Что случилось с Бруно и Элом?

— То же самое, что и всегда.

— Снова тот крутой орешек?

— Да, но речь не о них. Мне нужна от тебя одна услуга. Ты же помнишь, что за тобой должок.

— Вот, — сказал Луи, указывая на девушку.-Можешь забрать ее себе.

Я тщательно осмотрел подарок.

— Ты так просто не отделаешься, Луи. Дешевые вещи сейчас не в моде.

— Конечно, Макс, конечно. Я просто пошутил. Зайди в подсобку и выбери себе любой товар.

— Я пришел за информацией. Расскажи мне все, что ты знаешь, о девушке по имени Лулу Фрюли Шпули.

Большой Луи вдруг хищно усмехнулся. Я повернулся, но было уже поздно. Перед моими глазами сверкнула яркая вспышка, и я потерялся в мире звезд и прочих эстрадных певиц, приближавшихся ко мне то быстро, то медленно, дрожа и пылая страстью, раскрывая губы и показывая кончики розовых раздвоенных язычков. Я оказался в мире, который не видел ни один другой мужчина — в сказочном месте, где можно было отбросить проблемы и познать необычайные наслаждения. Хотя я понимал, что это не надолго. Так оно и вышло.

Открыв глаза, я понял, что с меня сорвали всю одежду и привязали к кровати. На мне оставалась только шляпа. Даже бандиты имели какое-то чувство приличия. Стены комната, обитые черным вельветом, навевали необъяснимую грусть. На одной стене висела картина Оскопленного мученика. Я забился в путах. Без толку! Меня связали самыми тонкими атласными лентами.

Из тени вышла женщина в высоких черных ботинках. Ее тело покрывал блестящий алый латекс. Она поставила ногу на постель. В черных глазах угадывался мрачный триумф, вызывавший у меня рефлекторную дрожь.

— Вот так-то, Макс, — сказала она. — Мы встретились снова! На этот раз на мо-

ей территории! Ты думал, что можешь уйти, оставив меня. Но я знала, что это лишь вопрос времени.

— Я догадывался, что встречусь с тобой, Зельда. Или мне нужно называть тебя мадам Лезон?

В ее глазах вспыхнули искорки гнева.

— Все сходится, — продолжил я. — Кто еще, как не ты? Хитрый ход, но он не принесет тебе ничего хорошего.

— Ты сам-то себе веришь, Макс? На этот раз я подготовилась лучше. Ты уже видел такую штучку?

Я прищурился, рассматривая странный предмет, который она держала в руке.

— Резиновая бейсбольная бита?

— Нет, сахарок, — зловеще ответила она. — Это дидло. Огромное каучуковое дидло! В прошлый раз, когда мы встречались, ты делал все по-своему. Теперь ситуацию буду контролировать я!

И с этими словами она показала мне предмет, который держала за спиной в другой руке. Это была рюмка, до краев наполненная янтарной жидкостью.

— Ты знаешь, что в рюмке, Макс?

— Нет, — встревожено признался я.

— В ней бухалово, — ответила Зельда, заливаясь злобным смехом.

Вместо «мурашек» по моей спине побежали слоны.

— Стоит глотнуть его, и человек превращается в мягкую уступчивую жертву. Его речь становится невнятной, а походка — неровной. На щеках появляются красные пятна. Мужчины начинают липнуть к мерзким женщинам, рассказывая им длинные истории об убийствах, которые они совершили в ранней юности.

— Зельда, прекрати! — прорычал я, дергаясь в путах.-Лучше скажи, что ты хочешь.

— Пока ты не вошел в мою жизнь, я была счастливой женщиной. Я могла лежать и думать о домашних хорьках, пока мужчины потели над моим телом. Но потом появился ты — обычный парень, которого я даже не заметила бы на улице. И мое спокойствие закончилось. Я стала слабой и ранимой. Я начала ездить на природу, посещать баскетбольные игры, ходить в библиотеки, собирать социальные пожертвования, носить трусики и длинные юбки. Это длилось очень долго, Макс. Лишь огромным усилием воли я смогла вернуться к прежней жизни!

Теперь я вспомнил. Когда-то давно она была моей подружкой. Кажется, мы расстались с ней три недели назад! Она взмахнула перед моим лицом маленькой рюмкой.

— Один глоток, и я смогу делать с тобой все, что захочу. Ты не сможешь сопротивляться. Ты будешь лежать с открытым ртом. И с твоих губ перестанут слетать глупые шутки! Типа: «Кто стучится в дверь моя? Видишь дома нет никто! Это я твоя Зухра! Секас я тебе принес!» А позже ты накинешь на себя какое-то тряпье и будешь сидеть у порога, брошенный и неприкаянный. И по твоим ногам будет сочиться сок пропавшей на века любви!

— Какую жуткую картину ты нарисовала, Зельда!

Она оглянулась через плечо на картину Оскопленного мученика и пожала плечами.

— А что ты ожидал? Мне было только семь, когда я закончила ее. Но мы здесь не обсуждаем шедевры искусства.. Сейчас ты выпьешь эту жидкость, и мы посмотрим, кто уйдет отсюда голым и униженным.

Она склонилась вперед и вылила содержимое рюмки мне в рот.

— Ты чувствуешь воздействие, Макс? Ты чувствуешь щекотку между ног? Или у тебя уже немеет язык? Ну-ка, быстро скажи: «Сестричка Салли сидела в сияющем седане».

— Лисичка Лали ела яйца в ванне.

— Ага! — вскричала она. — Неправильно! Теперь ты в моей власти!

Отбросив рюмку в сторону, Зельда начала медленно покачиваться на постели вверх и вниз, помахивая розовым предметом. Затем, к моему удивлению, она поднесла к себе эту штуку и начала засовывать ее внутрь.

— Такие прибамбасы не удовлетворяют меня, Макс, — свирепо прошептала она. — Я могу возиться с ними всю ночь, но эффект нулевой. Но ты другое дело! Сейчас я сяду на твое лицо и потрусь о тебя своей киской. А ты будешь безвольно лежать с открытым ртом и онемевшим языком — вялый, покорный и жаждущий глоточка пива!

Она действительно села на меня и принялась двигать бедрами — вперед и назад, приподнимаясь и опускаясь. Ее глаза безумно расширились, губы открылись, моля о чем-то личном.

— О, моя богиня! — воскликнула она, ускорив тем движений.

Бедная малышка. Она не знала, что я годами закалял себя бухаловом. Я постепенно увеличивал дозы, пока не получил иммунитет от его психических эффектов. В ту пору мной руководил известный йог из Нью-Дарвина. Поэтому я без труда восстановил контроль над телом.

— Ах! — вскричала Зельда.-Как я хотела жить на природе! Ездить на утренники и в детские ясли! Выращивать тонны щавеля и кормить ими бедных страждущих нищих. Как мне нравилось сидеть под сушилкой для волос и болтать с незнакомыми женщинами. Как мне хотелось прогуливаться под руку с любимым мужчиной по ночному пляжу! Иметь разборчивые связи, пока мой муж уезжал бы в дальние командировки!

В душе она была довольно неплохой. Ее просто довели до такой невоздержанной жизни. Наконец, она приподнялась с моего лица и посмотрела на меня нежными глазами, в которых блестели слезы.

— Все нормально, сахарок, — прошептал я ей.-Но тебе лучше признаться во всем, пока не поздно.

— Я не могу больше сражаться с тобой, — простонала Зельда. — Она под кроватью.

И тогда из-под кровати выбралась Лулу.

***

Когда я вернулся в офис, Лалу все еще играла с бутылкой.

— Все прояснилось, когда я связал Большого Луи с твоей сестрой, — подытожил я, вытягивая горлышко из ее губ под лобком.

Хороший глоток прояснил мне голову. Я только одного не понимаю. Как в бутылку попадают всякие отвратительные сгустки? Мне пришлось выплеснуть остатки в окно.

— Зельда встретила ее два года назад, пока сидела под сушилкой для волос, — продолжил я.-Естественно, они начали обсуждать меня. Так всегда случается, когда две провинциальные девушки шепчутся о знаменитом детективе из большого города.

— Но почему, Макс?-вновь вскарабкавшись на стол, спросила Лалу. — Почему Зельда так запала на тебе?

— Зельда работала танцовщицей в «Грязном притоне» — в ресторане на Седьмой улице. Она неплохо управлялась с рабынями госпожи и постепенно получила повышение в карьере. А затем она встретила меня — единственного парня в городе, которому ей не удалось вскружить голову. Через некоторое время она затосковала о порядочной жизни. Ей опротивели клиенты. Так всегда бывает в этом бизнесе.

— Теперь все ясно, — сказала Лалу.-И поскольку вы нашли мою сестру, я вернусь в свой маленький поселок, чтобы устанавливать гаражные двери и разносить ватрушки по домам пенсионеров.

— Тогда нам следует поговорить о чеке, — печально ответил я.

Лалу покопалась в сумочке и вытащила три купюры по одной и две по три тысячи. Я взял пару штук и отодвинул остальное.

— Дело оказалось не сложным.

— Как вы благородны, мистер Гродин, — сказала она.-Тогда я прибавлю эти деньги к наследству, полученному от папы. Возможно, мне все-таки удастся успокоить ими свою сердечную тоску.

— Купи себе «Харли Дэвидсон», — посоветовал я. — Не бросайся на дешевый импорт. И направь Лулу на путь добропорядочной женщины.

Она склонилась к моим коленям, еще раз отблагодарила за помощь и затем ушла. Через несколько минут на пороге появилась Лулу. На ней были только белые перчатки, жемчужное ожерелье и цветы в волосах. Она нерешительно двинулась вперед семенящими шажками. Иначе она ходить не могла — шнурки на ее ботинках были связаны.

— Я запомнила его!-сказала она. — Забавный коротышка! И он ездит только на автобусах десятого маршрута. Черт бы его побрал! Третий раз за эту неделю!

— Забудь о нем, — грубо ответил я. — Ты знаешь, что Лалу разыскивала тебя несколько дней. А когда ее поиски ни к чему не привели, она обратилась ко мне. Ты все подстроила так, чтобы Лари увидел тебя входящей в здание Луи. Тебе было известно, что если ты пообщаешься с Гарри, он расскажет об этом Джерри, а тот передаст все слово в слово Терри. Конечно, Мэри тоже будет в курсе; слух дойдет до Зельды, а она проболтается о тебе Сопливому Чаки. Нет, меня не проведешь, Лулу! Сколько

бы ложных следов ты ни оставила, я размотаю клубок до конца!

Лулу вытащила носовой платок из-под мышки и вытерла вспотевший лоб.

— Все начиналось так невинно, — рыдая, сказала она. — Обычный девичий каприз. Просто две молодые женщины сидели под сушилками и обсуждали одного детектива из большого города.

— Я знаю, сладенькая. Все начинается именно так. А позже ситуация доходит до того, что меня привязывают к кровати. К счастью для тебя, это дело закрыто. Остался лишь один вопрос. Как ты докажешь, что действительно являешься Лулу? Откуда мне знать, что ты Фрюли Шпули, а не Ширли Мырли или еще какая-то там чертова дамочка из нашего города?

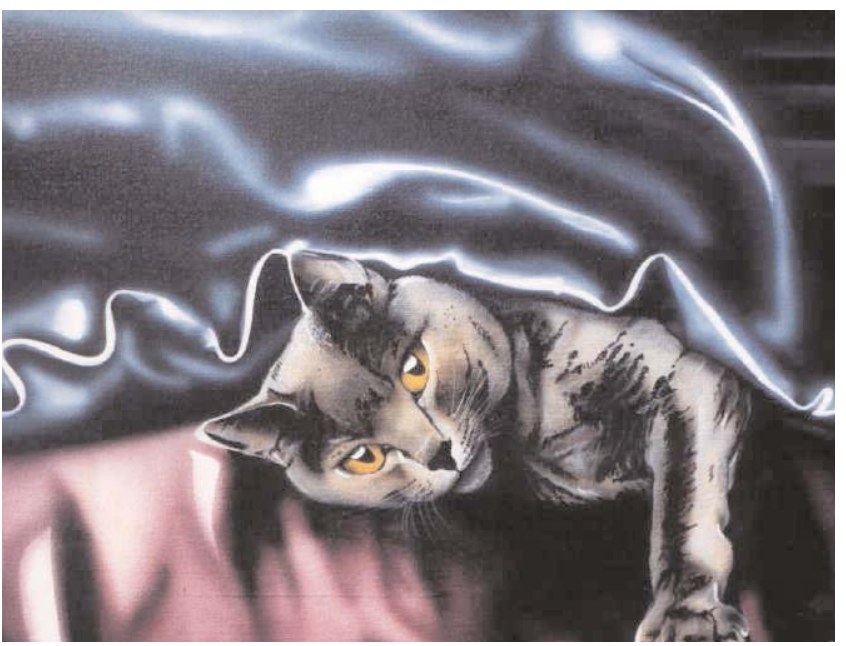
— Ах, Макс, — сказала она. — Разве это важно сейчас, когда мы вместе? Когда наши тела так близки друг другу?

— Я не в настроении для болтовни! Возможно, мы сидим сейчас на пороховой бочке! На динамите! Или на пластите, в конце концов!

— Но я Лулу! Я действительно сестра Лалу. Как мне это доказать?

— Есть только один способ, сахарок. Ты должна показать мне свои усики. Как еще я могу убедиться, что ты двойняшка, а не тройняшка?

Лулу вздохнула, развязала шнурки, вскарабкалась на стол, и я отодвинул два боковых ящика.



Alain Saquez. Greffier

В нашем деле вы должны досконально проверить каждую версию. Это обременительная и требовательная, иногда неприятная и повседневная работа — та, которая уносит вас порой в глубокие и жаркие, страстные и влажные глубины. И как только вы оказываетесь там, вам хочется входить туда снова и снова, несмотря на усталость и бессонные ночи! Такая работа под силу лишь крутым мужчинам — решительным, жестким и бесстрашным! Но кому-то же надо заниматься этим, правда? Вот то-то и оно!

Мария Виноградова

НАВАЖДЕНИЕ

Солнечный лучик мягко и ласково коснулся спящего человека: вначале дотронулся до седеющих прядей, потом ущипнул за ухо, перебрался на темную щетину щеки… Мужчина пошевелился, будто почувствовал прикосновение.

— Да, милая, сейчас, еще минутку, — сонно пробурчал он, — такой сон интересный…

Лучик, видимо, засмущавшись, перебрался на подушку, а мужчина потянулся и окончательно проснулся. Глянув на вторую половину кровати, он нахмурился:

— Снова сбежала на работу… И даже не поцеловала! Ну, Ритка, я же просил вчера разбудить!

Протянув руку, он достал с пола пульт от телевизора. Клац: размалеванная донельзя девица музыкального канала вещала о недавно вышедшем клипе известного шансонье.

— Алексей Баров возвращается на большую сцену. 13 августа вышло его новое за последние три года видео в поддержку готовящегося альбома «Люблю тебя». Критики высоко оценили работу…

Клац: девица пропала.

— Надоели! Теперь будут постоянно доставать. Зачем только согласился? Это все ты, Ритка, тебе ведь песни писал, тебе, не публике. А ты… «давай запишем, давай выпустим!». Сейчас какой канал не включи — везде свою морду вижу! Как будто зеркала мало…

Алексей встал с постели. Сразу же заныла спина. Замер. Прислушался к ощущениям. Нет, не сильно болит. Хорошо. А то в последнее время… Так, все нормально. И это пройдет. Таблетки, кофе, душ. Не обязательно в такой последовательности, но точно ничего исключать из списка нельзя. В итоге, получился душ, таблетки и только потом кофе. Ну, и Рекс. Большой кавказец, самая надежная и преданная охрана и от воров, и от папарацци. Высокие стены не всегда помогают. Накормив животное, мужчина принялся за мытье чашек. Своей и жены, которую она оставила на самом видном месте. Нет, не хозяйка. Вернее, стрекоза… Все на потом… А чашка была красивая. Средних размеров, с изящной ручкой, веселого оранжевого цвета в сердечках. А сбоку, слева, в большом сердце портрет Риты. Алексей сам рисовал. Это был подарок на новый год, несколько лет назад. Рисунок получился, может, и не очень профессиональный, но характерный. Да, его жена была не классической красавицей, но очень обаятельной, симпатичной, доброй, ласковой, но немного… бесшабашной, что ли… Оно и понятно, 15 лет

разницы. Ему сорок стучит, а ей недавно двадцать пять исполнилось. Мужчина улыбнулся, вспомнил ее день рождения. Он был романтиком до кончиков волос. Пока она спала, Алексей усыпал кровать, пол лепестками алых роз, приготовил завтрак и разбудил поцелуем в маленький вздернутый носик. А потом она провели вместе весь день: катались верхом, загорали на пляже, ужинали при свечах в уютном ресторанчике. Рита была счастлива, а он был счастлив вдвойне. В тот день они говорили о самой заветной его мечте — о детях. Леша мечтал о бутузе уже давно, но все время что-то не получалось. То проблемы с деньгами, то с работой, то со здоровьем. Вобщем, тогда они впервые договорились — время пришло. Собственно, поэтому он и записывал этот альбом. Им, им двоим, жене и малышу, который скоро должен появиться на свет.

Кто-то ткнулся носом в руку:

— А, Рекс, сейчас пойдем, не переживай. Ну, давай, где твой поводок?

Псина, казалось, только и ждала этой команды. Вильнув хвостом, он бодро умчался с кухни, задевая по дороге стулья.

— Да не спеши ты! А то еще разобьешь что-нибудь. Потом наша хозяйка всыпет нам под первое число…

Собака появилась через пару минут с поводком в зубах.

— Ну, молодец, ну умница, сейчас только зонтик возьму, а то что-то дождик собирается…

В прихожей зонта не было, в коридоре тоже. Может быть в шкафу во второй спальне?

— Сейчас…, — но что-то остановило его. Двери были немного приоткрыты, как будто оттуда кто-то выходил и не захлопнул до конца, а легкий сквозняк их едва-едва двигал.

— Снова не закрыла. Рита, ну что же ты такая растяпа? Знаешь ведь мой пунктик — все и вся закрывать!

Алексей еще раз попробовал взяться за ручку двери, но его будто холодом обдало: «Не входи, там ничего нет. Ничего. На улице тепло, дождя не будет…». Рядом нетерпеливо заскулил пес.

— Ладно, нафиг зонтик. Если что, спрячемся где-нибудь.

Входная дверь, ворота. Алексей обернулся. Да, не дом, а крепость, которую он выстроил сам, для большой и счастливой семьи. Ничего, скоро здесь будет звучать звонкий детский смех. Скоро…

Прогулка удалась. Рекс набегался вволю. По дороге домой заскочили в магазинчик, прикупили Рите маленький подарок — маленькие серебряные серьги в виде рыбки. Она обожает всякие побрякушки. Голодные, но довольные, человек и собака восседали на кухне и с серьезным видом решали, что бы приготовить.

— Ну, эфир у меня завтра и в пятницу. Сегодня целый день свободен. Можно и с обедом повозиться. Как думаешь, борщ или венский гуляш?

— Графф!

— Согласен. Борщ, он вкуснее, да и Ритке больше нравится…, — Рекс склонил голову набок и моргнул, мол «уговорил, хозяин, согласен».

Мясо, бульон, картошка, капуста и прочее. За приготовлением мужчина тихо мурчал себе под нос какую-то веселенькую песенку, представляя, как обрадует жену блюдом и маленьким презентом. Но идиллию нарушала какая-то тревога. Она, как текущий кран, потихоньку начинала раздражать. Поначалу, когда чем-то занят, ты даже не замечаешь капли воды, падающий и стучащие о раковину. Но чем тише становятся посторонние шумы, тем отчетливее слышатся эти равномерные и непрекращающиеся «кап-кап», «кап-кап»…Так и сейчас, какое-то зерно сомнения прорастало в душе и голове Алексея. Только понять, откуда оно взялось, он не мог… Собака тоже видимо что-то почувствовала, и, когда мужчина в очередной раз выронил нож из рук, поджала хвост и тихо выскользнула на улицу. А Алексея уже начинала бить мелкая дрожь.

— Что-то не так, что-то… нет, ерунда, Рита скоро придет, мы обедать сядем. Еще чуть-чуть… полчасика… Правда, Рекс? Эй, ты куда запропастился? — мужчина вышел в коридор, — эй, только на постель не забирайся! Слышишь? Нам твои блохи не нужны…

И тишина. Пустой тихий счастливый дом… Мурашки по коже. Даже часов не слышно… И в тишине… скрип? Кто-то ходит? Нет, не похоже… Двери во вторую спальню…

— Я же их закрыл утром! Рекс, ты там? — Алексей остановился перед чудесным образом снова открывшейся двери.

— Эй, ты там?? — тишина в ответ. Рука сама легла на двери, потянула их на себя… «Стой», взорвалось в голове. Но что-то притягивало гораздо больше, чем страх. Там… там какие-то ответы. «Но задавал ли я вопросы?»…В комнате царил полумрак. Мужчина не любил сюда заходить. Он не знал, почему, но не любил. Обстановка как обстановка, фикус, картины, шкаф большой, кровать, старинный письменный стол. Только сердце все сильнее стучало… Что? Что не так? Алексей сделал шаг к столу. «Нет, подожди, пусть Рита приедет, с тобой что-то не так. Подожди!» Стол почти пуст. Только несколько документов и фотография… Их свадебная. Помятая… черты лица искажены жесткими изгибами бумаги. Перевернул. Записка. «Извини, не могу больше так! Ты живешь в другом мире, в котором мне нет места… Извини, Леша, я ухожу. Твоя Рита».

— Что за шутки? — листок шуршал у него в кулаке. Дата… три года назад, не может быть… это бред, чей-то глупый розыгрыш! Рита! Она сейчас вернется с работы, она не могла…

— Рита… РИТАААААА!!! — крики перешли на хрип. Мужчина опустился на колени. Руки сжались в кулаки. Боль разгорелась с новой силой. Со спины она тысячами острых иголок начала двигаться по позвоночнику к затылку, вискам, глазам. Невыносимая боль. И еще более невыносимые воспоминания. Он возвратился с гастролей. Дом пуст. Только Рекс. Хорошо, его сосед кормил… Двери распахнуты. И записка… А потом бесплотные попытки дозвониться абоненту… Рита не брала трубку. Он думал, что не хотела, но выяснилось, что не могла. Уже никогда. Авария. Три года назад… Нет!!!! Кулаки сбиты в кровь. Нет!!! Слезы закрывают лицо, хрип из губ, нечеловеческий, звериный. Нет!!! Я ведь просто хотел семью! Чего тебе не

хватало?? Мы жили бы долго и счастливо… Как ты могла…? Почему я не успел? Нет, я успел… успел… Ты со мной… Слышишь? Я не отпущу тебя, НЕ ОТПУСКАЮ!!! Никуда. Никогда. Ни за что! Слышишь? Ты сейчас придешь… я досчитаю до двадцати и ты придешь… один, два, три…

Мужчина на полу затихал. Хрипы превращались в стоны, и он впал в беспамятство. Когда наступила полная тишина, скрипнула злополучная дверь. Возникла морда пса. За ним появился пожилой мужчина.

— Ну что ж ты, бедолашный, так маешься? Почти каждый день одно и то же… Хорошо, соседи у тебя хорошие… и Рекс преданный. Это ж надо так по бабе убиваться… Ну, новую найти… понимаю. Но чтобы так…, — мужичок приподнял Алексея за грудки, — Рекс, помогай, оттащить нужно… Ты его, песик, береги. А я уж подсоблю… Другое странно, — сосед вытянул из кулака фото с запиской, — я уж тебя и выкидывал, и жег, а все равно на место возвращаешься… странно…

Через пять минут тело лежало на кровати.

— Так, выключить все на кухне… Рекс, вы что-то сегодня покупали?

Пес покосился на тумбочку, где лежали серьги.

— Еще одни… ладно, — мужичок взял презент, вернулся в странную комнату, открыл ящик стола. Там уже скопилась масса безделушек… — еще одна в коллекцию… Ну, все, бывай Рекс. Зови, если что. Провожать не надо, — Пес махнул хвостом и удалился в спальню к хозяину…

Мария Виноградова

СПАМ

Утро незадалось! Проспала, сбежал кофе, кот чудил не по-детски… и это в такой ответственный день, даже нет, не так — решающий! Сегодня все встанет на свои места — либо я попаду в «свет», либо… нет, не хочу думать над этим вторым «либо». Естественно, как человеку сомневающемуся, мне не приходило в голову мыслить себя великой писательницей, но некоторые предпосылки считаться неплохой «рассказчицей» все же были. Несколько небольших рассказов даже печатались в маленьком газетном издании, так же имелась подборка поэзии… Все по мелочи, но эти самые мелочи подогревали самолюбие. Ай…! Рыжий сибиряк, по совместительству мой кот Арчи, нежно, по доброму, обнял мою ногу и выпустил когти — еще одна пара колготок коту… простите, Арчи под хвост! Все это проделывалось с громогласным мурчанием. Как только пушистик убедился, что надежно испортил мой наряд, он тут же убрал лапы. А я взяла его на руки.

— Что же ты, гад такой, делаешь? Я тебя накормила? — кот довольно прикрыл глаза, — Горшок поменяла? — Арчи еще громче замурчал, — Тогда какого черта ты

мне голову морочишь? — Рыжий широко открыл глаза и внимательно посмотрел на меня. Даже не по себе стало. Уж очень пристальный взгляд — будто просчитывал, что же я дальше делать буду.

— Так, хочешь ты, или нет, но я все равно туда пойду. Послушай меня внимательно. Ты разбил мои любимые тени и пудру, перевернул вазу с цветами, порвал две пары колготок, вобщем, сделал все возможное. Единственное, что ты еще можешь натворить — испортить любимые туфли, но тогда ты сядешь на ОЧЕНЬ строгую диету, без сметаны, рыбки и прочих лакомств, которые ты так любишь. Понял? А теперь я тебя отпущу, ты пойдешь на окно и будешь сидеть тихо и смирно! Иначе — ДИЕТА!!!

Выслушав мою тираду, Арчи мигом погрустнел. Недовольно вильнув хвостом, он развернулся на сто восемьдесят градусов и потопал к подоконнику. Так, вернемся к нашим… делам. Вчера по почте мне пришел в прямом смысле шанс! Один из моих рассказов был выбран для рассмотрения «Сообществом Писателей Активно Мыслящих» — эта организация являлась небесной канцелярией для всех авторов страны. Тысячи сотрудников просматривали десятки, сотни тысяч рассказов, повестей и романов, выбирали наиболее талантливые и особенно бездарные. А потом высший совет выносил вердикт. Если талант был признан Сообществом, то перед ним распахивались все двери издательств, миллионы тиражей по всей стране, а иногда и зарубежом. Если же писатель признавался «графоманом», то никто и никогда не прочтет ни единой его строчки. По крайней мере так гласили правила. И сегодня, в час дня, меня ждет приговор! Страшно, до дрожи в коленях! Так, нужно собраться с мыслями. Интересно, какой рассказ будут обсуждать? Издано было несколько. Один о природе (как-то отдыхая за городом с друзьями, я накатала «Размышления о Планете») — так, ничего особенного, но в газетенке редактор очень восторгался, говорил, будто бы сам побывал в лесу; второй был посложнее, небольшой детективчик, подающий надежды при хорошей корректуре, расширении сюжетных линий и небольшой доработке главного героя превратиться в «полнометражный» детектив; третий рассказ был слезливым, до ужаса романтичным и девчачьим. Да… шансы с каждой минутой сводились к нулю. Стоп, нельзя опускать хвост, тьфу, держать руки пистолетом… так, запуталась окончательно. Вобщем, держу нос поветру! Колготки в мусорник, глоток кофе, таблетка успокоительного, сумка в зубы и вперед! Арчик что-то мяукнул с подоконника.

— К черту, — я расценила это как «ни пуха, ни пера», и помахала пушистику.

****

На лице стояла промозглая дождливая погода, полностью соответствующая моим душевным переживаниям. Мокрая и замерзшая, я, наконец, поймала маршрутку. Водитель попался порядочный, поэтому ехали мы медленно и аккуратно, а я катастрофически опаздывала — что же за день такой?! Устроившись на одинарном сидении в конце салона, я пыталась представить себе заседание. Что говорить? И стоит ли вообще это делать? В принципе, меня сложно испугать, но эта другая ситуация. Сейчас решается моя судьба. «Лен, ну когда ты еще что-нибудь напишешь?» — лучшая подруга доставала этим вопросом при каждой встрече. Ей было интересно читать мои рассказы. «Так легко идет!» — первая реплика еще одного моего знакомого, который книги берет в руки крайне редко, и то, чтобы переложить их с места на место. Друзьям нравилось, как я пишу. И не потому, что они

мои ДРУЗЬЯ. А рассказов у меня было много. Только часто слышала в ответ «Нестандарт», «Неформат»... обидно! «Всему свое время», — думала я. И вот это время пришло.

Размечтавшись, чуть не проехала свою остановку. Перепрыгивая через лужи, понеслась к очень красивому высокому зданию. У Сообщества было много филиалов практически во всех городах, но мне повезло — я жительница столицы. И именно в столице находится центральный офис Сообщества. Располагался он в Пушкинском парке. Летом здесь было сказочно — молодые деревца зеленели на фоне старых мудрых дубов, ивы прятали в своих ветвях изящные резные лавочки, аллеи были усыпаны цветами, а в огромном фонтане плавали белоснежные лебеди. Даже уходить порой не хотелось. Но сейчас ранняя весна. Парк пребывал в полусонном состоянии, хотя это еще больше подчеркивало красоту строения, в котором решались судьбы литературы... или исскуства. Я не оговорилась, сказав строение. Передо мной возвышался дворец, с десятком колонн. Мраморные ступени вели к старинным кованым вратам, украшенным головой льва. Не настоящей, конечно, но весьма правдоподобной. Царь зверей смотрелся достаточно угрожающе, чем окончательно добил остатки моих надежд. Казалось, что он меня проглотит, если я войду, и больше не выпустит... Врата открылись сами по себе. И я сделала шаг. Мамочки!!!

Холл был великолепен и ужасен одновременно. Высота в шесть человеческих ростов, старинный железные люстры, усеянные свечами, канделябры...Стены были украшены портретами великих творцов. Все это напоминало эпоху средневековья, почему-то. Если бы не маленькие старые деревянные табуретки и лавки у стен. И тут я запнулась. Как я раньше не заметила. Холл был полон народу. Все места были заняты, люди сидели, будто в трансе. Кто глядел в пол, кто пялился на картины, но взгляды были пусты, словно они пребывают здесь вечность. Посетители были разного возраста, благосостояния, но их объединяло одно — пустота. Я настороженно оглядывалась по сторонам. Получается, меня и правда сожрали? Лев... Захотелось закричать, и тут пришло осознание, что же так давит — полнейшая тишина, звенящая тишина. Не слышно даже вздохов, всхлипов, никто не перешептывается, хотя губы многих шевелились, будто что-то проговаривали. Господи, куда я попала??? Арчи, мои милый Арчи, ты как будто чувствовал...

— Милена Сиган, проследуйте к голубой двери. Вас ждут! — голос взялся из ниоткуда. Мне на миг показалось, что он был в моей голове.. Но нет, все, кто сидели в холле разом подняли на меня взгляды. Как же они напоминают мертвецов, живых мертвецов!!! Я, было, развернулась к выходу — черт с ним, с этим Сообществом... — но остановилась — дверей не было. Только белоснежная мраморная стена. Нет, нужно пройти все до конца! Я не стану такой же, как эти... эти зомби! Я должна!!! В противоположном конце холла что-то скрипнуло. Я увидела голубую дверь, маленькую такую, без лишнего пафоса. Из щели лился бирюзовое сияние. Я с негнущимися коленями направилась туда, на свет в конце тоннеля.

Вначале я ничего не видела, кроме голубой дымки. Она обволакивала меня, убаюкивала, успокаивала. Захотелось спать. Я прикрыла глаза, вздохнула и услышала мурчание, тихое такое. Арчи! Но кота не было, да и звук пропал, зато начали появляться силуэты, а дымка — рассеиваться. Четыре кресла, нет, трона стояли полукругом. Украшенные красным бархатом с черной бахромой, они наводили на мысли об инквизиции.

— Милена? — голос, звучал везде, казалось, он шел из самих стен, эхом отдавая у меня в ушах.

— Уу.. — все, что смогла из себя выдавить.

— Может быть, поприветствуем ее? — прошелестел кто-то.

— Я… вы… извините, здравствуйте. Ппросто я вас не вижу.

— Ну, ничего… ничего, тут многие теряются! — пропел второй, похожий на женский, голос.

Я зажмурилась и открыла глаза. И, о чудо, троны уже не были пусты. Четыре фигуры смотрели на меня в упор. Мороз пробежал по коже. Их глаза… они были цвета льда. Бледно-бледно голубые, почти прозрачные.

— Итак, господа, это та самая Милена, — сердце забилось сильнее, — которая написала гениальные рассказы о природе, любви и смерти!

«Господи, не верю! Неужели! Им понравилось!» — проносилось в голове.

Говоривший замер, глядя на меня. Это был мужчина средних лет, судя по всему, высокий, с идеальными локонами темно русого цвета. Прямой красивый нос, припухшие губы, растянувшиеся в снисходительной улыбке. В руке он держал что-то типа золотого скипетра, как, впрочем, и все остальные. Алый балахон только подчеркивал холодный взгляд. И если приглядеться, наверное, я бы увидела свое отражение. Как в зеркале. Кстати, зеркал здесь не наблюдалось. И в холле тоже. Поставила себе галочку, но не поняла, зачем. Ладно, потом разберусь. Сейчас главное другое — я им понравилась!

— Да, Милена, мастер рассказов и поэзии, — отозвался звенящий женский голос с другой стороны, — женщина была блондинкой, с длинными до пояса волосами. Точеные черты лица, немного вздернутый носик, длиннющие ресницы, удивленно изогнутая правая бровь. Но по внешнему виду трудно было сказать, сколько женщине лет, так как даже просторный балахон не мог скрыть тоненькой девичьей фигуры, но вот выражение глаз… ей могло быть сотни лет.

— Да, все в восторге от ее творчества, — подал голос маленький, щупленький мужчина, сидящий ближе всего ко мне. Мышиные усы и рыжеватые бакенбарды придавали его облику несколько более человечный вид, хотя глаза оставались все такими же ледяными. Небольшие залысины, немного кривоватый нос с горбинкой, можно было бы сказать, что он комичен, если бы не зло искривленный рот.

— Да, все в восторге, но это Она так думает!!! — четвертый, пустой глас разорвал мой транс.

— Ччто? Я? Нет, никогда… — язык не слушался.

— Да-да, ты, маленький ничтожный авторишка, думаешь, что можешь этими попытками графоманства покорить изысканный вкус читателя? — Обитатель четвертого трона гневно навел на меня скипетр. Это был седовласый старец, серебряная борода выблескивала драгоценными камнями. Хмуро сдвинутые брови, суровый взгляд, от которого хотелось провалиться сквозь землю. — Я вижу, как ты представляешь себя известной писательницей, с миллионами тиражей, головокружительным успехом, поклонниками!

— Я.. нет, я не об этом думала…

— Она врет, — отрезала Дама,— я вижу! Она хочет задурить голову не только им, людям, но и нам, Великим умам Человечества!

— Да-да..Эта лентяйка просто передрала рассказ у Пришвина, Михаила Леонтьевича…

— Простите великодушно, но Пришвина зовут Михаил Михайлович… еще раз простите… — кто меня вообще за язык тянул???

— Вот, вы слышите, братья мои! Она нас учить вздумала! Это для вас он Михаил Михайлович, а на самом деле он Михаил Леонтьевич… неуч! -, Усы-Бакенбарды аж подпрыгнул на месте! — Нет, так не пойдет! С этим нужно что-то делать! Срочно!!! А этот ее рассказ о любви? Ха! Ромео и Джульетта!

— Мой хорошо заканчивается… там нет ничего такого… — еле слышно прошептала я.

— Молчи и слушай, когда мы с тобой разговариваем! -, не унимался Усы-Бакенбарды, — нам виднее! Мы прочли столько, что тебе и на две жизни не хватит!

Голова кружилась. Хотелось убежать, или закричать, но ни голос, ни ноги не слушались. Мне было стыдно. Просто стыдно, хотя до прихода сюда у меня оставалась одна маленькая надежда на успех. Хотела ли я когда-нибудь славы? Наверное. Нет такого человека, который не задумывался об этом. Но сочиняла я не для этого. Мне просто нравилось радовать людей, пусть только близких мне, не весь мир. А еще, мои рассказы — лишь попытка передать, что я чувствую, о чем думаю… Разве это плохо?

— Плагиатор! — слышалось со всех сторон, четыре голоса слились в один и добивали меня каждым звуком. Я зажмурилась, закрыла уши руками, но это не помогало.

— Плагиатор! — и я проклинала каждую написанную мной букву!

— Плагиатор! — никогда, никогда больше не сяду писать! Никогда!

Вдруг все разом стихло. Оглянулась. Четверка молча смотрела на меня. Смотрела в душу.

— Ну что ж, — нарушил тишину Идеальные Локоны, — я надеюсь, ты поняла, что твои творческие, так сказать, потуги привели к коллапсу соотношения мирового литературного искусства и космической энергии, превосходящей по силе удара андронный коллайдер, и затягивает наши умы в черную бездну пассивных умозаключений величественного…бла-бла-бла…

Я ничего не понимала из того, что говорил этот Инквизитор, по-другому его назвать было сложно, их всех. Наверное, я и вправду недалекая, такая маленькая, глупая пустышка, а все друзья врали, или жалели меня…Господи, когда же это все закончится… сил больше нет…

— Брат мой, остановись. Зачем ты мечешь бисер перед свиньями, — Старик прервал говорящего, — Она все равно ничего не поймет. Пора выносить приговор.

— Тут выносить нечего! — поправив и без того идеальную прическу, произнесла Дама. — Табу на все и все!

— Как тонко сказано! — подхватил Локоны, — вот за это я и люблю тебя, Сестричка! Краткость — сестра таланта!

— Ты правда так считаешь, — снисходительно улыбнулась Даму.

— Тихо! Итак, Милена, ты торжественно обещаешь, что больше никогда не побеспокоишь музу своим гм… творчеством, ты никогда не возьмешься за ручку и не напишешь ни строчки, ты забудешь свои мечты навсегда. Иначе мы придем за тобой, будем преследовать тебя во сне и наяву, и ты проклянешь тот день, когда взялась «за перо»! Клянись!

— Клянись! Клянись! Клянись, — вторили друг другу четыре голоса.

— Клянусь — прошептала я одними губами! — Только отпустите меня…

Смех заполнил всю комнату, он отражался от стен и возвращался ко мне тройным ударом. Скорее, скорее отсюда!

Сбоку образовалась дверь. Красная, как кровь. Смех за спиной гнал меня туда. Но ноги не слушались, и я буквально споткнулась о порог. И почти упала, если бы не чьи-то руки. Меня мягко придержали и немного встряхнули. Мурчание… успокаивающее мурчание…

— Да стой же ты наконец! Тяжело держать. — удивляться сил не было. В коридоре царила полутьма.

— Вот, молодец. А теперь держи вот это! — в руки что-то сунули. Холодное и маленькое. Я чуть не выронила вещицу.

— Одень! Стой, я сам. Дай руку. Вот так. А теперь быстро приходи в себя. Времени мало. Если нас застанут здесь — мало шансов выбраться. Ну, мне, по крайней мере.

Я подняла руку. На указательном пальце красовалось колечко из сплошного черного камня.

— Оникс, — прошептал спутник. — Он помогает видеть скрытое.

— Что? Что видеть? — я в конце-концов рассмотрела говорящего, хотя это мало помогло. Странный тип. Среднего роста, огненно рыжий, немного раскосые черные глаза, мягкая улыбка и неуловимая пластика. — Ты кто?

— Вот научилась же задавать вопросы в самый неподходящий момент!

— Извините, я еще плохо соображаю…

— Да вижу, вижу, хорошо они тебя обработали. Скажи спасибо, что посчитали этого достаточно. Если бы что-то заподозрили, сидела ты сейчас в холле и придумывала, как усложнить сюжет, переделать концовку, причесать стилистику.

— Это…это все писатели? Там?

— Агу, были, да сплыли. — буркнул спутник. — Кстати, меня Сержем зовут.

— А я …

— Знаю, Милена. Пришла в себя? Рассказик написать не хочешь? — издевка в голосе.

— Н… нет, извини, я больше.. никогда… ни за что…

— Понятно. Значит, придется рисковать и показывать правду. Все-таки обработали.

— Ты… вы о чем?

— Сейчас увидишь. Только молчи. Ни слова. Поняла?

Я закивала в знак согласия. Серж подошел к двери, из которой я только что вышла, что-то прошептал, сделал какие-то знаки, и я… Ожидание возврата в ту комнату пробирало крупной дрожью, у меня снова закружилась голова, но… потом я застыла в изумлении. Это был не тот зал. Все кардинально поменялось. Мрамор превратился в обшарпанную штукатурку, на полу валялся какой-то мусор, бумаги, клеенка, битые стекла. Вместо тронов обычные старые стулья. А на них… господи, спаси и сохрани, г..гномы??!!! Четыре гномика, чумазенькие такие, в красном тряпье и палками в руках. Идеальные локоны был лысым, Дама — толстой до безобразия, стул под ней казалось вот-вот лопнет, Усы-Бакенбарды — горбатый, а Борода… так с бородой и остался. Они сидели кружком и противно попискивали.

— Это ты закрутил с коллипсом! — Дама томно прикрыла глаза. — Ты где таких слов нахватался?

— Дык, на днях научник попался, молоденький, а там диссертация, или как это называется у них, на нобелевку тянет, вот и пришлось его малость попугать, заодно и пару терминов прихватил, для развития. И ты неправильно говоришь. Надо Коллапс. Вот!

— Ой-ой, какой умный, — огрызнулся Усы, — так можешь и в лоб получить!

— А сам-то! Это ж надо так спалиться? Пришвина он вспомнил, башка твоя лысая!

— Так, а ну хватит! Что-то мне неспокойно, — подал голос Борода, нужно было ее здесь оставить. Неспокойно…

— Ой, она так отсюда убегала, что, наверное, лоб разбила… хихихи…, — поправляя прическу, пропела Дама. — Не бойся, от этой мы избавились. Зелененькая еще, и особо стараться не нужно было. Хотя ее рассказ о любви даже у меня … улыбку вызвал. Представляешь?

— То-то и оно! Надо было здесь…, — картинка исчезла.

— Поняла? — Серж внимательно глядел на меня.

— Нет… вернее, да… но ЗАЧЕМ?

— Пошли, по дороге расскажу.

— А эти.. которые в холле? — у меня сердце сжалось при мысли, что это все талантливые писатели. Сколько же они тут сидят?

— Нет, им уже не помочь. Они вошли в круговорот. — Серж пожал плечами, — если бы раньше… сейчас уже бесполезно. Даже если их и выпустить, все равно каждый будет придумывать, как переделать его рассказ, или повесть, а когда придумает, вернется сюда, к Ним. Гномы снова раскритикуют, и все начнется сначала. Пойми, этих людей не переделать. У них давно нет семей, дома, будущего. Везет выбраться единицам…

— А почему я в их числе?

— Не знаю. Наверное, что-то в тебе есть...мур..

Показалось? Он сказал мур?

— Послушай, не бери дурного в голову. Главное, ты выбралась и, надеюсь, сможешь писать. Ты ведь сможешь? — продолжал вещать Серж.

— Постараюсь. Это ведь не зря все? Правда?

— Правда.

— А зачем? — мы выбрались из тоннеля коридоров и остановились перед дверью. Я прямо чувствовала, какое тепло от нее исходит. Это выход.

Серж действительно открыл дверь, и оттуда ударило по глазам яркое солнышко. Как же я рада его видеть.

Мы вышли. Спутник внимательно на меня уставился.

— Что?

— Послушай. Больше никогда, ни при каких условиях не приближайся к этому зданию. И тем более, не входи внутрь. Ты можешь там остаться. Кольцо тоже не снимай. Тем более, если продолжишь писать. А ты просто обязана это делать. Твои рассказы, поэзия приносят добро, ты можешь открывать своим читателям глаза на многие вещи, твои картинки оживают и дарят эмоции. В отличие от других. Вспомни, что сейчас печатается.

Я призадумалась. И правда, миллионными тиражами обычно выходили всякие тупые детективы, любовные романы «для тех, кому еще нет 18» и прочая фигня. Интересные книги обычно покупались из-под полы, и выходили совсем небольшим количеством экземпляров. Как же она не заметила раньше?

— Теперь вижу, что поняла. СПАМ является некоторой цензурой, только наоборот.

— Как ты сказал? СПАМ?

— Это аббревиатура. Сообщество Писателей Активно Мыслящих!!!

— Вот это да....Как же я раньше не заметила?!

— Ну вот и ладненько, мурр, мне пора!

И тут меня осенило!

— Арчи! Ты ведь Арчи!!

Серж только улыбнулся и игриво помотал головой, мол, нет, обозналась. И исчез.

Хм... я призадумалась. Ну что, напишу-ка я рассказик о сегодняшнем дне, таком прекрасном сегодняшнем дне...

ТРАНСГЕНДЕРНЫЙ УЖАСТИК

Тони Аркомби

АЭРОПОРТ

Пересекая терминал, я дрожал от ужаса. Пока мы шли к регистрационной стойке, моя жена Аманда твердо держала меня под руку и направляла через толпы туристов. Несмотря на долгую и тщательную подготовку, я не мог отделаться от сомнений. Мне казалось, что некоторые люди уже все понимали — что я мужчина, переодевшийся в женскую одежду.

Это была одна из наших сексуальных игр. Аманде нравилось, когда я носил такие наряды дома, и взамен она охотно выполняла все мои фантазии. Я заставлял ее заниматься эксгибиционизмом. По моему желанию, мы часто приглашали девушек для сексуальных оргий. И вот теперь пришел ее черед для доминирующей роли. Она с ума сходила от трансгендерных отношений. И здесь важно, чтобы один из партнеров имел безоговорочную власть во время ролевой игры. Поэтому я уступил желанию Аманды. А разве вы не поддавались чарам женщин?

По правилам игры, я должен был провести выходные в женском обличии. Будь моя воля, я, конечно, выбрал бы менее подозрительный наряд. Но Аманда, с ее требовательностью к мелочам, даже слушать не стала мои возражения. Короткая розовая юбка, розовый жакет с открытым пупком, белый ремешок на шее и длинный белокурый парик. Это создавало современный и броский вид вызывающей женственности. Во всяком случае, я чувствовал теперь, что все мужчины в терминале аэропорта смотрели только на меня.

Понимая мое беспокойство, Аманда нашептывала мне слова утешения:

— Ради Бога, Билли, перестань тревожиться. Уверяю тебя, никто ничего не заметит.

— Меня трясет от страха, — ответил я, не веря ее уговорам.

Чуть позже, пренебрегая моими чувствами, она сердито добавила:

— И перестань волочить ноги. Если ты будешь ходить таким образом, никто не поверит в твой образ.

Сосредоточившись на походке, я тщательно переставлял ноги в туфлях на высоких каблуках. Набивка в трусах придавала моим ягодицам реалистичные женские формы, которые призывно покачивались во время ходьбы. Я с нараставшим беспокойством чувствовал на себе внимание всего мира.

К счастью, Аманда взяла на себя все проверки. Я так нервничал, что боялся говорить. Когда мы прошли в зал ожидания, с моих губ сорвался вздох облегчения. Я

Перевод с английского сделан группой АРТ (Ассоциацией рижских переводчиков)

не привык ходить на каблуках такие расстояния. Мои ноги ужасно болели. Я не жаловался, но торопливо выискивал свободное кресло, чтобы присесть и отдохнуть. И тут Аманда заметила свою подругу Лорен. Мы ездили вместе с ней на мексиканский фестиваль канкана. К моему огорчению, она стояла в дальнем углу зала, где кресла полностью отсутствовали. Рядом с ней стояли две женщины. Одна того же возраста — на вид серьезная и деловая. Другая, более юная, была одета в цветастый жилет и короткую гофрированную юбку. Ее волосы, связанные в конский хвост, украшала ярко-красная лента. Когда мы подошли, она приветливо заулыбалась мне.

— Аманда, — сказала Лорен. — Я уже думала, что ты никогда не сделаешь этого. Познакомься с Клэр.

Она жестом указала на незнакомую женщину. Моя жена пожала ей руку.

— Мы говорили с вами по телефону. Я рада, что мы, наконец-то, встретились.

Клэр повернулась ко мне и сказала:

— А вы, наверное, Билли.

Я покраснел, понимая, что она каким-то образом узнала о нашей ролевой игре.

— Привет. Рад встретить вас.

— Билли, — сказала она, представляя меня четвертой женщине,-я хочу, чтобы вы познакомились с моим супругом Майком.

С той же белозубой улыбкой женоподобное существо шагнуло ко мне и поцеловало меня в щеку.

— Привет, Билли, — сказало оно и странно хихикнуло.

Я был так шокирован, что задал нелепый вопрос:

— Это ваш муж?

— Да, Билли, — ответила Клэр.-Майки такая же милая девочка, как и ты.

Внезапно все женщины пристально посмотрели на меня. Аманда, которая по-прежнему держала меня за руку, впилась ногтями в мою кожу. Я посмотрел на нее и увидел в ее глазах безошибочный блеск угрозы. Сглотнув слюну, я повернулся к Майки.

— Рад познакомиться с вами.

— Взаимно, — ответил он тихим голосом и снова захихикал.

Я не верил, что передо мной стоял мужчина. Круглое лицо с красивыми и мягкими чертами. Фигура, как у юной девушки, с невероятно тонкой талией. Большая, нарочито приоткрытая грудь. Я открыл рот от изумления.

— Нам лучше сесть в автобус, — сказала Лорен.-Он довезет нас до трапа.

— Хорошо, — ответила Аманда, потянув меня за руку к выходу.

Я был так ошеломлен этой компанией, что не сразу заметил очевидную странность. У выхода из зала не было служащих аэропорта. Нас никто не остановил для проверки ручной клади. Лорен повела нас к автобусу. Мы с Амандой сели напротив Клэр и Майки. Женщины начали разговаривать, не обращая на нас внимания. Я си-

дел напротив Майки. Он с пустой улыбкой пялился на меня. Почувствовав раздражения, я решил подключиться к разговору женщин.

— Где остальные пассажиры?

Аманда строго посмотрела на меня.

— Это частный рейс, Билли. Закрой ротик, сиди и помалкивай.

Майки склонился ко мне и прошептал:

— Это личный самолет госпожи Лорен.

— Майки! — сердито прошипела Клэр.-Сколько раз повторять, что ты должен молчать, когда женщины ведут беседу!

Внезапно Майки с криком подпрыгнул на сидении. Его лицо исказилось от боли. Он снова сел, пригладил юбку и уставился в пол.

— Прошу прощение, мэм, — сказал он тихо.

Аманда и Клэр продолжили разговор, словно ничего не случилось. Несмотря на некоторые подозрения, я все же спросил:

— Что это было?

Обе женщины посмотрели на меня с укором. Клэр неохотно склонилась ко мне и сжала рукой мое бедро.

— Видишь ли, Билли, такие девочки, как Майки, оснащены особыми устройствами. Если они ведут себя плохо, то получают небольшой разряд током. Всего лишь одно нажатие на кнопку, и в их яички впиваются электроды.

Она вытащила из кармана небольшой пульт с двумя кнопками. Я изумленно повернулся к Майки, и тот кивнул мне, подтверждая истинность слов своей суровой супруги. Он снова смущенно захихикал.

Автобус остановился около самолета. Когда Клэр и Майки вышли, я в панике повернулся к Аманде.

— Я никуда не полечу.

— Ради Бога, Билли. Мы же обо всем договорились. Это будет небольшое путешествие на райский островок.

— Но я не хочу, чтобы такие устройства подвешивали к моей мошонке.

— Ой-ей-ей, — прошептала Лорен, возникнув слева от меня.-А ведь Аманда говорила, что вы часто используете подобные игрушки. Дидло, анальные вибраторы и прочие штучки.

Я съежился от изумления. Понимая, что Лорен знала все о нашей сексуальной жизни, я буквально потерялся в урагане мыслей. Воспользовавшись этим, две женщины подхватили меня под руки и сопроводили к трапу.

— Похоже, ему нравится болтать языком, — сказала Лорен.

— О! Слышали бы вы, что он лепечет, когда я надеваю на него ошейник и начинаю отдавать приказы.

— Наверное, ему нравится роль невесты?

— Он надевает тафту и притворяется, что я лишаю его девственности.

— Любитель дидло? Горячая штучка!

Когда мы оказались в салоне, я вырвался из их рук. Они усадили меня рядом с Майки. Мое лицо было алым от смущения. С симпатией в голосе Майки похлопал меня по руке и сказал:

— Я рад, что ты будешь жить с нами.

— Жить с вами?

Меня затрясло от негодования.

— Мы просто летим на отдых. Всего лишь на выходные.

— Ты будешь жить с нами, — хихикнув, заверил меня Майки. — Так сказала госпожа.

Его слова заставили меня задуматься. Очевидно, Аманда хотела превратить меня в такое же женоподобное существо. Я вскочил на ноги и пошел в конец самолета. Дверь была заперта. В отчаянии я подергал рукоятку и застучал по двери кулаками. Через секунду ко мне подбежали Клэр и Аманда. Они схватили меня за руки и нанесли несколько пощечин. Затем моя жена сказала:

— Я разочарована тобой, Билли. Немедленно сядь на место, или я…

Она не закончила фразу, потому что начала связывать мне руки. Сноровка женщин была великолепной. Вскоре мои кисти и локти оказались связанными за спиной. Они молча отвели меня обратно к Майки. Я почувствовал такой страх, что начал плакать. Аманда погладила меня по щеке и мягко сказала:

— Все будет хорошо, моя малышка. Не бойся! Какая же ты у меня милашка! Маленькая плакса.

Ее слова заставили меня разрыдаться.

— Не волнуйся, детка, — продолжила Аманда.-Тебе понравится твой новый дом. Остров полностью изолирован. Там у тебя будет много таких друзей, как Майки. И соседи не будут обсуждать тебя за твоей спиной, как в нашем прежнем доме.

— Меня обсуждали?

— Все время, дорогуша. Над тобой смеялись. Но я обещаю, что этого не повторится.

Аманда поцеловала меня в щеку и ушла. Я остался с Майки, который наблюдал за мной и тихо хихикал. Я злобно посмотрел на него и попросил заткнуться. Мой взгляд скользнул по иллюминатору. Я уже не верил, что когда-нибудь увижу свой город и дом. Внезапно я заметил двух техников, одетых в яркие комбинезоны. Они стояли около самолета. Я должен был привлечь их внимание. Стучать по стеклу было опасно. Меня услышали бы женщины. Я увидел свою косметичку на соседнем кресле, и у меня возникла идея. Я привстал и дотянулся до сумочки. Мои пальцы сжимали губную помаду. Мне удалось отвинтить крышку и повернуть язычок. Я встал коленями на сидение, согнулся и начал писать на стекле. Там появились три большие и грубо нацарапанные буквы: S… O… S…

— Билли не надо! — крикнул Майки.-Ты ведешь себя плохо!

— Послушай, — прошептал я бездыханно.-Мне нужно выбрать отсюда. Пожалуйста, помолчи.

— Ну, не знаю, — ответил он со злобной усмешкой.-Ты относился ко мне не очень дружелюбно.

— Извини, — взмолился я.-Пойми меня. Мне этого не надо. Я не хочу для себя такой участи.

Майки захихикал и посмотрел мне в глаза.

— Я сейчас все расскажу. Я сейчас им все расскажу.

— Майки, пожалуйста!

Он игнорировал мою просьбу. Этот ублюдок поднялся на ноги и пошел по проходу, напевая две фразы:

— Билли в беде! Билли сейчас отгребет!

Я в панике повернулся к окну. Неужели они увидели меня? Техники медленно направились к трапу. Я молил Бога, чтобы они поспешили. Майки скрылся в проходе, ведущем в передний салон. Моторы взревели, и его тонкий голос почти утонул в нарастающем шуме. Я услышал, как Аманда и другие закричали:

— Что, ты говоришь, он сделал?

— Какой наглец!

— Это мерзкий поступок!

— Его нужно наказать!

— Иди сюда, Майки! Хорошая девочка!

— Аманда, это нужно сделать! Такие вещи нужно пресекать…

— Умница! Возьми этот пульт. Сейчас мы закрепим устройство…

ЮМОР:

С радостью сообщаем вам о том, что первая атомная бомба в Ростовской области собрана! Одна из читательниц, руководствуясь нашей статьей, получила термоядерный заряд, который отныне может решить наболевший вопрос о спорных землях на территории Украины! К сожалению, гражданка М. из Ростова-на-Дону использовала вместо радиоуправляемого взрывателя обычный часовой механизм, и теперь у нее там что-то тикает. Мы поздравляем нашу читательницу с успехом и разделяем ее надежду на то, что первая строчка национального гимна страны действительно соответствует истине. Для остальных же (на всякий случай и как бы в виде поощрения) предлагаем внеочередную тему:

КАК ВЫЖИТЬ ПОСЛЕ АТОМНОГО ВЗРЫВА

(Пособие для домохозяек)

I. Теория

Ученые утверждают, что во время крупных катаклизмов выживают лишь те, кто сохраняет выдержку и здравый рассудок. Это не совсем верно. Главное в таких обстоятельствах — сохранить документы, удостоверяющие ваше гражданство и права на жилплощадь. Десять следующих советов помогут вам освоиться с новыми условиями жизни:

II. Практика

1. Научные опыты показали, что радиация уменьшает потенцию людей, поэтому мы рекомендуем вам сплотить вокруг себя отряд из преданных вам мужчин. Именно так поступали женщины Швеции после взрыва хрущевской бомбы на Шпицбергене (что и породило понятие «шведской семьи»).

2. Назовите свой отряд весомым и значимым словосочетанием — к примеру, «Праведная Россия», «Партия дела» или «Солидарность». Организуйте региональное отделение и проведите регистрацию граждан.

3. Пока остальная часть населения будет бороться с мародерством, спасать живых и хоронить мертвых, организуйте выборы среди уцелевших граждан, выставив кандидатуры мужчин из вашей «шведской семьи».

4. Избрав главой одного из них и распределив между друзьями и родственниками остальные государственные посты, оповестите об этом мировую общественность и запросите финансовую помощь.

5. Получив кредиты, материальную и продовольственную помощь, раздайте десятую часть своим соратникам и переведите остальные суммы на закрытые счета со-

лидных европейских банков.

6. Отправьте своих детей в учебные и лечебные заведения развитых стран. Проведите земельную реформу и распределите сферы влияния среди «семей», доказавших вам свою политическую состоятельность.

7. Приобретите недвижимость в полюбившейся вам стране, а лучше всего купите остров где-нибудь на Сейшелах. В дальнейшем это затруднит работу Интерпола и предотвратит ваш возможный возврат на Родину по требованию завистливых злопыхателей. О покупках никому не говорите и помните, что отныне вы историческая личность, и каждое ваше слово может стать не только достоянием общественности, но и отдельным пунктом приговора.

8. Сославшись на болезнь или какой-нибудь скандал, связанный с именем одного из ваших единомышленников, сложите с себя государственные полномочия. Это будет выглядеть очень благородно и трогательно. Возможно, вы даже станете народной героиней.

9. Поезжайте на свой остров, смените фамилию и создайте новую полноценную семью. Напишите книгу о ваших величайших заслугах перед страной и миром. Гонорар передайте в фонд помощи голодающим детям — желательно африканским, так как это признанный в мире стандарт.

10. Не забудьте оформить подписку на журнал «Транзит», поскольку с ним вы всегда останетесь на гребне успеха.

III. Наши дальнейшие планы

Пять тем, предоставленных на ваш выбор в позапрошлом номере, остаются прежними. Однако в связи с наступлением нового сезона возможны всякие чудеса, так что просим ничему не удивляться.

Доктор Спрут

МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ДЖЕФФРИ БЕДРИКА

Возраст: 51 год

Местожительство: Пасадена, штат Калифорния

Семейное положение: женат

Дети: дочь, 11 лет

Хобби: чтение книг, кроссворды, спортивная стрельба.

Любимая цитата: «Искусство не воспроизводит видимое; оно создает его» — Пол Кли

Любимые авторы: Карл Юнг, Петр Успенский, Ральф Вальдо Эмерсон, Лавкрафт, Льюис Кэрролл, Стивен Кинг.

Начал рисовать: в раннем детстве

Любимые художники: Максфильд Пэрриш, Густав Климт и Фредерик Черч.

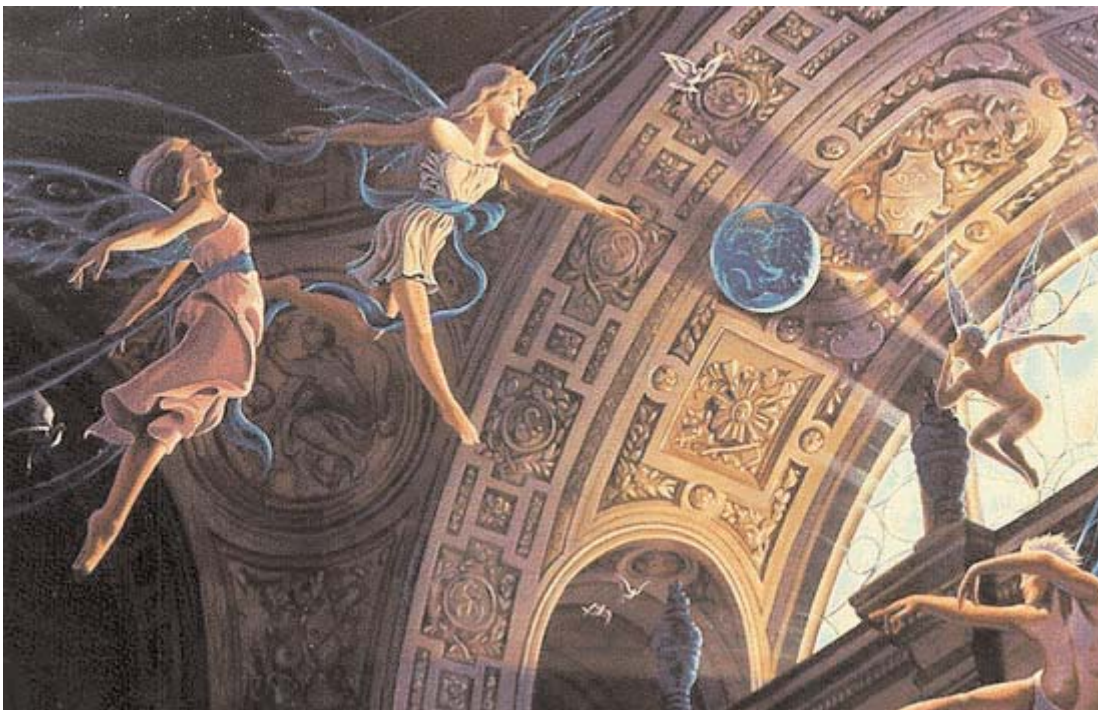
Стиль: компьютерная графика, но, в основном, картины маслом на холсте

Дж. Бедрик. Элизиум

Образование: высшее, государственный университет Сан-Франциско и приватные уроки у Джега Тейлора.

Выставки: галереи Сан-Франциско, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго и Токио.

Веб-страница: http://jeffreykbedrick.com/



Дж. Бедрик. Падение с небес

Вач: Как вы стали художником?

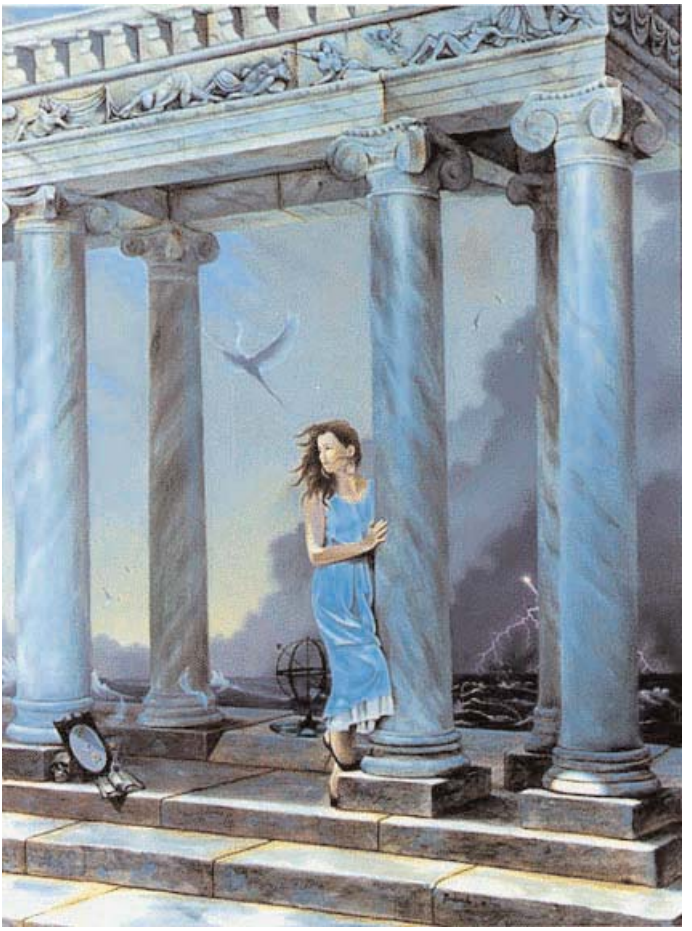
Дж.: Мое детское увлечение рисованием увенчалось большим взрывом активности, когда в юношеские годы я начал брать частные уроки у художника Джага Тейлора. В восемнадцать лет состоялась моя первая выставка. Затем я начал рисовать на профессиональном уровне.

Вач: Как вы можете описать ваше творчество?

Дж.: Я пробовал рисовать в каждом стиле, но мои лучшие работы можно описать, как мистический реализм или визионерство. Моей постоянной темой в творчестве является «романтический идеал» и вид эмерсоновского видения природы, как духовного континуума.

Вач: Где вы черпаете вдохновение?

Дж.: Вдохновение начинается с вопросов вкуса. Когда мне нравятся те или иные литературные образы, я пытаюсь найти новые пути для их воплощения в особые художественные формы.



Дж. Бедрик. Antediluvian

Вач: Что больше всего повлияло на ваше творчество?

Дж.: Здесь нужно было бы привести огромный список. В разные времена на меня влияли мастера почти всех периодов европейского искусства, начиная от Ренессанса и кончая великими американскими иллюстраторами 20 века.

Вач: Что вы считаете своим величайшим успехом?

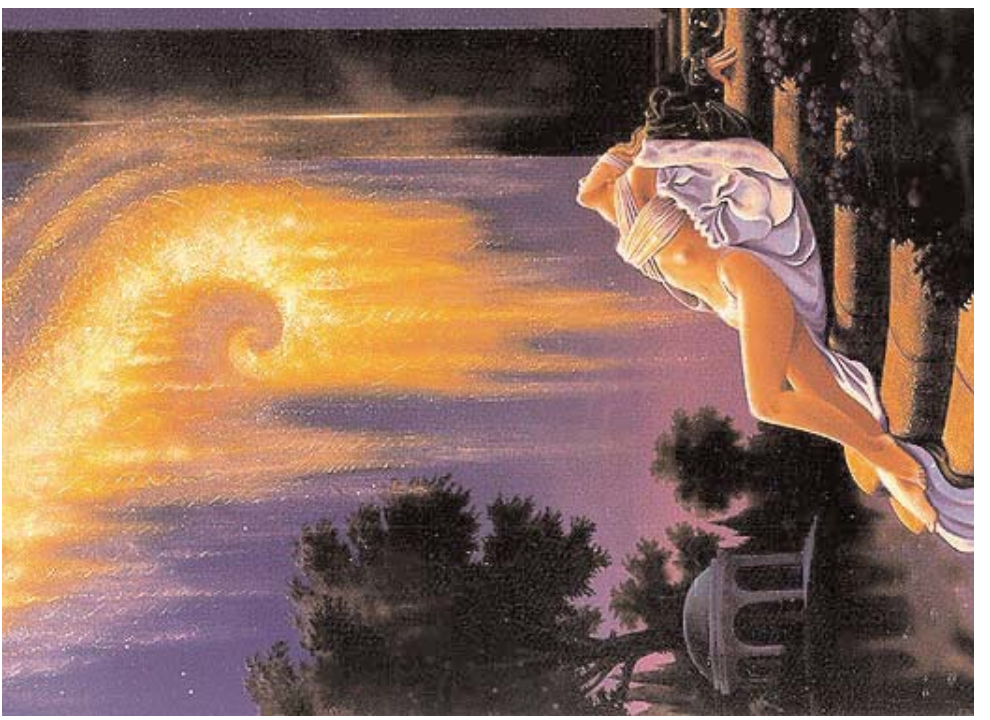
Дж.: Если вы имеете в виду одно событие, то это была выставка в Токио в 1994 году. Однако своим величайшим успехом я считаю мой брак с супругой и создание семьи.

Вач: Какие тенденции вы видите в развитии жанра научной фантастики и фэнтези?

Дж.: Сейчас я вижу армию художников, которые стремятся раздвинуть границы жесткого и сексуального контекста поп-фантастики. Эта тенденция пришла к нам из комиксов. К сожалению, в данном течении меня беспокоит не столько вопрос темы, сколько качества. Возникло очень много мастеровых, которым очень далеко до звания художников.

Также стоит отметить традицию сюрреалистического и духовного искусства, возникшую из европейской школы живописи. Последние несколько лет я работал на индустрию компьютерных игр. И если вы спросите меня, я опишу вам свой невероятный восторг по поводу того, как быстро и мощно развивается технология этой среды. Мой вывод таков: лучшие работы в наши дни выполняют малоизвестные художники, которые работают в индустрии развлечения. Современные технологии компьютерной графики, разработанные для фильмов и игр, дают нам огромные возможности для воплощения своих идей.

Дж. Бедрик. Прощание Икара



Дж. Бедрик. Даная

НА ГВОЗДЬ МЕРА

Рене Баржавель

НЕОСТОРОЖНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Невероятный роман

ДЕНОЭЛЬ, 1958

Часть 1. УЧЕБА

1.

Свирепствовала стужа военной зимы. Ранним утром сержант Мостэ обнаружил во дворе полуголого солдата, скорчившегося на покрытой опавшими листьями мерзлой земле. Исходивший от нее холод вцепился в беднягу смертельной хваткой. Постучав пальцем по бедру замерзшего, сержант подумал, что стучит по дереву. Четверо солдат унесли тело. Один из них, поднявший закоченевший труп за голову, сломал ему ухо.

Вот уже два месяца пиренейские стрелки 27-го батальона занимали деревушку Ванесс, за которой простиралось бескрайнее поле кормовой свеклы. Сегодня они должны были оставить деревню, чтобы двинуться в неизвестность.

Командир группы, старший капрал Пьер Сен-Мену, зарывшийся на ночлег в солому на конюшне, не спал почти всю ночь, терзаемый мыслями о предстоящем переезде, седьмом по счету на его памяти. Он отвечал за семнадцать ездовых пулеметной роты, за их лошадей и их повозки. До войны Пьер преподавал математику в лицее Филиппа-Августа.

Наибольшее беспокойство у него вызывала походная кухня. Эти разгильдяи-повара никогда не успевали собраться вовремя.

Сен-Мену стряхнул с одежды солому и направился к кухне. Его большое костлявое тело сотрясал озноб. Хотелось стать как можно меньше — может быть, тогда холод не обратит на него внимания. Глубоко засунув руки в карманы шинели, сгорбившись, словно старик, в надвинутом на уши берете, он бегом пересек двор на негнущихся ногах, напоминая большую тощую цаплю.

— Вы что, еще не думаете собираться? Хватит тянуть волынку, я не хочу, чтобы начальство опять орало на меня из-за вас!

Перевод Игоря Найденкова

Капрал подразделения, тряпичник Кредан, хлопнул его по плечу.

— Не сердись, приятель! Все уладится! Даст бог, снова наступят мирные деньки!

Кредан громко смеялся, показывая зубы, покрытые зеленоватым налетом.

Пьер выхватил из топки походной кухни кусок мяса, жарившегося прямо на углях, и впился зубами в уже начавшую обугливаться плоть. Над кружкой, стоявшей возле него на толстом полене, поднимался пар, распространявший вокруг аромат кофе, смешивавшийся с запахом спиртного.

Сен-Мену почувствовал, что его сейчас стошнит.

— Не понимаю, как ты можешь пить эту мерзость. От нее несет блевотиной пьяницы.

Под низко нависшим потолком темных туч пронеслась стая ворон. Птицы усеяли черными гроздьями ветви большого вяза, одиноко возвышавшегося посреди свекольного поля. Это было единственное дерево в окрестностях деревни, чудом сохранившееся после прокатившихся по местности боев. Воздух заполнили небольшие медленно падавшие снежинки, и снегопад сразу сжал горизонт вокруг фермы, приглушив доносившиеся из деревни звуки — раздраженные голоса солдат, оравших на непослушных лошадей, и возгласы младших офицеров, пытавшихся навести порядок среди подчиненных.

Под навесом повара загружали огромную полуразвалившуюся повозку, неизвестно как оказавшуюся в их распоряжении, скрипевшую и раскачивавшуюся под наваливаемым на нее барахлом.

— Она наверняка участвовала еще в войне четырнадцатого года, — ухмыльнулся Кредан. — Может быть, даже в кампании восемьсот семидесятого!

Он бросился энергично помогать своим людям, валившим на повозку вперемешку кули с кофе, сахаром, рисом, картошкой, дробленым горохом, бобами и чечевицей, бидоны с растительным маслом, бочонок замерзшего вина, бутыль с ромом, половину мороженой говяжьей туши, ящики с консервами и бисквитом, несколько пар сплетенных из соломы валенок, вязанки с хворостом. Не были забыты кадушка с горчицей, коробки с солью и луком, добрый центнер моркови, сгущенное молоко, шоколад, самодельный радиоприемник со всеми батареями и разными причиндалами и разное другое барахло, постепенно накапливавшееся у капрала и его подчиненных от одного лагеря к другому.

Сен-Мену обеспокоенно бегал вокруг повозки.

Он добрый десяток раз открывал рот, собираясь высказать все, что он думал по поводу этого сумасшедшего дома, но каждый раз останавливался, болезненно ощущая свою отстраненность от происходящего.

Погрузка была закончена лишь к вечеру. Даже товарный вагон вряд ли вместил бы груз, наваленный на двуколку. К моменту, когда настало время закрыть скарб брезентом, появился дрожащий от холода, захлебывающийся кашлем сержант-счетовод с засунутым за ухо окурком. Оказалось, что грузовичок канцелярии отказывался трогаться с места — его радиатор разорвал мороз. Оставался единственный выход — перевалить все содержимое канцелярии на кухонную повозку. А имущество писарей состояло из двенадцати ящиков архивов, бланков

документов, матрикулов, чернильниц, кожаных подушечек под задницу бумагомаракам, корзин, принадлежавших капитанам, лейтенантских сундучков, а также раскладушки и чемоданов сержанта-счетовода.

Сен-Мену в отчаянии воздел руки к небу, потом принялся кусать себя за кончики пальцев, торчавших наружу через дыры в меховых перчатках. С неба посыпались более крупные хлопья снега. Крыша фермы растворилась в сером снежном пространстве. Повара ругались; Кредан оскорбил счетовода, после чего тот нырнул в снежную завесу и мгновенно исчез. Орава солдат приволокла канцелярские ящики. Каким-то чудом их удалось водрузить поверх продуктов и привязать. Наконец, огромный брезент укутал уродливый горб поклажи.

— Осталось только запрячь, — сказал Полинэ, возница.

Снегопад смягчал сумерки, придавая осязаемость неподвижному воздуху. По два человека у каждого колеса и еще двое сзади помогли Мотыльку стронуть повозку с места. Мотыльком прозвали очень старую лошадь с выщербленными зубами и слепую на один глаз. Мастью она напоминала грязную землю. С тех пор, как ударили морозы, Полинэ никогда не выводил ее из конюшни, не прикрыв больной глаз повязкой, для которой использовал свой голубой шерстяной шарф.

Тихий крестьянин и астматическое животное были связаны настоящей дружбой. Война оторвала их от привычных трудов и швырнула в мир бедствий, недоступный их пониманию. Они ощущали себя товарищами по несчастью. Широко шагавший Полинэ шел впереди. Лошадь позади него хрипела и стонала, но тянула воз. Чтобы не отстать от хозяина, она сдвинула бы с места гору.

На деревенской околице повозка присоединилась к обозу, состоявшему из всего гужевого транспорта батальона. Теперь они все вместе должны были добраться до станции Трамплин-ле-О, находившейся в четырнадцати километрах от деревни, чтобы перегрузить имущество в товарный состав. Некоторые повозки торчали здесь уже несколько часов. Постепенно укутывавший их снег смягчал угловатые очертания груза.

— Господи, где же походная кухня? Где кухня? — закричал Сен-Мену. — Этот Пилястр, чего он дожидается? Он опять будет последним…

— Да вот же он, — простодушно отозвался Кредан.

Пилястр подходил к ним, ведя за уздечку свою пару лошадей. Он явно не доверял животным. В мирное время он работал на заводе токарем. Шеф обещал ему добиться, чтобы его вернули на завод. Пилястр не разбирался в лошадях. Он не любил их. Ему вообще нельзя было поручать такую работу. Он слишком быстро выходил из себя. Лошади не хотели признавать его. И вороная, и гнедая ненавидели его почти так же сильно, как и боялись. Запрячь их было весьма и весьма непростым делом. Пилястр то и дело лупил лошадей по ноздрям кулаком. Лошади пятились, порывались стать на дыбы, норовили укусить его.

Походная кухня походила на чудовищный сухопутный броненосец, настоящий железный монумент, усеянный несколькими тысячами заклепок. Громадина была водружена на четыре металлических колеса со спицами толщиной с бедро мужчины.

Пилястр и его лошади в очередной раз исполнили посреди двора танец ненависти. Позади кухни четыре повара в касках, с закинутыми за спину винтовками,

одетые в лоснящиеся от жира шинели, продолжали поддерживать огонь, швыряя одно полено за другим в ревущую топку под двумя гигантскими котлами. В одном из них варился суп, а в другом кипела вода для кофе, предназначавшегося для участников погрузочных работ.

Наконец, Пилястр взгромоздился на облучок, закутался в пару одеял и принялся стегать лошадей кнутом. Лошадиные крупы задергались, снег комьями полетел во все стороны, цепи загремели, дышло застонало. Кухня не сдвинулась с места. Каждая из лошадей тянула в свою сторону, мешая другой и ослабляя таким образом совместные усилия.

Кредан извлек изо рта трубку и сплюнул.

— Ну и скотина! — произнес он с выражением. — Так обращаться с лошадьми…

Возница вскочил на ноги и удвоил усилия. Его лицо исказила полыхавшая в глазах ненависть. В этот момент — совершенно случайно — все восемь копыт одновременно оттолкнулись от земли. Кухня рывком устремилась вперед. Пилястр хлопнулся на сиденье. Две могучих лошади галопом помчались по двору. Кухня с грохотом пассажирского экспресса перелетела через кучу смерзшегося навоза, сорвала одну из створок ворот, опасно вильнула по самой кромке канавы и разнесла вдребезги километровый столб. Огонь из топки, расплескавшийся по снегу, свирепо шипел. Смерчи супа и кипятка для кофе сорвали крышки с котлов; беспорядочные волны обеих водоемов смешались в одном бурном потоке. Вздымая к небу ухваты и поварешки, размахивая кочергами, повара с воплями мчались за несущимся впереди них ураганом. За ними, то смеясь, то ругаясь, бежал Кредан. За Креданом поспевал Сен-Мену, устремившийся в ночь по заснеженной дороге, усеянной еще дымившимися углями и головешками. Снежный занавес беззвучно опустился за его спиной.

Так началось его путешествие. Как же далеко оно завело его!

2.

На станции Тремплин-ле-О пиренейские стрелки были вынуждены погрузиться в поезд, не дождавшись ни супа, ни кофе.

К десяти часам ожидалась колонна фургонов и повозок. Она прибыла только после того, как в полночь от станции отошел первый поезд.

Металлические ободья колес быстро прорезали рыхлый слой снега до покрывавшей землю ледяной корки, после чего повозки начинали медленно соскальзывать в канаву. Из-за одного потерпевшего кораблекрушение фургона был вынужден останавливаться весь караван. На месте происшествия немедленно появлялся сержант, начальник колонны, размахивавший большим фонарем со свечой внутри; вокруг фонаря танцевали белые бабочки. Два десятка солдат хватались за колеса фургона, и цепочка повозок вскоре трогалась с места. Через сотню метров все повторялось с другим фургоном.

После девяти часов медленного продвижения вперед, постоянных остановок и утомительного топтания на месте колонна вошла в Тремплин-ле-О. Городок спал, спрятав за ставнями тепло домашних очагов. Колеса катились по укрытым снегом камням мостовой бесшумно, словно улицы были устланы войлоком. Вокзал

находился на противоположной стороне городка, на вершине высокого холма. Первая же повозка поднялась по склону всего на шесть метров и тут же скатилась вниз.

Начальник колонны приказал запрячь в нее четыре пары лошадей. Восьмерка тяжеловозов доволокла первую повозку до вокзала и спустилась вниз за следующей. При таких темпах заря должна была наступить раньше, чем на холм будет поднят последний фургон.

Измученные солдаты присаживались на подножки, опирались на оглобли и тут же засыпали, сидя или стоя. Лошади понуро опустили головы. Упорно сыпавшийся на землю снег начал медленно погребать под белым саваном затихший караван.

Сен-Мену, полумертвый от усталости и одиночества, продолжал шагать через серую ночь. Он добрался до головы колонны, обогнул оцепеневших лошадей, призраки повозок и смутно видневшиеся силуэты людей, намертво прилепившиеся к повозкам.

Его дыхание спаяло льдом меховую шапку с беретом, натянутым на самые уши, словно ночной колпак. Под этим шлемом мороз буквально разрывал ему губы. Гвозди в подошвах ботинок холодили ступни. Холод поднимался вдоль лодыжек, острыми лезвиями вонзался в спину, вгрызался в бока, сжимал тисками засунутые в карманы руки в жалких перчатках.

Сгорбившись под тяжестью ночи, Сен-Мену двигался, словно автомат. Он уже обогнал переднюю повозку и начал подъем, все глубже увязая в бесконечных ячейках снежной сети. Вокруг него до самого горизонта, существовавшего только в воображении, до самого края мира разносился шорох бесконечно и мягко падавших снежных хлопьев.

Когда нога наткнулась на скрытое снегом препятствие, он едва не потерял равновесие. Разглядев крыльцо с тремя ступеньками, он вздохнул. Черный проем дверей показался желанным убежищем, надежным укрытием, где ничто не могло потревожить. Он поднялся по ступенькам и опустился на порог, прислонившись к закрытой двери. Скорчившись, чтобы вернее сохранять тепло своего нутра, он застыл в неподвижности.

Ему было видно, как снизу к вершине холма поднимается автомобиль, разбрасывавший перед собой сверкающие струи снега. Его фары безжалостно разрушали ночь. Миллиарды снежных искр беспорядочно танцевали в световом конусе. Пространство вокруг было застелено бесконечными белыми простынями. По мере приближения к вершине холма, автомобиль двигался все медленнее и медленнее, пока не остановился совсем. Двигаться дальше он не мог. Двигатель продолжал рычать. Хлопнула дверца. Офицер в шинели, усеянной нашивками и галунами, вошел в световой туннель. Падающие снежинки стали золотыми. Офицер открыл рот, очевидно, отдавая приказания своему шоферу, но Сен-Мену ничего не слышал — все звуки съедал снег. Но ему и не хотелось ничего слышать. Ему было хорошо. Он перестал ощущать свои ноги и свою спину. Автомобиль начал едва заметно пятиться, заскользив назад по крутому склону. Офицер бешено жестикулировал казавшимися золотыми в свете фар руками и, пританцовывая, бежал вслед за светом, отступавшим все быстрее и быстрее. Вскоре он уменьшился в размерах, а затем совсем пропал за морозным барьером.

Сен-Мену погружался в блаженство отдыха. Его плоть избавилась от страдания. Он становился невесомым, бесчувственным, похожим на пуховую подушку, очутившуюся посреди заполненной ватой вселенной. Внезапно он потерял равновесие. Дверь за его спиной распахнулась. Из коридора хлынуло тепло, обволокло его и потекло дальше на улицу. На снегу возник солнечный прямоугольник. Совершив невероятное усилие, Сен-Мену поднялся на ноги и обернулся. Перед ним стояла юная девушка, смуглая и прекрасная, как сказочное видение.

Перед собой она держала лампу. Свет струился по ее волосам, стекал на плечи, отражался в больших черных глазах. Она знаком предложила ему войти. Сен-Мену шагнул через порог, и ночь осталась за захлопнувшейся дверью.

3.

Он давно потерял счет неделям, каждый день которых проводил на улице, а каждую ночь — на конюшне, забыв, как люди ведут себя в настоящем доме. Его ботинки оставляли отвратительные лужи на чистом полу. Гвозди в подошвах его ботинок скрежетали по плиткам. Сен-Мену казался самому себе настоящим медведем. Девушка внимательно смотрела на него. Ее лицо, излучавшее покой, было очерчено простыми четкими линиями. Заметив смущение гостя, она вежливо улыбнулась, не разомкнув при этом губ.

Он вошел вслед за девушкой в комнату. Стены вокруг, паркет и мебель слабо поблескивали в свете лампы под розовым кружевным абажуром. Старинный круглый стол из светлой вишни едва касался пола кончиками своих изящных ножек. Между столом и облицованной фаянсовой плиткой печью в инвалидной коляске сидел мужчина, одетый во все серое, и пристально смотрел на вошедшего.

— Добрый день, месье, — пробормотал Сен-Мену сквозь шарф.

Мужчина продолжал молча смотреть на него, медленно кивая головой. Он был толстым, чудовищно толстым. Его живот раздвигал подлокотники кресла, расталкивал в стороны короткие ноги. Золотистая борода, похожая на огромный веер, брала приступом купол лысого черепа, полностью скрывая щеки, рот и всю нижнюю часть лица; она разливалась по груди свободными волнами, точно так же поблескивавшими в свете лампы, как полированное дерево стола, декоративные завитушки на печке и чистая розовая лысина толстяка. Коротенькая белая прядка обрисовывала небольшой полумесяц на подбородке, тут же растворяясь в изобилии золотого руна. Из штанин серых брюк, едва не лопавшихся на жирных бедрах и пухлых коленях, торчали круглые лодыжки, похожие на обрубки древесных стволов. Они не заканчивались, как у всех людей, ступнями. На небольшую кожаную подушечку опирались две культи, бережно спрятанные в чехлы из зеленой шерсти. Мужчина погрузил руку в дебри бороды, извлек откуда-то из-под нее очки и водрузил их на самый кончик носа, едва заметного среди золотистых волн. Затем он с удовлетворенным видом откинулся на спинку кресла.

Сен-Мену откашлялся. С его дымившейся накидки на пол громко капала вода.

Золотистую бороду внезапно разделила надвое короткая волна, обнаружившая прекрасные белые зубы. Мужчина улыбался. В его глазах, увеличенных стеклами очков, светился живой ум, и проглядывала несколько ироничная доброжелательность.

— Я ожидал вас, господин Сен-Мену, — сказал он. — Еще три месяца назад я узнал, что сегодня ночью вы появитесь возле нашего дома, чтобы отдохнуть на крыльце. Это меня очень обрадовало. Но я знаю и многое другое. Например, что ваша колонна начнет погрузку только в шесть часов тридцать восемь минут. У вас достаточно времени, чтобы раздеться, не торопясь подкрепиться и выслушать меня. После того, как я расскажу вам все, вы забудете, что значит выражение «не хватает времени».

Бывший доцент математики, ныне капрал, уловил из этой странной тирады только то, что у него есть время, чтобы раздеться и сесть за стол. В большем он не нуждался.

Он распустил стягивавшие его ремни, расстегнул пряжки, кнопки, пуговицы, карабины и карабинчики, отставил в сторону ружье, отложил флягу, полевую сумку, противогаз, саперную лопатку, штык, ремень, накидку, перчатки, каску, меховую шапку, берет. В результате этих операций он потерял примерно две трети своего объема. Оказалось, что он на редкость худощав, из-за чего его высокая фигура казалась еще выше. В его куртку можно было затолкнуть четыре таких торса, как у него, но рукава едва доставали до запястьев.

Он немного сутулился — вероятно, из-за постоянной боязни удариться головой о притолоку дверей или даже о потолок. Голубые глаза казались очень светлыми; нос и губы на бледном лице выглядели слишком тонкими. Он провел рукой с длинной кистью и тонкими пальцами по белокурым волосам, отдельные пряди которых были беспорядочно придавлены беретом и не хотели распрямляться.

Девушка переложила все предметы его обмундирования на одно из кресел поближе к печке. Она передвигалась по комнате совершенно бесшумно благодаря комнатным туфлям из розового сатина, прикасаясь к предметам точными четкими движениями, без излишней медлительности, но и без нервной торопливости. Сен-Мену, с детства лишенный женской заботы, не отводил от нее глаз, восхищаясь ее спокойной грациозностью, и чувствовал, как быстро улетучивается его первоначальная скованность. Девушка предложила ему стул и поставила перед ним дымящуюся чашку. Гость сел и принялся за кофе. Она тоже присела за стол, как раз на таком расстоянии, чтобы иметь возможность следить за ним, не смущая его при этом. Одетая в белое платье, она выглядела лет на пятнадцать.

«Несомненно, она еще продолжает расти», — подумал Сен-Мену.

Девушка спокойно смотрела ему в глаза. Это был еще ребенок, не научившийся стесняться и стыдиться.

Инвалид взял со стола щетку из белой щетины и привычными движениями принялся расчесывать свою золотистую бороду.

— Хм, — произнес он, — может быть, мы сегодня уже достаточно налюбовались друг другом. Теперь, когда первый осмотр можно считать оконченным, позвольте представиться. Это моя дочь Аннет. А меня зовут Ноэль Эсайон.

— Ноэль Эсайон! — вскричал пораженный Сен-Мену. — Но, послушайте.., это же вы, именно вы отозвались в феврале тридцать девятого года на мою статью в «Математическом журнале»?

Толстяк утвердительно кивал и улыбался, явно довольный изумлением капрала.

— Какой великолепный отзыв, — продолжал Сен-Мену, первоначальное удивление которого сменилось откровенной радостью. — О, вы именно тот человек, с которым мне больше всего хотелось встретиться!

Он вскочил со стула, забыв свои мучения и свою робость, забыв войну и необычность этой встречи. Теперь это был человек, привыкший мыслить абстрактно, ученый, страстно увлеченный математикой, разработавший теорию, которая всего год назад произвела фурор в научной мире. Его так никто и не понял, за исключением некоего Ноэля Эсайона, замечания которого открыли новые пути для его творчества.

Он бросился к старику и восторженно пожал ему руку. Казалось, тот был так же счастлив и взволнован встречей, как и Сен-Мену.

— Конечно, война прервала вашу работу, — продолжал толстяк. — Я же мог продолжать свои исследования; в результате получилось нечто совершенно невероятное. Но вы, мой бедный друг, наверное, сильно проголодались за то время, что находитесь в пути. Аннет, о чем ты думаешь?

Девушка исчезла из комнаты на несколько минут, затем снова появилась с дымящимся омлетом, половиной холодной курицы, пирогом, сыром и бутылкой эльзасского вина.

— Ешьте, ешьте, — сердечно промолвил Эсайон. — И слушайте меня. То, что я хочу рассказать вам, весьма необычно.

Сен-Мену не заставил долго упрашивать себя.

— Вы — математик, — продолжал Эсайон, — а я — физик и химик. Я занимался исследованиями, которые наверняка ни к чему не привели бы, если бы не ваша статья в «Математическом журнале». Благодаря вам я смог преодолеть препятствия, казавшиеся мне непреодолимыми. И вот к чему я пришел: я получил вещество, позволяющее распоряжаться временем!

Сен-Мену положил вилку на стол, но толстяк не позволил ему открыть рот. Взволнованным голосом он продолжал рассказ, постоянно хватая при этом себя за бороду, словно это был простой сноп колосьев, то разделяя ее надвое, то комкая в пальцах. Иногда он останавливался, чтобы перевести дыхание, и тогда его сопение и негромкое шипенье пламени в печке были единственными звуками, нарушавшими тишину. Девушка сидела немного позади отца, в тени, положив руки на колени, очень серьезная, словно ребенок, которому рассказывают страшную сказку. Она по очереди смотрела то на одного, то на другого мужчину, но при этом ее взгляд дольше задерживался на новом персонаже сказки — высоком солдате с шевелюрой цвета конопли. Время от времени она бесшумно вставала, чтобы вытереть пот со лба отца или поменять тарелку гостю. Чувствовалось, что ни одна из этих мелких забот не была для нее неприятной обязанностью или надоевшей привычкой. Ее жизнью было все, что она делала за день, начиная с утра, когда она просыпалась, затем отправлялась в город, откуда возвращалась с белым хлебом и овощами; ей нравилось всё — есть, ходить, смотреть, как поднимается на свое крыльцо соседка, слушать крики продавца хвороста, работать с отцом в лаборатории. Уходящие в прошлое мелочи обыденного существования были ее историей, и жизнь ежедневно творила для нее эту историю. История эта не была ни серой, ни банальной, где бы она ни слагалась — в уютном свете домашней лампы, на солнце или под снегом,

падающим на окружающие ее остроконечные крыши и голые деревья. Или под пышными грудами зелени, звенящими от птичьего щебета.

Сен-Мену, целиком поглощенный рассказом хозяина, не замечал внимательный взгляд девушки, но каким-то уголком своего сознания все же ощущал ее присутствие, как ощущают присутствие в комнате какой-либо драгоценной вещи — например, старинной золотой статуэтки, тихо поблескивающей в темной нише, или роскошного ковра, плоские персонажи которого неустанно танцуют на стене свою шерстяную фарандолу.

— Откуда мы пришли? — продолжал Эсайон. — Где мы были до того, как родились и начали сознавать этот мир? Все религии в той или иной форме говорят про утраченный рай. Призрачные сожаления об этой потере посещают людей всех рас. Я назвал этот потерянный рай всеобщей вселенной. Это вселенная, не ограниченная ни временем, ни пространством. Она обладает не тремя или четырьмя измерениями, а всеми возможными измерениями одновременно. Озаряющий ее свет состоит не из семи или двадцати, пусть даже ста элементарных цветов, а из их бесконечного множества. В ней находится все, что есть, было и будет, а также то, чего не будет никогда. Ничто не имеет в ней формы, потому что там одинаково возможны все формы. Она заключена в одном-единственном атоме, но вся бесконечность нашего мира не способна заполнить ее. Для души, попавшей в эту вселенную, не существует ни прошлого, ни будущего. Все для нее — это сейчас.

Сен-Мену забыл про еду. Словно во сне, он едва замечал белые руки Аннет, подливавшей ему вина или подкладывавшей на тарелку еще один кусочек курицы.

— Теперь представьте себе, — продолжал калека (за какой грех против совершенства он был наказан?), — эту душу, осужденную на изгнание из рая. Она оказывается в том, что мы называем жизнью, представляющуюся ей чем-то вроде коридора... нет, скорее вроде вертикальной шахты, материальные стенки которой скрывают от нее все, вплоть до самых ничтожных воспоминаний об утраченном рае. Она не может ни подняться вверх, ни переместиться в сторону. Она неумолимо несется вниз, к смерти, ждущей ее на нижнем конце шахты, заканчивающейся бог весть каким кошмаром, адом... или, может быть, вновь обретенным раем? Такая душа — это вы или я на протяжении всего нашего земного существования; все мы находимся в свободном падении в пропасть времени подобно жалким камешкам, выпавшим из руки Господа.

Эсайон приподнял обеими руками бороду и тут же резко отпустил ее — очевидно, чтобы конкретизировать образ. Борода улеглась на свое обычное место, похожая, как и раньше, на большой сноп сжатой пшеницы.

Сен-Мену машинально допил несколько остававшихся в бокале капель светлого вина.

— Если бы только удалось, — продолжал Эсайон, — изменить плотность этого падающего камешка, этой души, то я смог бы или ускорить ее падение, или, наоборот, остановить его. Я смог бы даже сделать ее неподвластной тяготению, этой силе, увлекающей ее вниз, в бездну будущего, и заставить ее вернуться в прошлое. Именно над средством, позволяющим осуществить такое вмешательство, я и работал последние два десятка лет. И я многого достиг!

Инвалид взял платок из рук дочери, вытер себе лоб и шею и добавил уже более спокойным тоном:

— Я допускаю, что все это может показаться вам абсурдным, невозможным. Поэтому прежде, чем продолжить свой рассказ, я хочу продемонстрировать вам кое-что.

Он раздвинул золотую волну, закрывавшую ему грудь и открыл взорам окружающих шерстяной жилет с раздувшимися от содержимого нагрудными карманами, из-за которых его грудь сильно смахивала на женскую.

Толстые пальцы, покопошившись в содержимом карманов, вернулись на свет божий с зажатой в них плоской коробочкой, которую старик протянул Сен-Мену. Открыв ее, тот увидел множество небольших разноцветных шариков, аккуратно уложенных на слой ваты.

— Если вы проглотите один из них, — пояснил Эсайон, — то тут же помолодеете на час, на день, на неделю, на месяц или на год — это будет зависеть от цвета капсулы.

Из другого кармана он добыл еще одну коробочку, заполненную пилюлями продолговатой формы.

— А вот эти капсулы оказывают противоположное действие — они ускоряют продвижение вперед, в будущее.

Он вытряхнул на ладонь два круглых фиолетовых шарика и две пилюли такого же цвета, зачем-то понюхал их и положил на стол перед Сен-Мену.

— Предлагаю вам произвести опыт, — с улыбкой произнес он.

— Мне? Опыт? — пробормотал капрал, не поверив своим ушам.

— Да, вам. У меня нет другого способа убедить вас, что все это правда. Эти капсулы — все, что нужно вам для прыжка в прошлое на два часа и, если вы захотите, для немедленного возвращения назад. Ну, как, согласны?

Сен-Мену молча смотрел, как толстые пальцы старика подтолкнули к нему по светлому дереву стола аметистовые шарики. Он чувствовал, что краснеет от смущения, словно ему предложили участвовать в какой-то нехорошей игре. Этот толстяк явно был ненормальным.

Он поднял взгляд к лампе, потом беспомощно оглядел все предметы, которых она касалась своими желтыми лучами: благородную мебель, пыхтящего в кресле толстяка, молоденькую девушку, молча и очень серьезно смотревшую на него своими черными глазами. В этих спокойных глазах Сен-Мену разглядел микроскопическое двойное изображение лампы под светлым абажуром. Только что услышанные им слова не соответствовали этой банальной обстановке, лишенной какой-либо загадочности. Его холодный ум математика легко следовал за всеми извивами мысли хозяина. Но его здравый смысл отказывался принять выводы, к которым тот пришел. Не исключено, что пилюли содержали яд. Или это были простые конфеты, приобретенные на углу у бакалейщика…

И, все же, какими странными словами его встретили в этом доме! Он не знал, чему верить. Его колебания явно забавляли хозяина, неожиданно громко

расхохотавшегося. При этом огромный живот толстяка затрясся, словно желе.

Внезапно Сен-Мену решился. Он опустил руку на стол и сгреб капсулы в пригоршню. Любопытство одержало верх над боязнью показаться смешным.

— Вот и отлично! — воскликнул Эсайон.

Аннет принесла конверт. Юноша опустил туда две продолговатых пилюли, сунул конверт в карман, схватил два оставшихся шарика и проглотил их.

4.

Он почувствовал, как чудовищная сила рванула его назад. Свет погас; он слетел со стула. Хлопнула дверь, ледяной ветер засвистел у него в ушах. Это был ревущий ветер, заполненный разными звуками — криками, ругательствами, топотом тысяч ног. Пригоршня снега, швырнутого навстречу ему ветром, оцарапала лицо. Он почувствовал, как страшно закоченели пальцы рук и ног. Ему показалось, что сейчас он будет кашлять и тут же зашелся в приступе кашля.

Пилястр окликнул его с вершины повозки:

— Как вы думаете, капрал, мы доберемся до места этой ночью?

— Доберемся, если сможем, мой бедный друг!

Прежде, чем слова слетели с его губ, он вспомнил их. Он уже ответил однажды именно этими словами на фразу Пилястра. Он подождал ответа возницы. Его «А, дерьмо все это!» было произнесено с точностью до четверти секунды.

Обоз тянулся сквозь ночь. Еще целый километр отделял их от вокзала в Трамплин-ле-О. Сен-Мену знал, что потребуется больше часа, чтобы преодолеть эту тысячу метров, что они остановятся еще четыре раза, прежде чем попаут в заснувший город.

Кто-то из возниц разжег трубку. В короткой вспышке, перечеркнутой несколькими хлопьями снега, капрал успел разглядеть фиолетовый нос и две сосульки на месте усов. Раньше он уже видел это лицо, точно так же освещенное коротким проблеском. Но теперь, глядя на лицо Оверньята, он невольно сравнил его с оставшимся в памяти другим лицом, лицом юной девушки, освещенным розовым светом лампы. Он действительно начал переживать заново два последних часа своего прошлого. Секунда за секундой, шаг за шагом, ему предстояло вновь пройти по цепочке событий, которые он прекрасно помнил. Его охватило необычное возбуждение, заставившее забыть об адской стуже. Ему казалось, что он идет, весь залитый розовым светом комнатной лампы. Ночь, холод, боль, грязь, тупое неведение будущего — все это было участью остальных, этого безликого серого стада. Он же ощущал себя легким и могущественным, он был полубогом, так же отличающимся от возниц, как те отличались от своих лошадей.

В этот момент его потрясла неожиданная мысль.

«А если теперь, — подумал он, — я пойду другой дорогой? Если я не остановлюсь перед крыльцом с тремя ступеньками, ведущими к двери волшебника? Ведь я свободен в выборе. Я могу избежать событий, о которых мне известно, могу изменить свою судьбу, остаться таким же солдатом, как и все остальные, для

которых время измеряется суммой накопившихся мучений. Я могу сесть в поезд и никогда не встретить Ноэля Эсайона... Я свободен, я могу...», — думал он. Но, в действительности, он больше ничего не мог. Любопытство отныне навсегда приковало его к судьбе. Ничто в мире теперь не могло заставить его отказаться от продолжения опыта.

Ему страстно захотелось поскорее узнать обо всем, расстаться со снегом и морозом, с этим идиотским топтанием на месте. Он поискал в кармане конверт с пилюлями для возвращения, заморгав при этом от попавших в глаза снежных хлопьев. Добравшись до конверта, он вытряхнул его содержимое в рот.

Пилюли скользнули на язык; он непроизвольно напряг мышцы в ожидании повторного рывка и проглотил пилюли вместе со слюной. Почувствовал, как они спускаются вниз по пищеводу, как попадают, наконец, теплые и светящиеся, в желудок. Испускаемый ими свет вырвался из тела и заполнил комнату, в которой он находился. На него с легкой усмешкой смотрел Ноэль Эсайон. За плечом толстяка виднелось улыбающееся лицо девушки, и ему почудилось, что в девичьих глазах светится удивительная нежность.

— Вот я и вернулся, — сказал он. — Надеюсь, вы не слишком долго ждали меня?

— Но вы только что исчезли! — ответил толстяк. — Вы покинули нас с испугом на лице, а вернулись с улыбкой. Мы едва успели заметить, что ваш стул опустел. Я не спрашиваю, убедились ли вы теперь...

Сен-Мену вскочил, чтобы пожать руку Эсайону. Он хотел обнять его, но спохватился, что покажется смешным. Он никак не мог найти способ выразить свою взволнованность, свой восторг. Полой куртки опрокинул чашку с чаем. Смутившись, принялся извиняться. Аннет смеялась.

— Успокойтесь, мой дорогой, — сказал Эсайон. — Ваше волнение трогает меня гораздо сильнее, чем все ваши комплименты. Я просто счастлив, что вы оказались таким энтузиастом. Вообще-то, как не стать им после подобного опыта! Теперь вы понимаете все значение моего изобретения? Дожив до сорока лет вы можете начать жизнь сначала. Вы возвращаетесь в свою юность. Вы бросаетесь в новую жизнь с совершенно новым телом. Отныне вы можете избежать всех бед и несчастий, поразивших вас во время первого существования; теперь вы знаете, как поймать удачу, ранее ускользавшую от вас. Не получилось во второй раз — начните в третий, сотый, тысячный раз. Вы можете овладеть всеми науками, всеми знаниями мира, изучить все языки; вам доступна любовь всех женщин, знакомство со всеми великими людьми. Вы все увидите, все услышите, все узнаете. Вы сравняетесь с богами.

Эсайон весь отдался экзальтированному восторгу. Казалось, он вот-вот вскочит на ноги, вырвавшись из своего уродливого тела, словно бабочка из куколки. И, может быть, — продолжал он, — однажды, устав от земной вечности, вы позволите увлечь себя сумеркам, чтобы познать то единственное, что вы еще не испытали...

— Если считать, что я могу верить своим глазам, — нерешительно начал Сен-Мену, то я сказал бы, что вы сами еще ни разу не попытались «начать с начала».

Его взгляд перебежал с лица толстяка на его безобразный живот, затем на обрубки лодыжек.

Восторг инвалида мгновенно угас. Он поежился в своем кресле, помолчал несколько секунд, затем снова заговорил совсем тихим голосом.

— Нет... Нет... Я не смог... Правда, я совершал короткие экскурсии в прошлое. Я отправлялся туда каждый раз, когда это было необходимо для моих исследований. Но я никогда ничего не менял в своей судьбе. У меня не хватило на это мужества...

Я не сомневаюсь, вы скажете: в таком положении человеку не нужно много мужества, чтобы покинуть свою уродливую оболочку. Наоборот, я должен был с радостью расстаться со своим бесформенным телом... Но для этого мне пришлось бы изменить свое сердце... Я не мог расстаться со своим ребенком. Я не захотел избежать несчастного случая, сделавшего меня калекой — ведь именно благодаря ему я познакомился с женщиной, ставшей матерью Аннет — она была сестрой в госпитале... Потом мы поженились. Она умерла, дав жизнь моему сокровищу.

Эсайон вытянул вперед руки. Рукава куртки, укоротившиеся из-за пузырей на локтях, обнажили его запястья, белые и пухлые, словно ножки маленького ребенка. Дочь опустилась перед ним на колени и прижалась к отцу. Эсайон медленными нежными прикосновениями ласкал завитки ее каштановых волос, смешавшиеся с золотыми волнами его бороды.

— Вот, — медленно промолвил он, — самая прочная нить, связывающая меня с настоящим. Я не хочу даже думать о том, что могу прожить другую жизнь, в которой рядом со мной не было бы моего дитя.

Сен-Мену кивнул, подумав, что прекрасно понимает старика.

Эсайон снова заговорил твердым, четким голосом человека науки.

— Только что я позволил своим мечтам увлечь меня, — сказал он. — В действительности, я совсем не думаю, что человек, имеющий в распоряжении мои пилюли, смог бы свободно применять их, сколь бы ни был он решителен, каким бы ни был эгоистом. У любого человека всегда найдется сковывающая его цепь, если не в виде любви, то в виде ненависти. Впрочем, я совсем не стремлюсь отыскать секрет бессмертия и всемогущества. Я работаю не для себя, а для человечества.

— Я исследовал не только прошлое, но и будущее, — продолжал Эсайон. — Но проделывал это очень осторожно, потому что не знаю, в какой момент меня настигнет смерть. Я забирался не слишком далеко, опасаясь оказаться за пределами своей жизни. На самом деле, мое изобретение, вызвавшее у вас такое восхищение, совершенно не устраивает меня. Вещество, названное мной ноэлитом, действует только в пределах нашего реального существования. Ноэлит не позволяет выйти за пределы той шахты, непрерывное падение к которую неизбежно влечет нас к смерти, не позволяя прорваться в бесконечное время, где мы могли бы находиться, сохранив при этом свою сущность. А именно это интересует меня больше всего. Изобретенные мной пилюли могут, конечно, служить моим узко эгоистическим целям, но это меня не устраивает. Я мечтаю принести пользу всему человечеству. Не знаю, смогу ли я добиться того, чего хочу. Люди всегда отказывались от помощи тех, кто хотел увести их к лучшей жизни, слепо кидаясь за каждым, кто увлекал их к страданиям и несчастьям. И все же, все же...

На мгновение он замолчал; его зеленые глаза, подернувшиеся дымкой мечтательности, словно следили за видимым только ему удивительным зрелищем.

Потом он провел пухлой ладонью по лысине и тихо продолжал:

— Никто не запретит мне надеяться, что если я совершу путешествия в разные века, изучу прошлую и будущую историю, выясню подлинные причины войн, революций, страшных потрясений, то смогу помочь человечеству избежать хотя бы некоторых из них... Может быть, в итоге мне удастся ускорить прогресс, одолжив у наших внуков какие-нибудь важные изобретения или идеи каких-нибудь реформ, которые сделают нас счастливыми. Почему бы и нет?

Он снова замолчал. Потрясенный услышанным, Сен-Мену видел теперь перед собой совсем не жалкого калеку. Он забыл, что у этого человека жалкие обрубки вместо ног, перестал замечать его чудовищный живот обжоры и толстые, словно окорока, руки. Он видел только лицо, на котором читались скептицизм и живой, светлый ум. В его воображении возник образ совершенно другого Эсайона. Это был гигант, возвышавшийся над ним в сиянии славы, простирая руки над угнетенной толпой. Это был гений, один из тех светочей, что появляются не чаще одного раза в несколько столетий, чтобы коренным образом изменить людские судьбы.

Эсайон хлопнул ладонями по подлокотникам кресла.

— Да, — заявил он решительным тоном, — я не просто хочу, я просто обязан найти вещество, которое сделает для нас проницаемыми стенки этого воображаемого туннеля, этой шахты времени, в которую мы падаем на протяжении всей нашей жизни. Знаю, что найду его, но для этого мне понадобится очень и очень долго работать. Сколько лет? Не имеет значения; в моем распоряжении вечность. Я могу бессчетное количество раз прожить один и тот же день, пусть даже на протяжении нескольких столетий. Так или иначе, но я выбрал вас, чтобы вы помогали мне в исследованиях, которые начнутся после того, как нужное мне вещество будет получено. Не спрашиваю, согласны ли вы — я знаю ваш ответ. Ваш ум, ваша научная подготовка, практически такая же, как у меня, — все это позволяет мне надеяться на прекрасные результаты нашего сотрудничества. Ведь именно благодаря вашим статьям мне удалось успешно завершить первый этап исследований — без ваших идей я еще долго топтался бы на месте. Отныне я рассчитываю только на вас. И вот, что я решил.

Эсайон выпрямился в кресле. Его борода золотым потоком хлынула вниз. Глаза старика светились таким благородством, такой решимостью, что Сен-Мену даже не попытался возразить.

— Вы не должны уклоняться от исполнения своего долга перед Родиной. Вам придется вернуться в шкуру солдата, вернуться в холод и ночь из тепла и уюта. Вы будете воевать дальше. Знайте, однако, что войну вы пройдете невредимым. Впрочем, ноэлит поможет вам пройти этот путь так быстро, что у вас от него сохранятся только смутные воспоминания.

Я дам вам две пилюли каждая на один год. Примите их разом. Через два года вы должны будете обосноваться в Париже. Там я найду вас. Пока вы будете переживать свою молниеносную войну, я смогу прожить десять, сто, тысячу лет — столько, сколько будет нужно для завершения исследований. Что ж, малыш, тебе пора одеваться. Настал момент, когда ты должен покинуть нас, чтобы мы встретились снова через два года.

Взволнованный Сен-Мену встал из-за стола. Аннет подала ему накидку — при

этом, ей пришлось встать на цыпочки и высоко поднять руки. Затянутый в панцирь из шерсти, над которой все еще клубился пар, Сен-Мену бросил последний взгляд на комнату, будто затянутую розовой дымкой, затем сложил свое длинное туловище чуть ли не вдвое, собираясь поцеловать кончики пальцев Аннет.

Но наклонившись, он на секунду замялся. Вообще-то девушкам руки не целуют, подумал он. Но я же не штатский человек, а солдат... Поэтому он закончил движение, коснувшись губами хрупких пальчиков, и через несколько мгновений нырнул в ледяную ночь. Снежинки тут же накинулись на него. Через два года? Он подумал, что война, значит, закончится не раньше, чем через два года.

Он увидел себя со сдвинутым на ухо беретом в колонне, марширующей по Елисейским Полям после славного похода в самое сердце вражеской страны. Потом он сказал себе, что все это не имеет никакого значения. Цель, возникшая отныне перед ним, должна была оказаться несравненно более величественной.

Попавшая в глаз снежинка заставила его опустить веки. Мгновенно замерзшая слеза слепила его ресницы. Он слышал, как мимо него сквозь ночь промчались кони, оставив за собой шлейф из брани возницы, запаха кожаной сбруи и скрипа дышла. Он опустил уши своей меховой шапки и бросил в рот две пилюли. Одна из них слегка защекотала у него в горле. Он чихнул.

5.

— Что за собачья погода! — пробурчал он. — И еще это окно, которое не хочет закрываться!

Сен-Мену прошелся по маленькой комнатушке, энергично потирая руки, чтобы согреть их. Шерстяное кашне, трижды обмотанное вокруг шеи, закрывало ему лицо до самых глаз. Он приподнял темно-синюю штору, закрывавшую оконный проем, и попытался плотнее прикрыть оконные створки, разбухшие от сырости. Он отчетливо почувствовал струйку холодного воздуха, врывавшуюся в комнату на уровне живота. Чихнув еще раз, он вернулся к столу из светлого дерева и опустился в кресло. Возле настольного календаря стояла лампа, накрытая колпаком из газеты, игравшим роль непрозрачного абажура. На календаре была видна дата: 21 февраля 1942 года. Был уже первый час ночи. Началось 22 февраля. Сен-Мену перевернул листок календаря.

Прошло два года с того момента, как он, увязая в сугробах Трамплин-ле-О, проглотил две пилюли ноэлита. Неужели это время действительно пронеслось со скоростью мысли, как и обещал ему Эсайон? Из снегов Шампенуа — прямо в снега Парижа... Неужели он на самом деле совершил этот мгновенный прыжок через кучу месяцев? Но ведь у него все же остались в памяти неизгладимые впечатления от этих двух лет: вступление на территорию Бельгии, куда они вошли с такими надеждами, и где их ожидал такой страшный разгром... Небо, заполненное самолетами, бомбы, градом сыплющиеся на их головы, разметанные по сторонам обломки повозок, тела ездовых... Потом беспорядочное отступление, лагерь в Суже, возле Бордо, мухи, сплошным слоем покрывавшие песок, смешанный с экскрементами, дизентерия, отчаяние... Потом Пиренеи, вскоре после них демобилизация. Его место в Париже оказалось занятым каким-то типом, избежавшим мобилизации; последовало направление в провинциальный колледж. Наконец, в начале этого года он снова вернулся в столицу.

Конечно, он пережил все это. Глянув в зеркало, он увидел лицо человека, которого суровая необходимость научила считаться с действительностью. На этом лице можно было различить следы перенесенных страданий. Но неужели эта ночь в Трамплин-ле-О была всего лишь сном? Ему достаточно было закрыть глаза, чтобы тут же увидеть сидящего в кресле калеку с золотой бородой и животом, похожим на огромную тыкву. И молчаливую девушку...

Он просто не знал, чему верить. На столе перед ним громоздились стопки проверенных тетрадей. Сорок учеников, от восемнадцати до двадцати лет, изучавших высшую математику. Этой ночью он провел несколько часов над их работами... Ночь... Два года... Одна секунда... Время, достаточное для того, чтобы проглотить две пилюли... А что такое время? Возле тетрадей блестел небольшой серебряный предмет, материальное доказательство пребывания у Эсайона — нечаянно унесенная кофейная ложечка. Он прикоснулся к ней своими тонкими пальцами. Она показалась ему невероятно холодной.

Стуча зубами, Сен-Мену разделся, оставив шерстяные кальсоны и натянув сверху еще и пижаму, мятую и не слишком чистую. Что ж, пижама холостяка... Когда он уселся на постели, его колени кузнечика уперлись ему в подбородок. Потрогав ледяные простыни кончиками пальцев ноги, он задержал дыхание и скользнул под одеяло, словно в холодную воду. Ему никак не удавалось согреться. Он с сожалением вспомнил о соломе на конюшне в деревушке Ванесс, о тепле, насыщенном запахом лошадей. Эти воспоминания показались ему удивительно близкими. Ведь это было только вчера...

Он слышал, как пробило три часа... потом четыре... Казалось, эти ночные часы никогда не закончатся. Неужели он на самом деле в одно мгновение промчался через два года?

Зимний ветер стонал над спящим городом. За перегородкой храпел господин Мишле, его сосед по площадке.

Если Эсайон сдержит свое обещание, он должен сегодня приехать в Париж. Эсайон и его дочь Аннет.

6.

Разбудил его стук в дверь. Он крикнул: «Сейчас, сейчас!» и подумал: это они.

Вскочив с постели, он бросился к двери, но на полпути со стыдом вспомнил, что давно не мыл ноги, вернулся к постели и торопливо натянул носки. Зубы его стучали от холода и волнения. Сорвав с постели одеяло, он завернулся в него и бросился открывать дверь.

— Господин Сен-Мену? — спросил кто-то голосом, прозвучавшим, словно флейта.

На уровне пояса он увидел фуражку и красный нос почтальона.

— Да, это я.

— Это вам, месье!

Мальчишка протянул конвертик пневматической почты, зажатый, словно в

клешне, в его пятерне, повернулся и с грохотом скатился по лестнице, распевая во все горло: «Это час моего свинга».

Сен-Мену услышал, как внизу его обругала хозяйка.

У него так тряслись руки, что он едва не уронил конверт. С трудом разобрал адрес отправителя: «Ноэль Эсайон, 7, вилла «Расин», Париж, 16 округ».

«Мой дорогой друг!
Как видите, мы прибыли на встречу без опоздания.
Ждем вас на завтрак.
Искренне ваш,
Н. Эсайон».

— Что, сосед, хорошие новости, надеюсь?

Услышав обращенные к нему слова, Сен-Мену сообразил, что все еще стоит на пороге своей комнаты. Буркнув «спасибо, все в порядке», он захлопнул дверь. Пряди светлых волос падали ему на глаза.

Господин Мишле пожал плечами и спустился вниз на завтрак. Это был архитектор-неудачник. К пятидесяти годам он растерял всю клиентуру и лишился почти всего состояния. Он был вынужден снимать меблированную комнату в этом доме на бульваре Сен-Жак, и делал это только потому, что на противоположной стороне бульвара стояло одно из зданий, построенных по его проекту. Это было сооружение, похожее на замок, с башенками и шпилями, окруженное полоской газона шириной не более полутора метров. Справа и слева его зажимали склад мебели и лавка угольщика. Из окна своей комнаты, находившейся как раз над входом в метро, господин Мишле мог с утра до вечера любоваться своим шедевром. Сейчас это было его единственной радостью. Возраст и невзгоды заставили его съежиться; старый костюм теперь был слишком большим для него. Фетровая шляпа серого цвета, местами переходившего в грязно-каштановый, сползала ему на уши. Его лицо утратило свой естественный цвет. Даже глаза приобрели неопределенный оттенок и походили на мелкие лужицы, в которых сквозь жалкое отражение неба проглядывает илистое дно. Его усы, наверняка выглядевшие в юности весьма победоносно, утратили всякое достоинство и уныло свисали двумя жидкими пучками с горьких складок в уголках рта на плохо выбритый подбородок. На концах они были серого цвета, тогда как над губой походили цветом на окурок.

Чтобы отомстить судьбе за неблагосклонность, господин Мишле рассказывал каждому встречному историю своих злоключений. Он приставал со своей повестью не только к соседям по квартире, но и к случайным встречным, весьма мало расположенным выслушивать даже самые первые фразы. Недавно он начал искать утешения с самого раннего утра у завсегдатаев бара поблизости, где он по утрам выпивал чашку кофе.

В бар он приходил, с трудом скрывая нетерпение, еще до восхода солнца, когда кофейный автомат только-только начинает посвистывать, а хозяин бара еще зевает, расставляя на прилавке чашки, в которых тонко позвякивают серебряные ложечки. Он всегда видел в баре одних и тех же рабочих, озябших на морозе и забежавших в тепло перед первым поездом метро. Его габардиновый плащ вклинивался в выстроившийся возле оцинкованной стойки ряд поношенных пальто и грязных спецовок. Водопроводчик передавал ему пузырек с жидким сахарином, заменивший давно забытую сахарницу, дружески похлопывал его по плечу и спрашивал: «Ну что,

надеюсь, сегодня ваши дела пойдут лучше, чем вчера?» И тогда господин Мишле в очередной раз начинал рассказ о своих несчастьях. Время от времени ему попадался грубиян, нахально заявлявший: «Эй, приятель, мне уже знакома эта песенка!» Но, даже если никто и не говорил ничего подобного, его все равно никогда не слушали. Они не мешали ему говорить, но при этом продолжали болтать про войну, и каждый из них знал лучше всех остальных, когда она должна была закончиться.

7.

Между двумя домами с закоченевшими фасадами от улицы в сторону отходила небольшая аллея. Расставшись с мещанской улицей, она устремлялась куда-то в сторону, виляя между деревьями. По ее сторонам тянулись стены с редкими калитками или решетчатыми воротами; стены были увенчаны слоем снега, сквозь который местами наружу выглядывали осколки бутылочного стекла, поблескивая своими острыми клювами. Чьи-то следы обозначили тропинку на белом ковре, устилавшем землю. Высоко над головой деревья сливались в сплошную сетку своими голыми ветвями.

Сен-Мену пришлось внимательно рассматривать номера домов между перепутанными побегами плюща. Он с трудом различал их между стволами деревьев и путаницей ветвей, иногда чуть ли не полностью загораживавших стоявшие в стороне от ограды дома. Когда он проходил мимо дома номер пять, из глубины парка примчались сразу три овчарки. Они кидались на ворота, прыгали за решеткой, просовывали сквозь прутья зубастые пасти, свирепо рычали и пытались укусить, но не лаяли.

Седьмой номер находился за воротами, решетчатые створки которых оказались в самом конце аллеи. Сен-Мену позвонил. Послышались шаги, и к воротам подошла пожилая женщина. На ней были черное платье с глухим воротником и белый чепец с широкими накрахмаленными крыльями.

— Господин Эсайон живет здесь?

Женщина утвердительно закивала, но не произнесла ни слова. При этом крылья чепца забились вокруг ее головы. Знаком она предложила посетителю следовать за ней и бросилась к дому бегом. Складки платья летали вокруг ее ног, на которые были натянуты белые шерстяные чулки.

Удивленный Сен-Мену бежал по дорожке вслед за женщиной. Вскоре они поднялись на окружавшую дом террасу из больших грубо обтесанных камней. Не дав Сен-Мену ни минуты, чтобы перевести дух, женщина открыла одну за другой две двери и исчезла.

Пьер стоял, задыхаясь и хватая воздух широко открытым ртом, когда услышал смех Аннет.

— Честное слово, — сказал он, — я не в состоянии нормально войти в ваш дом.

Он вспомнил свои мокрые башмаки, оставлявшие следы на паркете в Трамплин-ле-О. Это была та же комната, с той же мебелью, освещенная очень похожим с светом, проникавшим в помещение через затянутые розовой кисеей окна. В том же кресле сидел толстяк, погрузивший обе руки в пышную бороду. Он смотрел на

входящего в комнату Сен-Мену с той же доброжелательной и слегка ироничной улыбкой. Позади него стояла дочь. Из всего окружения изменения коснулись только ее. Она расцвела, но в ее глазах сохранился чистый свет, характерный для взгляда детей или взрослых, которым нечего скрывать. Она выросла в одиночестве, рядом с отцом, единственным существом, которому доставались ее забота, ее помощь и ее красота. Никто не научил ее видеть зло там, где его и не могло быть.

Аннет сделала несколько шагов навстречу Сен-Мену. На ней была плиссированная юбка цвета морской волны и корсаж с кружевами. Она передвигалась, согнув обнаженные руки в локтях и держа их ладонями кверху, словно протягивая их гостю. При каждом движении ничем не стесненная грудь слегка колыхалась за завесой кружев. Юбка подчеркивала удивительно тонкую талию, несколько закругляясь на бедрах, и танцевала вокруг идеально стройных ног. Две прядки волос свивали каштановые кольца на висках. Несколько непокорных прядок выбивалось из общего порядка; они затеняли лоб и цеплялись за свет, нимбом обрамлявшим ее голову. Золотистые и розовые переливы света на ее нежной коже напоминали о тепле струившейся под ней крови и солнечном тепле. Она улыбалась, не разжимая губ, той же самой улыбкой, что встретила Сен-Мену два года назад, улыбкой, омывавшей ее черты нежностью и тайной.

Сен-Мену никогда не умел оценивать женскую красоту. Он жил исключительно разумом, в тех абстрактных сферах, куда математика увлекает лишь немногих посвященных. От прошлой встречи с Аннет в его памяти осталось только светящееся лицо и оказанное ему гостеприимство. Он не отделял воспоминания о девушке от воспоминаний о ее отце. И хотя он тогда и был поражен ее красотой и грацией, но перестал думать о ней после того, как пожал ей руку. Он был тогда во власти тревожного любопытства, захватившего все его существо.

В тот момент, когда рука юноши соприкоснулась на мгновение с ее рукой, Аннет неожиданно перестала улыбаться. Она медленно повернулась, провожая взглядом молодого человека, прошедшего мимо нее и направлявшегося к ее отцу.

— Мы счастливы вновь увидеть вас, мой дорогой друг, — сказал Эсайон. — Надеюсь, наша старушка Филомена приняла вас не слишком нелюбезно. Это кормилица дочери. Вы не могли встретиться с ней во время первого вашего визита к нам. Она тогда была еще мертва…

Эти слова не встревожили Сен-Мену, так как были слишком похожи на мрачную шутку. Он засмеялся.

— Это что-то новенькое, — сказал он. — Я не сомневался, что вы способны на сюрпризы.

— В том, что вы услышали, нет ничего удивительного! Но садитесь же, мой дорогой Сен-Мену! Вы знаете, преданность старых слуг не знает границ. Филомена когда-то занималась у нас домашним хозяйством. Будучи ненормально бережливой, она, чтобы ничего не пропадало, питалась остатками еды. В конце концов, однажды она отравилась, очевидно, старым паштетом, слишком долго валявшимся в ее закромах. Она мучилась целых две недели, прежде, чем наступил конец. Аннет горько оплакивала ее и долго оставалась печальной после похорон. Когда я получил ноэлит, я отыскал Филомену в прошлом и постарался предотвратить ее печальную кончину. Но я не смог выяснить истинную причину ее смерти. Пришлось незадолго

до несчастного случая запереть ее в комнате, где она голодала целую неделю. Просидев столько времени на хлебе и воде, она вышла из заключения сильно похудевшей, и хотя и бесилась от злости, но осталась жива. С тех пор она не покидает нас.

— Должно быть, Филомена невероятно признательна вам…

— Вы ошибаетесь, — ответил Эсайон. — Наоборот, она не может простить мне сделанное. Она живет с постоянными угрызениями совести, считая, что «украла чужое время жизни». Она всегда невероятно спешит, даже передвигается только бегом, надеясь таким образом быстрее прожить эту «украденную» жизнь. Ей очень не по душе мои опыты. Она уверена, что я продал душу дьяволу.

Эсайон прищурился, почти закрыв глаза. Сен-Мену с удивлением заметил, что по лицу старика промелькнула тень гнева.

8.

Даже во времена довоенного изобилия Сен-Мену, постоянно ограниченный скромными возможностями своего бюджета, не видел таких роскошных обедов. Омар, курица, телятина, свежий горошек, спаржа, салаты непрерывной чередой проследовали через его тарелку. В завершение всего, после большого выбора нежных сыров и пирожков он увидел на столе — в середине февраля! — неправдоподобно свежие вишни, клубнику и виноград.

Пьер всегда ел очень мало. Ему вполне хватало тех микроскопических порций, что подавали в ресторанах категории «Д». Он уделял слишком мало внимания этой обязательной потребности организма, а поэтому никогда не страдал, как большинство его соседей, от отвратительного вкуса унылой еды послевоенного времени.

Похоже, что кухня Филомены вновь пробудила в нем способность наслаждаться хорошей пищей. Он был в восторге, словно перед ним в разгар зимы распустились невиданные цветы. Насытившись уже самым первым блюдом, он был вынужден только пробовать все последующие перемены. Забытый белый хлеб показался ему безвкусным.

Запах настоящего кофе он уловил задолго до того, как служанка поставила перед ним чашечку ароматного мокко.

Эсайон откровенно наслаждался его изумлением. Аннет просто нравилось, что он получает удовольствие.

Калека ел и пил за четверых. Было похоже, что это его обычный аппетит. Его бороду уже украшали многочисленные крошки хлеба. После каждого нового блюда он пытался отряхивать ее. Поражаясь про себя щедрости, с которой Аннет раз за разом наполняла тарелку отца, Сен-Мену догадывался, что она делала это за каждой едой. Впрочем, сам Эсайон подтвердил его догадку.

— Видите ли, — благодушно заявил он, — я самый обычный человек. Я никак не могу пресытиться обычными радостями нашей простой жизни — радостями для чувств, для сердца и для ума. И я страдаю из-за того, что вижу вокруг себя столько несчастных, в то время, как жизнь могла бы предоставить им множество самых

разнообразных удовольствий. Сегодня только я могу видеть на своем столе фрукты, созревшие прошлой осенью, но сорванные всего лишь вчера. Мне остается надеяться, что скоро это будет доступно любому. Идемте, я покажу вам, где хранятся эти дары прошедшей осени.

Они втроем — Аннет катила кресло инвалида — перешли в соседнюю комнату, показавшуюся Сен-Мену подвальным хранилищем большого банка. Стены были усеяны множеством небольших дверок из серого металла, и каждая из них была снабжена рукояткой и белой кнопкой, похожей на кнопку звонка. Эсайон ухватился за одну из рукояток и потянул ее на себя. За распахнувшейся дверцей не было ничего, кроме черной пустоты. Свет, заливавший комнату через два больших окна, не мог проникнуть в сейф даже на миллиметр. Казалось, что его полость заполнена темнотой, словно какой-то густой черной массой. Взгляд, натыкавшийся на абсолютный мрак, был не в состоянии уловить хотя бы малейший отблеск света. В комнате, освещенной послеполуденным солнцем, этот черный квадрат казался чем-то иррациональным.

— Протяните руку внутрь сейфа — сказал Эсайон.

Сен-Мену приблизился к распахнутой дверце, вытянул вперед руку и недоуменно хмыкнул. Что-то не позволило его руке проникнуть в пустоту. В то же время, она не оказала ни малейшего сопротивления. Он осторожно ощупал кончиками пальцев густую черноту — и ничего не почувствовал. Под пальцами у него не было никакой поверхности — ни гладкой, ни шероховатой. Там вообще не было ничего материального. Не было ни тепла, ни холода. Ничего. Там вообще ничего не было. Но рука, которую ничто не задерживало, не могла проникнуть внутрь сейфа. Тогда он попытался протолкнуть в сейф сразу обе руки. При этом он выглядел словно взломщик, пытающийся на ощупь раскрыть секрет замка. Его пальцы скользили по поверхности... пустоты. Он навалился всем своим весом на руки... не соприкасавшиеся ни с чем. Он опирался на ... ничто.

Эсайон вытащил из кармана шерстяного жилета очки и торжественно водрузил их на нос. Его глаза пылали за толстыми стеклами очков.

— Не упорствуйте, друг мой, — промолвил он с хитрой усмешкой. — Давайте, я сперва покажу вам содержимое этого отсека. Ну, а потом объясню, в чем тут секрет. Смотрите!

Эсайон нажал на белую кнопку. Пораженный, Сен-Мену увидел, как мрак затрепетал, мгновенно свернулся в небольшой вихрь и исчез. Внутри камеры загорелась небольшая зеленая лампочка. Ее слабый свет позволил Пьеру разглядеть четыре больших куска сливочного масла, лежавших на невысокой деревянной подставке. Он нерешительно протянул руку. На этот раз она проникла внутрь сейфа, не встретив ни малейшего сопротивления, и его указательный палец оставил неожиданно глубокую вмятину на ближайшем куске масла.

Пока сконфуженный Сен-Мену облизывал свой палец, Эсайон снова нажал на кнопку. Неизвестно откуда появившийся мрак мгновенно затянул внутренности сейфа, остановившись на уровне дверцы, словно сейф заполнился чем-то монолитным. Эсайон захлопнул дверцу.

— Сейчас вы видели, как я храню съестное, а теперь я объясню, как работает это устройство.

Они вернулись в соседнюю комнату, где Филомена уже расставила на столе множество разнокалиберных бутылок с разноцветными напитками.

— Выбирайте, что вам по вкусу, и наливайте сами, — распорядился толстяк. — Сейчас вы познакомились с одним из применений ноэлита. Мне удалось получить весьма интересную его разновидность. В стремлении как можно дольше оставаться рядом с моей дорогой дочуркой, я решил превратить момент настоящего в вечность. Но получилось у меня совсем не то, на что я рассчитывал. Что такое настоящее в нашей маленькой Вселенной? Пока я обдумываю фразу, которую собираюсь произнести, она является частью будущего. Но, по мере того, как я ее произношу, она постепенно проваливается в прошлое. Является ли настоящим момент, когда я пробую этот восхитительный ликер? Нет! Пока он еще не попал мне на язык — это будущее. Но как только ощущение удовольствия от вкуса ликера, от его тепла, заполняющего рот, достигло моего мозга — ликер исчезает из настоящего и оказывается в прошлом. Будущее непрерывно и мгновенно гибнет в прошлом, лишь только перестает быть будущим. Настоящее не существует. Пытаться превратить его в вечность — значит, желать превратить в вечность ничто! Но именно это и удалось мне сделать.

Сен-Мену, словно завороженный, опустил рюмку на стол. Он даже не понял, что именно было у него налито.

— Сейфы, которые вы только что видели, — продолжал Эсайон, изнутри покрыты краской на базе ноэлита-3. Эта краска не позволяет времени воздействовать на все, что находится внутри сейфа. Устранить эффект воздействия ноэлита можно только с помощью зеленой лампы. Я включаю ее и помещаю в сейф живую курицу. Как только лампа выключается, курица перестает существовать в нашем времени. Отныне настоящее, до этого не существовавшее для нее, становится единственно возможной формой ее времени. Ее кровь останавливается, Ощущения больше не вызывают соответствующие сигналы в ее нервной системе. Она оказывается застывшей в настоящем, и может оставаться в этом состоянии хоть тысячу лет, хоть миллион, ничуть не старея и ничего не ощущая. Зажженная спичка может оставаться в моем сейфе вечность, и за это время она не сгорит и не погаснет.

Каково же состояние предметов или организмов, сохраняющихся в этом вечном «сейчас»? Мы можем только гадать об этом. Мы ничего не можем узнать с помощью наших чувств, потому что все процессы останавливаются под воздействием ноэлита: свет, звуки, запахи — все. И если вы не можете засунуть в сейф руку, то это означает, что внутри этого вечного настоящего не может существовать никакое движение. Таким образом, «сейчас» остается непознаваемым.

Когда я разработал ноэлит-3, я вернулся в 1938 год вместе с Аннет. Я приобрел этот дом и заказал сейфы, покрытые изнутри слоем краски с ноэлитом. Затем заполнил их до отказа самыми разными продуктами. Как только одна из камер оказывается опустевшей, Аннет возвращается в довоенное время и снова наполняет ее.

— Это так забавно, — доверительно сообщила Аннет, — снова оказаться девочкой после того, как ты уже приобрел опыт взрослой девушки.

— Вы только послушайте ее! — воскликнул калека. — Вы послушайте, как она тут рассуждает о своем «опыте взрослой девушки», эта противная девчонка!

Пьер взглянул на Аннет. Он попытался представить, что может чувствовать эта красивая девушка, возвратившаяся в тело девочки. Он видел, как уменьшается и становится плоской ее грудь, делаются тощими лодыжки, более резкими становятся черты лица… В эти секунды Аннет смотрела ему прямо в глаза, и он первый отвел взгляд. Потом он откашлялся и воскликнул:

— Действительно, слушая вас, видишь, как чудеса превращаются в нечто обыденное. Вы совершаете прогулки во времени, словно выходите на улицу, чтобы побродить по городу… Но разве вы не нашли другого применения ноэлита-3?

— О, еще бы! Я нанес слой ноэлита на внутреннюю поверхность чехлов наших матрасов, убрав оттуда набивку. Теперь мы спим, нежно поддерживаемые ничем! Какое странное ощущение — сознавать, что под тобой ничего нет! Но это только частные примеры использования изобретенного мной вещества. Увы! История подтверждает, что любое изобретение используется, прежде всего, чтобы приносить людям несчастье. Поэтому я хотел убедиться, что ноэлит не оказывает вредное воздействие на человеческий организм.

Эсайон опустил свой стакан на стол. Капельки коньяка поблескивали на его усах, словно росинки на золотых стебельках травы.

— Я передал нашему генеральному штабу — через несколько посредников, чтобы остаться неизвестным — десять гектолитров жидкого ноэлита в специальных сосудах. В сопровождающих груз бумагах я указал, какие следует соблюдать предосторожности, чтобы зарядить ноэлитом небольшие бомбы. Я также попросил, чтобы результаты испытания были переданы мне по радио на санскрите — не так-то много людей во всем мире понимают его. К тому же, люди, знающие санскрит, обычно мало интересуются радиопередачами. Это было полгода назад. Поскольку на сегодня была назначена наша встреча, я определил сегодняшний день для этой радиопередачи. Давайте, послушаем, что нам сообщат военные…

Он открыл дверцу старинного шкафа, украшенного ручной резьбой по дереву. Пьер и Аннет увидели черную эбонитовую панель, снабженную многочисленными ручками и переключателями. После того, как Эсайон щелкнул одним из них, аппарат тихо загудел.

Эсайон принялся настраивать приемник на нужную волну. Ниточка голубого света поползла по цифрам шкалы. В комнату то и дело врывалось эхо городов, звон литавр, рулады неизвестного сопрано, писк морзянки, лихие ритмы румбы, треск атмосферных помех, перекрывавших искаженные голоса дикторов.

— Ага, поймал! — воскликнул ученый.

Он бросил взгляд на циферблат высоких напольных часов, медный маятник которых безостановочно баюкал уходящее время.

— Еще пару минут, — пробормотал он.

Из репродуктора зазвучали странные позывные — пять нот флейты, непрерывно повторявшихся в монотонном сочетании, буквально одурманивали слушателя, словно мелодия заклинателя змей.

Поднявшийся со стула Сен-Мену снова потихоньку уселся. Он непроизвольно старался занять как можно меньше места, стать как можно более незаметным. Боясь

помешать происходящему даже своим дыханием, он почти перестал дышать. Аннет облокотилась на стол и смотрела на отца с оттенком беспокойства во взгляде. Прошло несколько минут.

— Хотел бы я знать... — проворчал калека.

Он резко оборвал фразу. Из приемника послышался голос мужчины, высокий и невыразительный, произносивший непонятные слова, полные певучих гласных. Глаза Эсайона вспыхнули. Он самозабвенно вслушивался, подняв обе руки в предостерегающем жесте, заставившем окружающих затаить дыхание. Потом он негромко заговорил короткими рваными фразами.

— Они испытали его... на небольшом городке... где-то в Азии...

Сен-Мену почувствовал, как холодная рука стиснула его сердце. Он словно знал, что вот-вот произойдет нечто ужасное, нечто отвратительное. Аннет судорожно стиснула свои изящные руки, лежавшие на столе.

— Хватило одного самолета... Он кружит над городом... он сбрасывает бомбы... Бомбы взрываются в воздухе... высоко над крышами зданий... На землю падает черный дождь. Не слышно грохота, нет разрушений Ряды зданий остаются стоять неповрежденными. Они не превращаются в пыль. Всего лишь несколько бомб, взрывы которых напоминают глухие хлопки. Кажется, что идет небольшой дождь. Высоко в небе продолжает рокотать двигатель самолета. Люди на земле поднимают головы и видят, как небо над ними перечеркивают бесчисленные черные линии. Дождь продолжает идти... он идет... падает на землю, на людей, на животных. Ни крови, ни ожогов. Просто небольшой дождик, не теплый и не холодный.

Голос продолжал монотонно звучать из репродуктора, словно диктор читал молитву на неизвестном языке. Эсайон выглядел крайне возбужденным. Несомненно, при переводе он добавлял от себя то, что ему подсказывало воображение. Он заменял простыми словами абстрактные понятия мертвого языка, разбавляя сухой текст доклада тем, о чем мог догадаться только он один и чего не мог знать даже этот вещавший с места события чужеземец.

— Черный дождь, не способный даже увлажнить уличную пыль... Дождь неосязаемых чернил. Но вот человек, которому на руку упало несколько капель, хочет поднести ее к лицу и вдруг с ужасом понимает, что не может даже пошевелить рукой. Она навсегда оцепенела в одном и том же положении, прикованная к неизменному настоящему моменту. Человек не в состоянии даже пошевелить головой — у него на волосах и плечах полоски ноэлита. Он кричит от ужаса. Весь город заполнен дикими воплями. Все живые существа, на которые попала хоть одна капля ноэлита, не в состоянии шевелить исполосованными черными струйками частями тела, навсегда застывшими в одном положении. Вместо рук или голов у людей теперь всего лишь бесплотные тени, зафиксированные в пространстве, словно зацементированные в нем. Тротуары и мостовые усеяны зловещими черными пятнами. Дома наполовину превратились в призраки. На деревьях видны замершие в одном положении черные листья — ветер больше не в состоянии пошевелить их. На реке появилось множество бурунов — вода, не затронутая ноэлитом, должна прокладывать себе путь среди участков застывшей воды. Воздух пронизан миллионами нитей мрака. Каждая капля ноэлита при падении тянет до самой земли тонкую полоску темноты, которую ничто не может ни уничтожить, ни

сдвинуть с места, даже если она толщиной всего лишь в волос. Все живое, все, способное двигаться, оказалось словно прибитым гвоздями к незыблемому настоящему.

Люди и животные умирают, после того, как их сердце и мозг перестают работать, как только полоски ноэлита перекрывают какую-нибудь важную артерию или пересекают нервы, по которым мозг передает разным частям тела сигналы продолжать жизнь. Те, кто затронут не так серьезно, вначале страдают от невозможности двигаться, но вскоре начинают мучиться от жажды и голода. Улицы города заполнены толпами существ, словно попавших в клей. Люди судорожно дергаются, безуспешно пытаясь вырваться из этого кошмара. Находившиеся в домах жители, защищенные от ноэлита крышами и стенами, не могут выйти на улицу. Все пространство вокруг домов заполнено черными полосами, между которыми невозможно протиснуться. Оказавшихся в западне начинает мучить голод. Вскоре смерть простирает свои бесплотные руки над всем городом. На улицах остается множество трупов, повисших в воздухе на тех частях плоти, которые оказались в контакте с ноэлитом. Постепенно гниение заставляет их тела кусками падать на землю. Весь город усеян гниющей плотью и белыми костями. В то же время, в воздухе все еще видны части лиц, уши, клочья шевелюры, женские груди, костлявые руки, навечно воздетые к небу, навсегда застывшие в черных струях неподвижного дождя настоящего момента...

Приемник молчал уже несколько минут. Наконец, Эсайон тоже прекратил свой зловещий репортаж, снял очки и провел рукой по глазам.

— Это ужасно, — прошептал Сен-Мену.

— Да, ужасно, — согласился калека. — Это ужасно, но, в то же время, по-настоящему величественно, не правда ли?

Его глаза цвета морской волны пылали невероятным возбуждением. Помолчав, Эсайон продолжал:

— Представьте себе, что в этом городе есть человек, на которого упало количество ноэлита, достаточное для того, чтобы он целиком остался в застывшем настоящем времени. Это может быть, к примеру, один из наблюдателей системы ПВО, дежуривший на крыше одного из зданий под точкой, в которой взорвалась бомба. Этот человек, оставшийся в вымершем городе в одиночестве, ни живой, ни мертвый, продолжит свою вахту, оказавшись за пределами вечности. Конец света не затронет его, потому что никогда не сможет добраться до момента, оказавшегося вне времени. Даже сам господь Бог больше не властен над ним...

Аннет вздохнула.

— Может быть, вам нужно выпить чего-нибудь? — обратилась она к Сен-Мену ласковым тоном.

Не ожидая ответа, она тут же налила ему немного кальвадоса. Ужасный рассказ Эсайона оказал на нее гораздо менее сильное воздействие, чем на Сен-Мену, потому что она была менее чувствительна как к радостям, так и к несчастьям, как к красоте, так и к уродству. Ее тело, находящееся в самом расцвете, влекла к себе только жизнь, и ее ум немедленно поднимал настоящий бунт при появлении любых образов, связанных со смертью.

Из соседней комнаты донесся грохот бьющейся посуды.

— Ах, — воскликнула Аннет. — Это наша бедная Филомена отыгрывается на столовом фаянсе.

Она вышла из комнаты. Пьер заметил, что к нее на ногах были комнатные туфли из голубой замши, очень простые, но на довольно высоких каблуках, благодаря чему ее лодыжки казались еще более стройными.

Сен-Мену колебался, не зная, как выразить словами то, что было у него на душе.

— Я.., — промямлил он. — Я ... Гм...

Он откашлялся.

— Мне не хотелось бы осуждать вас... Не думайте, что я... Я действительно восхищаюсь вами настолько, что... Но мне кажется, что вы совершили ошибку, передав свое открытие военным. Неужели вас не беспокоит, что они использовали — и будут использовать — ваш ноэлит, чтобы устраивать страшную бойню?

Эсайон старательно разгладил бороду щеткой с черепаховой рукояткой. Ее щетинки с шелковистым шорохом скользили по волосам.

— Успокойтесь, мой маленький Пьер! — промолвил он. — Они больше никогда не получат ноэлита. Они не представляют, откуда он был прислан. А если они попытаются подвергнуть его анализу, то добьются только того, что выведут из строя свои приборы и свои лаборатории. Возможно, они потеряют и своих ученых-химиков. Недавно они предложили мне совершенно фантастическую сумму, сообщив, что будут обращаться ко мне ежедневно по радио. Но я не собираюсь слушать их. Этот трагический опыт закончен. Я понимаю, вы сердитесь на меня за то, что я поставил его. Вы думаете, что его результаты не вяжутся с моими гуманными целями. Тем не менее, именно благодаря этому опыту я решил, что секрет ноэлита никогда не станет достоянием общества. Прежде, чем действовать, нужно представлять результат. Китаец, придумавший порох для праздничных фейерверков, возможно, немедленно прекратил бы свои опыты, если бы только мог предвидеть появление пушек и пулеметов. С другой стороны, мы, ученые, не должны быть слишком сентиментальными. Что значит смерть нескольких тысяч людей, если ты трудишься для счастья всего человечества!

Эсайон небрежным жестом швырнул щетку на стол. Его глаза превратились в холодные льдинки в два глубоких замерзших колодца. Сен-Мену не мог забыть хищное возбуждение, только что светившееся в этих глазах во время рассказа о жуткой бомбардировке.

Но Эсайон уже улыбался, потирая руки. И, когда он снова заговорил, Сен-Мену опять увидел перед собой бонвивана, гурмана, талантливого исследователя.

— А теперь я покажу вам еще одно чудесное изобретение, с помощью которого вы сможете совершать путешествия в грядущие века. Будьте любезны, подтолкните мое кресло...

Они перебрались в соседнюю комнату, где, судя по всему, находилась лаборатория. Вдоль стен в ней стояли большие столы с толстыми мраморными плитами вместо столешниц. В плитах были сделаны полукруглые вырезы, позволявшие толстяку работать за столом, не покидая инвалидного кресла. Под

столами размещались небольшие металлические шкафчики с плотно закрытыми дверцами. Над одним из столов висел комбинезон из зеленого материала, похожего на драп.

Эсайон торжественно указал на него.

— Вот то, о чем я вам только что говорил! — заявил он. — Снимите-ка его с гвоздя!

Сен-Мену разложил на столе что-то вроде комбинезона или скафандра, представлявшего собой одну цельную вещь от шлема до носков. Спереди помещалась застежка-молния, на передней поверхности шлема были два застекленных отверстия на уровне глаз. По бокам к шлему были прикреплены два миниатюрных приборчика. Материал комбинезона, казалось, был пропитан зеленой бордосской жидкостью для обработки виноградников.

— Вот еще несколько необходимых принадлежностей, — промолвил Эсайон, доставая из шкафчика пару сапог, перчатки, доходившие почти до локтей, мотоциклетные очки и широкий кожаный пояс с закрепленным на нем металлическим ящичком, размером и формой напоминавшим коробки для мелочи, которые носят на поясе кондукторы парижских автобусов.

К груде разнородных предметов Эсайон добавил еще две сумки и небольшой тирольский рюкзак. Все материалы, из которых были сделаны загромоздившие стол предметы — кожа, металл и даже стекла — все было зеленого цвета.

— Все, что вы видите перед собой — торжественно заявил ученый, — покрыто слоем вещества, представляющего собой смесь нескольких модификаций ноэлита. Когда вы наденете костюм, очки, перчатки и сапоги, то приборчик, закрепленный на поясе, позволит вам путешествовать по столетиям с такой же легкостью, как если бы разъезжали по Парижу в трамвае. Включая приборчик, вы активизируете одновременно ноэлит-1 и какой-нибудь из остальных компонентов по вашему выбору. Например, вы хотите перенестись на сто лет в будущее. Ноэлит-2 доставит вас туда в одно мгновение. А ноэлит-3 сохранит ваше тело таким, каким оно является в настоящий момент. Перемещаясь в прошлое или будущее с помощью ноэлита-1 и ноэлита-2, вы можете ничего не опасаться — ноэлит-3 гарантирует вам стабильность организма и полнейшую безопасность.

Управлять аппаратом несложно. С помощью вот этих пяти маховичков вы настраиваетесь на нужное вам время в часах, днях, месяцах, годах и веках. Эта точка, обозначенная нулем, соответствует времени вашего отправления в путешествие. Поворачивая ее влево, вы отправляетесь в прошлое, вправо — в будущее. Чтобы вернуться назад, нужно нажать на эту кнопку. Вы мгновенно возвратитесь в свою эпоху, словно вас притянула назад сократившаяся пружина.

А эта кнопка треугольной формы включает осциллятор. Его следует включать только после прибытия в нужное вам время. Осциллятор заставляет вас перемещаться на доли секунды попеременно то в прошлое, то в будущее в очень быстром ритме. При каждом цикле колебаний вы почти мгновенно проскакиваете настоящее, а поэтому находитесь в нем так недолго, что никто из окружающих не успевает вас заметить. Вы всегда остаетесь для них невидимым и неосязаемым. Перед вами стена? Можете спокойно пройти сквозь нее. Она не задержит вас, потому что в каждое мгновение настоящего времени в этом месте вас или еще нет,

или уже нет. Для вас вообще не существует преград … Да, когда вы надеваете очки, не забывайте вставить их дужки в отверстия наушников. Наушники и очки связаны с осциллятором, и когда он начинает работать, стекла очков и мембрана наушников должны вибрировать с той же частотой, но в противоположной фазе. Таким образом устраняются звуковые и световые колебания, когда ваше время колеблется с невероятной частотой. Поэтому вы сможете видеть и слышать все, происходящее вокруг вас. Без согласования частот изображения и звуки носили бы хаотический характер, и вы мгновенно ослепли бы и оглохли. Если иногда будет наблюдаться небольшой сдвиг по фазе, у вас могут возникнуть небольшие нарушения зрения и слуха, но ваши чувства должны быстро приспособиться к этому незначительному неудобству. Впрочем, ничто не помешает вам остановить осциллятор, если вы решите, что находитесь в безопасности.

В сумках находится еда, оружие, инструменты, фотоаппарат и куски ткани, пропитанной ноэлитом, чтобы быстро отремонтировать в случае необходимости ваш «скафандр времени». Я так называю для себя этот комбинезон. Ну, а в мешок вы сможете складывать предметы, собранные вами во время экспедиций. Туда можно даже запихнуть небольшого зверька.

Сен-Мену подумал, что уж теперь-то его точно ничто больше не сможет удивить.

— Вы все время говорили «вы», имея в виду меня, — заметил он. — Разве вы не собираетесь путешествовать вместе со мной?

— Увы, для меня это практически невозможно, — ответил калека, заметно помрачнев.

Он указал на обрубки, которыми заканчивались его ноги.

— Я ведь не могу даже просто стоять, не говоря об остальном.

— Но это означает, что ваш комбинезон не был проверен в действии?

— Он испытан мной, — улыбаясь, сообщила Аннет, вошедшая в комнату.

Сен-Мену с удивлением взглянул на девушку. Он никогда бы не подумал, что это нежное существо может принимать участие в столь серьезных и даже опасных исследованиях. Удивление пробудило его интерес и позволило увидеть девушку такой, какой она была в действительности — одновременно хрупкой и сильной, с пышными формами и в то же время тонкой и гибкой, как стальная пружина.

— Но вы так… — начал он и тут же запнулся. Он хотел сказать, что она так прекрасна, но почувствовал, что сейчас этот комплимент прозвучит нелепо. Он покраснел и замкнулся в себе.

— Эти опыты, — продолжал ничего не заметивший Эсайон, — показали, что путешествие во времени может сопровождаться перемещениями в пространстве. Но если временем распоряжается мой прибор, то положение путешествующего в пространстве определяется его подсознательными желаниями или воспоминаниями. Не сомневаюсь, что, благодаря вашим опытам мы быстро разберемся в особенностях перемещения в пространстве и научимся управлять им. И когда вы думаете начать, мой друг?

Сен-Мену, захваченный врасплох, не знал, что и сказать. Едва его призвали к действию, как он почувствовал, как его отважная душа исследователя тут же

переродилась в боязливую душонку подопытной морской свинки. Спокойная уверенность инвалида вызывала ужас вместо того, чтобы успокаивать. В нем пробудились кошмары, вызванные переданным по радио сообщением; страх, не связанный с чем-либо конкретным, захлестывал его сознание. Подумалось, что его жизнь имела для Эсайона не больше значения, чем жизнь какого-нибудь китайского кули. Так к какой же неведомой и ужасной судьбе он должен был устремиться по требованию ученого?

Он взглянул на калеку, и прочитал в его глазах жадное ожидание, казалось, постепенно уступавшее место суровости, полной неясной угрозы.

Сен-Мену повернулся к столу и внимательно посмотрел на скафандр, разложенный на розоватом мраморе. Пытаясь скрыть свои переживания, он постарался принять непринужденный вид, что у него получилось весьма неудачно, помял ткань рукава, приподнял его, потом уронил и неожиданно для самого себя заявил слегка охрипшим голосом:

— Не сегодня, нет, действительно, лучше не сегодня. Я слишком плотно позавтракал и, что еще хуже, слишком много выпил. Я не могу полностью владеть собой. Боюсь, что будущее будет двоиться у меня в глазах.

Он засмеялся, довольный, что так удачно свел все к шутке. Потом быстро распрощался с гостеприимными хозяевами и выскочил на улицу. Он бежал по заснеженному тротуару, вдыхая полной грудью холодный воздух и испытывая при этом наслаждение тонувшего, но чудом возвращенного к жизни.

9.

Едва Сен-Мену добрался домой и бросился на постель, как его начали мучить угрызения совести. Как он мог испугаться, в то время, как Аннет, это чудесное дитя, бесстрашно принимала участие в опытах? Даже если и существовала какая-нибудь опасность, разве это удивительное приключение не стоило того, чтобы рискнуть?

Он упрекал себя за дурные мысли об Эсайоне. Ведь для ученого было так естественно, что он с нетерпением хотел узнать как можно больше о будущем, что без малейших угрызений совести проводил свои жестокие опыты… Стоявшая перед ним величественная задача оправдывала все.

В итоге Пьер отнес на счет выпитого им спиртного и недоверие, возникшее у него к ученому, и страх, испытанный им в момент, когда от разговоров нужно было переходить к действиям.

Он заснул очень поздно, но проснулся еще до рассвета, чихая и сморкаясь в ледяной атмосфере холостяцкой комнаты.

Он спустился в бар и с удивившим его самого удовольствием встретил там господина Мишле. Тот в очередной раз помог ему убить время повествованием о своих несчастьях. Восхищенный неожиданным вниманием слушателя, архитектор увлек его на противоположную сторону бульвара, к воздвигнутому по его проекту дворцу, и заставил Сен-Мену наслаждаться всеми деталями своего шедевра. Крыша

здания была покрыта разноцветной черепицей, образовавшей сложный мозаичный рисунок, изображавший вставшего на задние лапы то ли котенка, то ли льва. Восемь черных печных труб были украшены фаянсовыми скульптурами. Это были изображения разных животных — воробья размером с индюшку, чудовищных размеров бульдога, голубя, петуха, бабочки, павлина и карпа. По углам сооружения возвышались нелепые башенки, увенчанные на макушке медными шарами. Фасад был разукрашен живописными барельефами. К примеру, на уровне второго этажа разворачивалась охота с гончими. Между оленем и гнавшейся за ним сворой находилось большое сводчатое окно. Крутую крышу поддерживало множество охотничьих рожков, занимавших всю верхнюю часть стены.

— Мне кажется, что это выглядит более современно, чем лепные украшения из листьев винограда, — поделился своими мыслями с Пьером господин Мишле. Новатор отдал дань традициям только при оформлении орнамента вокруг входной двери, над которой он разместил три классических головы Медузы Горгоны. Он уже начал обстоятельный доклад о благородном облике крыльца в несколько ступеней, поднимавшихся к вышеупомянутой двери, когда башенные часы поблизости пробили девять. Сен-Мену мгновенно исчез, оставив архитектора в полном недоумении.

Через полчаса он звонил у ворот дома номер семь по улице Расина. Едва перешагнув через порог, он воскликнул, что готов приступить к опытам немедленно, не откладывая их ни на минуту.

В половине одиннадцатого он стоял посреди лаборатории, застегивая последнюю пряжку тирольского рюкзака. Аннет, не скрывавшая волнения, тщательно проверила все его снаряжение. Пьер, высокий и тонкий, затянутый в облегающий костюм ядовито-зеленого цвета, походил на древесный ствол, покрытый мхом. Сквозь стекла очков он заметил, как Эсайон знаком приказал ему; «Вперед!» И он нажал на кнопку старта.

10.

Он нажал на кнопку старта. Невероятно, но именно в этот момент он чихнул. Его палец дернулся на кнопке, и нажим оказался слишком слабым. Ему показалось, что глаза и уши отделяются от лица; за ними последовал язык, тепло которого он ощущал в воздухе в нескольких сантиметрах от лица. Нос, распухший от насморка, тоже отделился от головы, словно вырванный дантистом кариесный зуб. Он почувствовал невероятную легкость. Масса его тела не оказывала ни малейшего давления на пол комнаты. Он весил не больше, чем пушинка. Голова превратилась в мыльный пузырь.

Он казался себе таким невесомым, как будто его тело превратилось в пористую массу, наполненную газом легче воздуха. И потеря веса все еще продолжалась. Это было его последним впечатлением перед тем, как его покинул даже груз невесомых мыслей.

Во время опытов, в которых участвовала Аннет, Эсайон видел, что его дочь

исчезала мгновенно, без какого-либо перехода покидая мир, доступный нашим органам чувств. Поэтому он сразу понял, что с Пьером происходит что-то ненормальное, как только увидел, что тот превратился в почти прозрачную копию самого себя, в облачко дыма. Непонятная сила, направленная вверх, вытягивала этот призрак вертикально, другие силы закручивали его в спираль, заставляли вибрировать, отклоняли то в одну, то в другую сторону. С каждой секундой от становился все прозрачнее.

— Быстрее! — закричал ученый дочери. — Включи лампу номер восемь!

Девушка бросилась к рубильнику. Огромная цилиндрическая лампа вспыхнула под потолком. Агрессивный багровый свет залил помещение, изгнав из него робкие дневные отблески, последовал за ним наружу через окна, сжег снег, заставил затрещать деревья возле дома, поглотил окрестные сады, затопил сначала ближайшие виллы, затем весь квартал, и рванулся на штурм низких туч. Прохожие задирали головы вверх, останавливались на секунду-другую, пожимали плечами и шли дальше, пробурчав под нос что-нибудь вроде: «Очередная мерзость этой поганой войны!» Их ничто больше не удивляло.

На следующее утро газеты сообщили о северном сиянии, а аббат Моро выступил с заявлениями о многочисленных пятнах на солнце.

Все предметы в лаборатории выглядели раскаленными. В несколько секунд призрак Сен-Мену укоротился, сжался, уплотнился, перестал колебаться. Молодой преподаватель, похожий на большой осколок бутылочного стекла, снова весомый, материальный, стоял перед инвалидом и его дочерью. Он закончил чихание. Эсайон протянул руку и быстро нажал на кнопку возврата.

— Выключи лампу! — крикнул он дочери.

Багровый свет покинул облака, крыши и улицы, втянулся назад в комнату через окна, всосался в баллон лампы и погас.

— Вот тебе и на! Похоже, я никуда не переместился! — глухо воскликнул Сен-Мену через ткань шлема.

— В том числе и во времени, мой дорогой дружище, — ответил Эсайон.

— А я думал, что уже прибыл на место назначения!

— Нет, вы никуда не исчезали из лаборатории.

Юноша стянул шлем и громко выразил разочарование.

Изучение аппарата и сопоставление впечатлений Сен-Мену с тем, что рассказывала раньше Аннет, позволило ученому выяснить, что же произошло при неудачном старте.

— Это потрясающе! — воскликнул он. — Вы не до конца нажали на кнопку, в результате чего получился слишком слабый импульс. Поэтому, покинув свое время, вы не смогли попасть в другое! Вы просто застряли между прошлым и будущим! Короче говоря, если использовать грамматическую терминологию, вы оказались в условном наклонении!

Эсайон хлопнул ладонью по подлокотнику кресла, заливаясь смехом, словно ребенок. Его борода волновалась, подобно золотому приливу. Сен-Мену только

теперь внезапно осознал, какой опасности подвергался. Он подумал, что в этом не было ничего забавного. Впрочем, подлинного ужаса он не испытывал, его испуг носил чисто умозрительный характер. Тело все еще вспоминало это восхитительное ощущение, эфирный взрыв всех чувств. Он не хотел и не мог противиться желанию испробовать все сначала. Натянув шлем, он пристроил на место очки, прощально помахал рукой хозяевам и нажал на кнопку старта, на этот раз основательно.

11.

Он едва не упал, когда нога встретилась с каким-то препятствием; он ничего не различал вокруг себя. Аппарат был настроен на прыжок в будущее всего на двенадцать часов, потому что Эсайон посоветовал ему не отправляться в первый раз слишком далеко и наметить момент прибытия на ночное время, что позволяло остаться незамеченным.

Окружающая темнота подтверждала, что он прибыл на место. Поразительной была легкость, с которой совершился прыжок из настоящего в будущее, без какого-нибудь перехода. Если настройка была точной, сейчас должно было быть около одиннадцати вечера. Но где он очутился?

Пьер снял очки, чтобы лучше видеть. В ноздри хлынул неопределенно знакомый запах. Пахло каким-то моющим средством... немного туалетным мылом... с оттенком сладковатого запаха вареной цветной капусты. Внезапно ему все стало ясно. Протянув в темноту руку, он почувствовал под ладонью деревянные перила. Он находился на лестнице своей гостиницы.

Пьер громко рассмеялся. Ему пришлось совершить усилие, чтобы не закричать «Пожар!» и не разбудить таким образом все население дома. К счастью, сделать эту глупость ему помешали рефлексы воспитанного человека. И все же, он был слишком рад успеху опыта, чтобы позволить этой радости пройти без внешних проявлений. Он был счастлив, как ребенок, впервые забавляющийся давно обещанной игрушкой. Впрочем, во многих отношениях он действительно все еще оставался наивным и простодушным ребенком. Усиленных занятий математикой явно было недостаточно, чтобы дать возможность созреть характеру и сердцу мужчины. Он решил зайти в комнату господина Мишле и разбудить его. Ему неудержимо хотелось проникнуть сквозь дверь и пощекотать тому пятку или подергать за бороду. Как замечательно, что в его распоряжении оказалось такое удивительное изобретение!

В этот момент внезапно вспыхнула лампочка, автоматически включающаяся на лестничной клетке. Кто-то вошел в подъезд. Пьер опустил руку на пояс и коснулся пальцем кнопки осциллятора, но вовремя вспомнил, что только что снял очки. Пока он прилаживал их на место трясущимися от спешки руками, дверь из прихожей отворилась, и Сен-Мену увидел, что к нему направляется, перепрыгивая через ступеньки... Сен-Мену!

От неожиданности у него перехватило дыхание. Второй он, тот, который поднимался к нему, был одет точно так, как обычно одевался он сам. Приближавшийся Сен-Мену улыбался, довольный произведенным эффектом. Для

него встреча не была неожиданной, потому что он уже был в курсе дела. Ведь он был старше первого Сен-Мену на двенадцать часов. Через несколько секунд оба Сен-Мену встретились лицом к лицу. На узкой лестничной площадке между двумя этажами. Небольшая лампочка без абажура освещала их лица тусклым желтым светом. Сен-Мену в скафандре не мог придти в себя от волнения. Его сердце сильными ударами билось изнутри о ребра. Жадными глазами он буквально впился в своего двойника и машинально снял сначала очки, а затем и перчатки.

Сен-Мену в пальто смотрел на него с восхищенной улыбкой, явно испытывая удовольствие потому, что заранее знал, что сделает в каждый предстоящий момент его копия. Он сам тоже подвергся внимательному осмотру и, чтобы показать себя со всех сторон, даже повернулся на месте на каблуках. Наконец, Сен-Мену в скафандре пришел в себя.

— Значит... Значит, это ты, — пробормотал он.

— Ты должен был сказать: «Значит, это я», — улыбнулся в ответ другой Сен-Мену.

Он дружески ткнул его кулаком в живот. Сен-Мену в скафандре засмеялся и ответил ему тем же. Они принялись хохотать, сначала потихоньку, затем уже не сдерживаясь, сгибаясь и хватаясь за бока. Они изо всех сил хлопали друг друга по плечам, по спине. Их смех наполнил ночной дом. Освещение лестничной клетки автоматически отключилось после нескольких положенных минут, и тогда они, держа друг друга под руку, стали подниматься к себе в темноте по столь хорошо знакомой обоим лестнице. Они все еще продолжали икать от смеха. Перегородки вокруг них гудели от протестующего стука разбуженных жильцов.

12.

Когда они уселись рядышком на кровати, одинаково сложив руки на высоко поднятых острых коленках, Сен-Мену почувствовал удивительно полное удовлетворение, настоящее счастье, отдававшееся приятным теплом в области сердца. Ко всему прочему добавлялось ощущение полной, дотоле незнакомой безопасности. Возможно, нечто подобное он испытывал в детстве, когда, запыхавшийся после возни с друзьями, находил покой на руках матери. Никогда с тех пор он не встречал человеческое существо, достойное такого абсолютного доверия. Сейчас же он нашел идеального товарища, подлинно родную душу, которую мужчины напрасно ищут всю свою жизнь. Между ними невозможна неискренность, ложная стыдливость. И их естественный эгоизм — это то, что они воспримут без малейших возражений или недоразумений. Сен-Мену обнял себя. При этом он испытал ни с чем не сравнимое волнение, почувствовав сразу в четырех руках сразу два своих живых и теплых тела. В комнате было холодно. Они быстро разделись и скользнули в узкую постель, быстро согревшуюся от двойного тепла. Они не хотели говорить, к чему слова, если каждый и так знал о себе все? Любой человек всю жизнь пытается найти самого себя, ищет в женщинах или мужчинах. Они нашли себя.

Интенсивность их обоюдного счастья не позволила им быстро заснуть. Они

мечтали о том, чтобы отныне никогда не расставаться. Но продолжительность их встречи не могла превышать двенадцати часов, того промежутка времени, который разделил Сен-Мену на два отдельных существа. После истечения срока один из них должен был исчезнуть.

Около девяти утра они встали. Взявшись за одежду, они испытали короткий момент ужаса, когда не сразу смогли решить, кто из двоих должен надеть скафандр. Сен-Мену путал себя с самим собой. В конце концов он улыбнулся. Положив руку на живот, он протянул другую к двойнику.

— Это ты, — сказал он. — Я вспомнил. Ведь я вчера ужинал у Эсайона. На стол подавали рагу из дичи. Мой желудок не слишком хорошо воспринял такое редкое в наши дни блюдо.

13.

Эсайон промокнул губы салфеткой и спросил:

— А вы поняли, почему очутились в своей гостинице на лестнице?

— Честно говоря, нет, — ответил Сен-Мену, в этот момент энергично расправлявшийся с холодным кроликом. — Я даже не задумывался об этом.

— Я полагаю, что перед стартом вы ни на чем не фиксировали специально свои мысли. Все решило ваше тело, ваше подсознание. Оно привыкло, что несколько раз в день вы поднимаетесь или спускаетесь по этим ступенькам, проделывая все совершенно автоматически, потому что ваш мозг при этом не уделяет ни малейшего внимания движению ног. Поскольку в момент старта ваши мысли блуждали где-то далеко, тело вспомнило о привычных для этого времени движениях и увлекло вас на лестницу.

— Это весьма вероятно, — ответил юноша. — Завтра я постараюсь выбрать место посимпатичнее.

Он был рассеян и явно стремился быстрее покинуть хозяев. Закончив ужин, он поцеловал руку Аннет, пожал пухлую ладонь ученого и откланялся. Поездка в метро показалась ему бесконечной. Выскочив на своей остановке, он бросился к гостинице, вихрем промчался по коридору, нажал на кнопку автоматического освещения, толкнул застекленную дверь и поднял взгляд.

На лестнице, десятью ступеньками выше, стоял одетый во все зеленое Сен-Мену, испуганно смотревший на него.

Пьер во второй раз пережил эту ночь встречи с самим собой. Потом, как и в первый раз, его двойник отправился в прошлое, а он поехал к Эсайону. Расставание с собой сопровождалось ощущением жестокого болезненного разрыва. Но он понимал, что стоило только захотеть, и он мог снова найти себя. Конечно, хотя он и нес в себе предмет своих переживаний, он разъединился с самим собой сегодня только для того, чтобы снова слиться в последующем. Он подумал о комбинезоне, который мог обеспечить ему встречу с собой не только вдвоем, но и втроем или даже

вчетвером. Он представил себя группой, толпой, множеством. Он один мог заселить всю Землю! И какой был бы уровень взаимопонимания между ее обитателями! Наверное, именно так все должно происходить в раю. Все избранные, оказавшиеся в царстве божьем, не могут не быть единым существом.

— Не могли бы вы подвинуться, оглобля несчастная? — Уличная торговка овощами в черной плиссированной юбке напирала на него животом и грудью. Господин, державший под мышкой портфель, воткнул ему локоть под ребра. Капюшон дамы в зеленовато-сером плаще щекотал ему шею. Он чувствовал, как стоявший позади него мальчишка энергично толкает его значительно ниже пояса. Вагон метро был забит пассажирами, как бочка селедкой. На ближайшей остановке добавилось еще десятка три человек. Дежурные на перроне буквально вбили последних несчастных мощными пинками в спину и задницу.

Посоветовавшись с Эсайоном, Сен-Мену решил на этот раз совершить прыжок в более отдаленное будущее. Он настроил регулятор для путешествия на месяц вперед, добавив еще половину суток, чтобы прибыть на место ночью. Часы пробили полдень, когда он был полностью готов.

— Не забывайте, — напомнил ему Эсайон, — о чем я говорил вам накануне вечером. Если вы не хотите попасть куда попало, постарайтесь зафиксировать свои мысли на чем-нибудь конкретном.

— Это совсем нетрудно, — рассеянно ответил Сен-Мену. Он коснулся пальцем кнопки старта и спросил себя, куда бы он хотел попасть. Ничто особенно не интересовало его. Первый образ, оформившийся у него в мозгу, был видом на площадь Конкорд. Но едва он решил нажать кнопку, как осознал, что его мысли уже витают далеко от площади. Он представил себе камни мостовой. Их рисунок напомнил ему графическое решение одной математической задачи, затем бумагу, на которой был вычерчен график, затем торговца, продавшего ему эту бумагу, кинотеатр, находившийся рядом с лавкой канцелярских принадлежностей, лицо Тино Росси на афише. В итоге он поймал себя на том, что мурлычет какой-то мотивчик из фильма и очень удивился.

Мысленным усилием он заставил себя вернуться на площадь Конкорд. Но сразу же проезжавшие по площади фиакры напомнили ему лошадей, лошади — конский навоз, навоз — навозную кучу, та — пашню…

Эта непрерывная последовательность взаимосвязанных образов проносилась в мозгу с пугающей скоростью.

Пьер в третий раз мысленно вернулся на площадь, посреди которой, как известно, возвышается обелиск. Тот напомнил ему пирамиды, пирамиды — Наполеона, Наполеон — Жозефину, Жозефина — гамак, гамак — моряка, моряк — море, море — устриц, устрицы — лимон…

Рассердившись, он нажал на кнопку, потеряв всякое представление о том, о чем думает в данный момент.

14.

Перед его глазами находился потолок, казавшийся зеленым из-за зеленых стекол очков. С потолка свисала люстра. Он лежал на спине. Несмотря на шлем, до ноздрей доносился запах женщины, спящей в теплой постели. Повернув голову, он увидел, что легкое одеяло едва прикрывает ее; невесомая левая рука покоилась на его груди. Он приподнялся рывком. Рядом с ним мирно спала Аннет.

Она спала на боку, со спокойным умиротворенным лицом. Дыхание, медленное и едва ощутимое, слабо колебало прядку волос. Другие каштановые прядки вырисовывали нежные арабески на белоснежной поверхности наволочки. Ее тело соприкасалось с телом Пьера. Он ощутил нежную округлость девичьей груди на своей руке, теплую тяжесть бедра на своем бедре. Аннет спала, доверчивая и беззащитная. Запертая дверь оберегала ее сон, слабый свет ночника отгонял прочь ночные кошмары. Лежавший рядом Пьер своей нескладной фигурой, затянутой в грубую одежду, напоминал уродливую занозу, оказавшуюся в нежной плоти мирного сна девственницы.

Он чувствовал, как сквозь все оболочки костюма проникает тепло и нежная тяжесть разметавшегося рядом тела, делает его более мягким, добавляет ему тепла и нежности. Сердце сильно билось в груди от волнения. Он наконец понял, что любит Аннет. По-видимому, раньше он был слишком увлечен открытием Эсайона, чтобы заметить это. В обычной жизни чувства, отдаленно напоминавшие любовь, он испытывал только к бесконечным комбинациям чисел, к абстрактным геометрическим фигурам, возбуждавшим его ум. После встречи с Эсайоном он был поглощен одной безграничной страстью, которая способна заглушить все прочие эмоции у людей, обладающих научной любознательностью. Его любовь к Аннет зародилась у него в сердце без его ведома, и теперь именно она увлекла его через пространство и время туда, где могло реализоваться неизвестное ему самому влечение. Пьер решил, что его сердце, его тело, да и он сам вели себя недостойно, просто по-солдафонски. Но счастье, испытываемое им сейчас, быстро помогло ему избавиться от угрызений совести.

Это чувство ничем не походило на стерильную эгоистичную радость, испытанную им прошлой ночью. Это было ни с чем не сравнимое ощущение физического наслаждения жизнью, словно внезапно в его жилах заструился огонь, а в груди запылало солнце...

Солнце... Да, он чувствовал себя сияющим, ослепительно блистающим, словно утреннее солнце над бескрайним полем пшеницы. И его охватило сумасшедшее желание обнять Аннет, такую нежную, цветущую и желанную, похожую на спелый персик, безмятежно забывшуюся в сновидениях рядом с ним. Но он тут же сообразил, что если только пошевельнется, только попытается коснуться Аннет, она может проснуться и закричать от ужаса.

Могущество его любви заставляло непроизвольно напрягаться все его мышцы, ускоряло бег крови в жилах, отдавалось ритмичным шумом в висках. Его уши горели — можно было догадаться, что они приобрели багровый оттенок. Его пылающее от страсти тело покрылось потом под герметичным комбинезоном. Он не осмеливался даже моргнуть, хотя глаза ему заливал едкий пот. Он потерял голову — одновременно от счастья и от стыда. Судорога, словно клещами, стиснула мышцы его бедра. Аромат спящей юной девушки пронизывал все его существо. По

интенсивности эти пытки равнялись его блаженству. Только теперь его неожиданно посетила разумная мысль о том, что не очень-то прилично забираться в постель к любимой в сапогах...

Аннет видит сон. Она стоит на берегу моря. Поблизости от нее среди морских волн к небу вздымается башня из белого мрамора. Вокруг нее вьется тонкое кружево винтовой лестницы, виток за витком уходящей вверх и теряющейся в облаках. «Ты только не забудь про три унции окиси ртути», говорит ей отец. Золотистые волны бороды ученого ласково обвиваются вокруг основания башни.. По винтовой лестнице поднимается вереница детей, наряженных в костюмы средневековых вельмож. Три унции там, на самой вершине башни. С неба на парашюте спускается Пьер, держащий в руках автомат. «Ах, Пьер, Пьер», вздыхает девушка. Она наполовину проснулась и открыла глаза. Пьер растворяется, словно дымок под ее рукой. Она сладко потягивается, разбросав руки и ноги в стороны. Все ее тело охвачено блаженством отдыха. Ей так хорошо... Она спит...

15.

Уловив вздох просыпающейся Аннет, Сен-Мену мгновенно нажал на кнопку осциллятора, который ему не довелось использовать во время первого путешествия. Мир вокруг него мгновенно изменился. Круглый абажур ночника превратился в овальный, кровать стала чуть ли не в два раза длиннее, а лицо Аннет исказилось, словно отраженное в кривом зеркале луна-парка. Пьер напряг мышцы, чтобы вскочить с постели, но ему не удалось встать на ноги. Непослушное тело прошло сквозь постель, а голова оказалась под подушкой. Затем непонятная сила отнесла его в сторону, где он и застыл в неподвижности. Казалось, что он уселся на полу посреди комнаты; в том месте, где должны были находиться его ноги, не было ничего, кроме пустоты. Испуганно схватив себя руками за ноги, он почувствовал материальное, живое тело. Но когда он поднес руку к глазам, ничто не заслонило от его взгляда слегка выдвинутый ящик комода. Ему пришлось признать очевидное: он не мог увидеть себя. Наверное, Эсайон забыл предупредить его об этом. Но он мог бы и сам догадаться — очки показывали ему время, в котором его не было. Естественно, что они не могли дать ему возможность видеть самого себя.

Когда Пьер решил встать, чтобы покинуть комнату Аннет, то сначала наполовину погрузился в пол, а после очередного неловкого движения медленно всплыл к потолку, в котором исчезла его голова. Он ничего не весил в этом странном мире. Мышечные усилия бросали его вправо или влево, вверх или вниз. У него не было никакой точки опоры. Ему пришлось долго и безуспешно барахтаться на месте, прежде, чем удалось немного переместиться в нужном направлении. Когда он поднимал ногу, чтобы сделать шаг вперед, инерция движения ноги увлекла его вверх и заставляла вращаться, изображая крылья ветряной мельницы под порывами легкого бриза. Если же он сжимался в комок или растопыривал конечности, его швыряло в сторону, и он лягушкой пролетал сквозь стену.

Мало-помалу освоившись с необычным способом передвижения, Пьер начал привыкать к странному состоянию, когда обладал материальным телом, которое мог

ощупать руками и почувствовать его тепло, но не имел возможности увидеть. Оно не существовало для его глаз. Чтобы передвигаться в желаемом направлении, он быстро выработал простой прием: достаточно было выбросить в нужную сторону руку или ногу, и инерция неудержимо увлекала его туда, куда он хотел. Слишком резкое движение руки могло унести его через весь дом.

После первого же сильного взмаха рукой он с облегчением увидел вокруг себя ночную темноту. Он не видел себя, но не видел и ничего остального. Он ничем не отличался от любого парижанина, выбравшегося без карманного фонарика на улицу, полностью затемненную в условиях военного времени. Было, правда, одно существенное отличие: ему не грозило падение в темноте, со всеми вытекающими последствиями. Ночь не могла устроить ему неприятную неожиданность, не могла воздвигнуть на его пути никакого препятствия. Окружающий его материальный мир утратил для него свою вещественность.

Когда он смотрел на источник света, у него создавалось впечатление, что он блуждает среди образов кинофильма, проектируемого каким-то странным аппаратом; — так сильно искажал осциллятор все окружающее.

Наконец, он освоился настолько, что смог спокойно оглядеться. Его окружали дома со стенами, словно сделанными из стекла, за которыми на призрачных постелях десятки супружеских пар спали или занимались любовью. Слегка переместившись, он проник сквозь потолок в небольшой ночной ресторанчик в полуподвальном помещении. Увешанные зеркалами стены безуспешно пытались увеличить объем зала. Сен-Мену опустился точно посередине одного из столиков и остановился. Его левое бедро пересеклось с ведерком, из которого торчала бутылка с шампанским, а правая рука проникла в багровую физиономию одного из выпивох. Лицо пьяной рыжей девицы, помиравшей со смеху, находилось где-то в области его печени. Невидимый и неосязаемый, он возвышался среди видимой, но несколько расплывчатой вселенной.

Ему показалось, что в одном из зеркал поблизости шевельнулся какой-то странный предмет. Задержав взгляд на зеркале, Сен-Мену с содроганием понял, что видит перед собой пару глаз, висевших в пространстве в двух шагах от него, пару глаз без лица, огромных глаз, каждое размером в желток яичницы-глазуньи. Оцепенело уставившись на жуткое зрелище, он разглядел, что над глазами видны брови и верхняя часть щек.

Он медленно приблизился к зеркалу. Глаза так же медленно передвинулись к нему. Они плавали в пространстве, словно две рыбы-луны в аквариуме. По спине Сен-Мену пробежала дрожь. Тысяча возможных опасностей тут же промелькнула у него в голове, потрясла его убежденность в полной своей безнаказанности. Эти глаза могли быть только жутким остатком какого-то тела. Или это было проявление грешной души, какой-нибудь ларвы или демона, которого волшебный аппарат позволял увидеть простому смертному? Сколько веков они блуждали в пространстве в поисках неведомого рай или, может быть, чистилища, на какую жуткую кару они были осуждены?

Сен-Мену почувствовал, как его сковал ледяной ужас. Он случайно столкнулся с обной из страшных тайн пространства, не принадлежащего к его миру. Глаза, застывшие перед ним, продолжали пристально смотреть на него. Он едва не закричал. В то время, как находившиеся вокруг него люди не могли видеть его

благодаря осциллятору, эти призрачные глаза явно видели его; они смотрели ему прямо в глаза с выражением невероятного изумления и отвращения.

Неужели он был настолько жалок, настолько уродлив? Ему казалось, как взгляд призрака проникает в него до самых глубин его несчастной души. В нем поднялась новая волна ужаса, того самого, схватившего его за глотку давным-давно, когда он еще ребенком должен был впервые исповедоваться. Слезы выступили у него на глазах. Невероятно, но такие же слезы заблестели и на глазах, парящих в пространстве перед ним. Тут же сообразив, в чем дело, Пьер почувствовал невероятное облегчение и разразился смехом. Он подмигнул левым глазом. В это же мгновение напротив него мигнул правый глаз. Он фыркнул, обозвав себя идиотом. Это были его собственные глаза, отражение которых возвращало ему зеркало. Его глаза, единственная часть его тела, которую он мог видеть, потому что их образ пересекал стекла очков в двух направлениях.

Пьер глубоко вздохнул. К нему вернулось душевное равновесие. В мире не существует никаких мистических тайн. Мог ли он встретить что-то из потустороннего мира? Нет, не существует ничего, кроме того, что может быть описано наукой. И в этом его счастье, каким бы малым ни выглядело это для других. Круглые глаза в зеркале улыбнулись. Из-за своих переживаний он едва не забыл, где находится. Он снова огляделся. Помятые физиономии гуляк многократно отражались, в зеркалах колеблясь, словно воздушные шарики на ветру. Свет в помещении погас. Мертвенно-бледное полуобнаженное тело певички извивалось в луче прожектора. Плаксивым голосом она выплескивала на пьяниц слова, смешивавшиеся с окружающим шумом. Казалось, что ее огромный пупок был величиной с рот. В кишащем тенями полумраке пьяные мужчины и женщины ухмылялись, что то выкрикивали друг другу и непрерывно жевали.

Сен-Мену медленно сдвинулся с места, пересек, ничем не помешав ему, луч света, пронизал зеркало, буфет с посудой, мойку с грязной водой, сводчатый потолок, темный подвал, метры и метры земли и бетона. Затем очутился на платформе уже закрытой станции подземки. Поколебавшись, выбрал туннель довольно зловещего вида, освещенный только редкими голыми лампочками. Навстречу ему промчался поезд. Пять сотен пассажиров, спрессованных в вагонах, вихрем пересекли пустынный мир станции. Крыса величиной с небольшую кошку, мелькнула и исчезла, буквально просочившись через какую-то незаметную дыру.

Резко разогнувшись, словно пружина, Сен-Мену стремительно покинул туннель подземки и взлетел над крышей многоквартирного дома. По пути он успел заметить пожилую женщину, только что пересчитавшую свои серебряные ложки и теперь укладывавшуюся спать в кладовке, между двумя окороками. Ее муж на цыпочках выскользнул из квартиры, направляясь на свидание с субреткой в бигуди, с которой он собирался расплатиться ломтем холодной телятины. Путешественник продолжил свою прогулку. Он свободно парил в пространстве, иногда вверх ногами, иногда животом к земле, то сжавшись в комок, то раскинув руки, словно парящая птица крылья. Он влетал головой вперед в комнаты, запертые на три оборота ключа и заставал в них людей в те моменты, когда они, оставшись наедине с собой, расставались с налетом общепринятых правил поведения и являли себя такими, какими были на самом деле. Одинокие мужчины или женщины, супружеские пары, давно переставшие что-либо скрывать друг от друга, раздевались перед невидимым свидетелем. Может быть, осциллятор показывал их более уродливыми, чем на

самом деле, постаревшими, исковерканными жизнью, с бесцветными лицами и распухшими телами, но Сен-Мену постепенно забывал про очки и переставал отличать то, что видел, от действительности. Он наблюдал, как серое белье спадает с серых тел, как обнажаются тонкие искривленные ляжки и раздувшиеся животы с торчащим пупком. Черные пятна усеивали ступни ног, словно лишайники. У некоторых женщин чудовищные груди болтались в воздухе, напоминая плавающих в Сене дохлых животных, тогда как у других совершенно плоские груди свисали чуть ли не до пояса. Пальцы ног с изуродованными ногтями скрючивались на постели, костлявые руки судорожно сгибались и разгибались, угрожая проткнуть локтями стены. Зеленоватые волосы расстилали по подушкам свои липкие псевдоподии, кривые щупальца рук скреблись в волосатых зарослях, бесстрастно касались увядших половых органов. Прежде, чем лечь в постель, бакалейщик в заднем помещении своей лавчонки разбавлял водой вино, откладывал от каждой порции кофе по два зернышка величиной немного больше точки в газете и по три кусочка сахара от каждого килограмма.

Пьер добрался до противоположного конца города. Он молниеносно пронизывал одну стену за другой, пересекал безлюдные улицы, позволял инерции увлекать его через освещенные или темные комнаты. В апартаментах с коврами и парчовыми портьерами он видел, как привидения в шелковом белье избавлялись от своей красоты перед роскошными зеркалами и ложились спать, укладывая в постель свои животы в жирных складках и не смывая дневную грязь с лица. В огромных, похожих на казармы кирпичных зданиях, набитых бедняками, изнуренные матери семейств пересчитывали картофелины и нарезали к завтраку хлеб ломтиками толщиной в лист писчей бумаги.

Как у буржуа, так и у самых жалких бедняков он наблюдал одну и ту же безмерную усталость. Все мужчины, все женщины одинаково усталым движением руки выключали последнюю лампу и замирали в ночной тишине.

Покорность необходимости тяжелым трудом добывать хлеб свой насущный, смирение перед богатством или бедностью, перед женами, мужьями, начальниками, удовольствиями или несчастьями, нехватка времени, неопределенность надежд придавливали неумолимым грузом миллионы распростертых в ночи тел, храпящих, скрежещущих зубами, стонущих, корчащихся, раскидывающихся, застывающих в нелепых позах, но не способных даже на секунду обрести покой.

Пьер забыл уютную комнату Аннет. Он целиком отдался познанию человечества. Со всей страстью, на которую только был способен, он увлекся своими странствиями, склоняясь над людьми, своими братьями и сестрами. Иногда ему встречалось то в грязи трущоб, то в холодно-роскошном жилище богача спокойное лицо ребенка. Он замирал перед этим чудом, размышляя о том, как получается, что эта прекрасная надежда через какие-то годы заканчивается, как правило, весьма плачевным образом.

Осциллятор крайне редко лишал детей их естественной красоты. Кое у кого обнаруживались пороки их отцов, но другие — и их было большинство — казались существами нового мира. Может быть, великий секрет счастья и заключался в умении всю жизнь оставаться ребенком? Сен-Мену внезапно осознал огромность задачи, которую они с Эсайоном поставили перед собой. И он усомнился, что в их силах хоть что-нибудь сделать для людей.

Сен-Мену пересек большую палату госпиталя. Он не почувствовал при этом никаких запахов. С того момента, как нажал на треугольную кнопку, он оказался отрезанным от запахов окружающего мира. Обычно он не обращал внимания на обонятельные ощущения, но сейчас именно отсутствие запахов настойчиво напоминало об их существовании. Так недосоленное блюдо напоминает нам о соли в тех кушаньях, где ее вкус не улавливается.

Конура в какой-то трущобе, где одновременно вповалку спали шесть человек. Улица, подметаемая проносящимся по ней ночным ветром. Пустынный в этот час общественный туалет, где свою песню непрерывно напевала журчащая вода. Комбинация, небрежно брошенная на пол измазанной косметикой кокоткой. Все эти помещения не имели для него запаха. Точно так же, без запаха был и зал, заполненный страданием, который он пересекал летучими шагами. Осциллятор спаял кровати больных в что-то вроде общих нар. Печальный свет ночников освещал выставку ампутированных конечностей и вулканических нарывов. Змеящиеся полосы бинтов безжалостно душили последние остатки жизни. Груды окровавленной ваты придавливали последние вздохи обреченных. Через кляпы во рту едва пробивались волны криков и стонов, хрипы умирающих на рассвете. Эти раненые, заживо гниющие, отчаянно сражающиеся с болезнями и лекарствами, хрипло вопящие в надежде отпугнуть смерть — все они должны были вонять падалью и эфиром, но оставались бесцветно-пресными, подобно вчерашнему кошмару.

В застекленной кабине дежурная сестра, осевшая на стуле бесформенной белой грудой, спала с канюлей в руке, и под ее усиками змеилась улыбка.

Сен-Мену внезапно почувствовал смертельную усталость и решил, что на первый раз он увидел достаточно. Вернувшись на улицу, он выключил осциллятор посреди мостовой и довольно жестко приземлился на зад. На него тут же накинулась холодная ночь. Из отверстия канализации рядом с ним поднимался теплый пар. Он с наслаждением втянул носом струившееся оттуда зловоние. Ледок на лужах приятно хрустел у него под ногами. Ветер куда-то унес тучи, и скупо освещенные звездами здания вновь обрели для него свою непрозрачную массивность. Сен-Мену коснулся рукой столба ночного фонаря, увенчанного высоко над его головой склеротической лампочкой. Сквозь перчатку он почувствовал ледяную твердость чугуна. Скудный свет вырвал из темноты его сапоги, зеленые бедра, живот и грудь с блестящей полоской застежки-молнии. Он улыбнулся своему вновь обретенному телу и поднял к небу руки с растопыренными пальцами, потом опустил их и принялся изображать с их помощью какие-то замысловатые фигуры перед своим носом и своими глазами. Скрип его шагов разносился над замерзшей землей. В нескольких метрах он него из темноты возникла пара полицейских. Пьер расхохотался. Полицейские резко остановились, возмущенные до глубины души. Смеяться во время комендантского часа! Они дружно засвистели и бросились на нарушителя, но в руках у них не оказалось ничего, кроме ветра.

16.

Сен-Мену разумно воздержался от того, чтобы включить в свой рассказ эпизод

о вторжении в постель Аннет. Кратко рассказал о путешествии по городу, посетовал на искажения, вносимые в изображения и звуки очками и наушниками. Он страдал от сильной мигрени, у него опухли глаза, в ушах стоял непрерывный шум. Приняв таблетки, он рухнул в постель и проспал десять часов без перерыва. Проснувшись, почувствовал себя прекрасно и смог сделать выводы из вчерашнего опыта.

— Мы поставили перед собой неразрешимую задачу, — сказал он ученому. — Никто не в состоянии вырвать человечество из бездны страданий.

— Давайте, договоримся о главном, — нетерпеливо прервал его Эсайон. — Я не претендую на то, чтобы переделать природу человека и избавить его от создаваемых им же мучений. Но, может быть, нам удастся спасти человечество он некоторых всеобщих бед и несчастий. Мы сделаем то, что сможем. Мы не боги.

Сен-Мену легко позволил убедить себя. Обед заканчивался. Эсайон опорожнил, зажмурившись от удовольствия, большую стопку отличного коньяка. Пьер тоже отхлебнул глоток, поперхнулся и закашлялся. Его физиономия приобрела фиолетовый оттенок.

— Познание! Вот наша первейшая цель! — воскликнул настроившийся на лирический лад Эсайон. — Скоро у вас будут новые очки и наушники, более совершенные и полностью безвредные. Но попробуйте вот этот сливовый ликер — это просто чудо! Надеюсь, он лучше подойдет для вашего нежного горла… Так вот, мы должны продолжать опыты. Вам нужно как следует освоиться с аппаратом, и тогда вы сможете погрузиться в невероятно отдаленное будущее. Мне хочется поскорее узнать о судьбе праправнуков наших праправнуков.

Сен-Мену слушал, глядя с серьезным видом на сидевшего напротив него ученого. Никогда раньше Эсайон не казался ему столь безобразно толстым. Его живот начинался чуть ли не от плеч, и пышная борода лежала на нем почти горизонтально. Падавший из окна свет подсвечивал его сзади, золотил легкий и почти прозрачный пушок на макушке, делал розовыми его уши, круглые и слегка оттопыренные. Их четко очерченные пухлые овалы выглядывали из-под бороды, словно раковины из-под водорослей.

Аннет сидела справа от Пьера. Он едва осмеливался изредка останавливать на ней свой взгляд Ему живо помнилось недавно испытанное чувство стыда, гораздо более яркое, чем одновременно пережитое счастье. Он хотел забыть все, чтобы в дальнейшем не становиться снова виновником очередных неприятностей. Как может эта девушка, такая юная и свежая, такая прекрасная, полюбить его? Он представлял, что у него слишком мало плоти для такого количества костей, что его небольшие светлые глаза с белесыми ресницами, его льняные волосы, упорно падавшие косыми прядями на лоб, не представляли из себя ничего привлекательного для женщин, что его румянец заставлял думать скорее о лихорадке, чем о здоровье, что он был заметно сутулым и по-смешному тощим и высоким. Он с удовольствием укоротил бы себя на пару десятков сантиметров. Аннет едва доставала макушкой ему до середины груди.

Прихрамывая — сапоги сильно натерли ему ноги, — Пьер отправился в лабораторию следом за коляской с пыхтящим Эсайоном, которую катила Аннет. Пока юноша надевал скафандр, она смотрела на него, не стесняясь откровенности своего взгляда. Если бы Пьер более самоуверенным и не таким наивным, подобные взгляды

могли пробудить в нем слишком далеко идущие надежды.

Аннет никогда не читала романов. Вполне вероятно, что она ни разу не видела написанным слово «любовь». Воспитанная отцом, она далеко зашла в усвоении знаний в том возрасте, когда для детей существуют только игры. Она занималась наукой с тем же удовольствием, с которым большинство детей играет. Лаборатория заменила ей сказки про фей. Реальность мира не представлялась ей достаточно надежной. Слишком многое она видела волшебно изменяющимся в искусных руках отца; она знала, что время может растягиваться или сжиматься, любой предмет окружающей обстановки может исчезнуть, снова появиться, оказаться изменившимся. Невероятное для большинства людей для нее было обычным. Удивительные повседневные занятия позволили ее уму сохранить детскую свежесть, в то время, как ее сердце и тело расцвели. Ученый мало занимался преподаванием дочери правил поведения в обществе. Достигнув своей весны, она даже не пыталась противиться порывам, пробуждаемым в ней природой.

Все в ее жизни изменила та ночь в Трамплин-ле-О, когда в удивительный мир, существовавший только для нее и для отца, вошел третий персонаж, неловкий, грязный, в дурацком маскарадном наряде солдата, Ее верный инстинкт женщины сразу позволил ей увидеть, вернее, почувствовать, что это нелепое существо полно нежности и ласки. На протяжении двух последующих лет, сильно растянувшихся благодаря ноэлиту, пока она была оторвана от него, она не переставала думать об этом на удивление длинном парне с неестественно бледным лицом, разделившем с ней и ее отцом их тайну. Она с нетерпением ожидала возвращения Пьера. Забавно, но ее отец так ничего и не заметил, не понял, что она стала взрослой...

Смех, которым она встретила Сен-Мену, был смехом радости. Он не догадался об этом. Впрочем, он и не мог догадаться, потому что в тот момент его интересовал только рассказ ученого.

Не уточняя для самой себя, чего именно она ждет, она прекрасно осознавала, что рано или поздно эта неопределенность наступит. Может быть, он обнимет ее... Аннет даже не пыталась представить, что она при этом скажет ему. Он, конечно, будет так же неловок, как всегда... Но пока ей было достаточно счастья ожидания. Рано или поздно, но у него раскроются глаза и он увидит, что рядом с ним находится она...

— То, что вам нужно прежде всего, мой дорогой Пьер, — говорил Эсайон, — это добиться умения отправлять себя именно туда, куда вы хотите попасть. Для этого нам придется сначала разобраться, что увлекает вас туда, где вы оказываетесь в действительности. Вы готовы? Ну, тогда вперед!

В первый раз Пьера увлекли к точке его материализации в будущем его ноги; во второй раз — его сердце. При третьей попытке он хотел, чтобы его вела к месту назначения голова. Он постарался забыть и свое тело, и свои чувства; он стремился оставаться мыслящим существом. Голова, только голова должна руководить им на этот раз. В итоге от излишних стараний у него возникло ощущение, что он находится над пропастью. Тем не менее, он отправился в очередное путешествие при полном отсутствии сознательных намерений, в тот момент, когда его мозг был охвачен головокружительным вихрем на редкость несуразных мысленных ассоциаций.

С первого же взгляда он узнал место прибытия. На него с невероятным

изумлением смотрело четыре десятка лиц, юных лиц блондинов и брюнетов, с покрытыми первым пушком щеками, усеянными многочисленными угрями. Да, он стоял перед черной доской в классе математики лицея ФИЛИППА-Августа, в своем собственном классе, куда он не показывал носа с момента приезда Эсайона с дочерью в Париж.

Восемнадцать лет — это не тот возраст, когда ты можешь чему-нибудь удивиться. И все же, появившийся в классе зеленый призрак удивительно походил своей длинной фигурой, большой головой, сутулой спиной и искривленным торсом на весьма популярную среди школяров карикатуру на недавно пропавшего преподавателя. Нарисовал ее некий Альбер, студент, рисовальщик божьей милостью, обладавший способностью отразить любой характер несколькими скупыми штрихами.

После первых минут растерянности, класс словно взбесился. Мальчишки сначала принялись стучать крышками парт, потом стали распевать на популярный в те дни мотивчик «Призрак с нами! Призрак с нами!» Робкий стажер, временно исполнявший обязанности преподавателя математики, попытался навести порядок в классе, издавая успокаивающее «Т-с-с! Т-с-с! Т-с-с!», которое никто даже не услышал. Альбер, с гордостью носивший кличку «коротышка-перпиньянец», вскочил на парту и начал исполнять торжественную песню, в которой в качестве припева повторялись раскатывающиеся звуки «р-р-р», напоминавшие шум от катящихся камней. Пролетевшая через весь класс чернильница весьма удачно заткнула ему рот. Преподаватель вскочил со стула и опрометью бросился за помощью. По классу во всех направлениях летали книги и тетради. Перескакивая через препятствия, все сорок сорванцов кинулись к призраку, замершему возле доски с нахлобученным на голову учебником геометрии. Пьер едва успел нажать кнопку осциллятора. Книга провалилась сквозь него и хлопнулась на пол с глухим стуком, который тут же был заглушен невообразимым ревом. В этот момент двери класса резко распахнулись и к преподавательской кафедру устремилась вереница жалких фигур. Несмотря на вызванные очками искажения, Сен-Мену узнал провизора, цензора, главного смотрителя, эконома и консьержа, за которыми неуверенно плелся преподаватель. Он дрожал так сильно, что очертания его тела казались расплывчатыми.

При появлении процессии начальственных животов, вихрь юности утих, и все потянулись к своим местам. Сен-Мену удивился разочарованию, вызванном у него этим мгновенным возвратом к благоразумию. Какую-то минуту назад он почувствовал, что сам становится школяром. Потребность в игре, охватившая его во время первого опыта, неудержимо овладевала им. Он развернулся, подлетел к кафедре и остановил осциллятор.

Общее безумие с новой силой забушевало в классе, как только ученики увидели, как зеленый призрак наклонился, сорвал с цензора парик и стер этим почтенным предметом вычерченные на доске геометрические фигуры. После этого он написал огромными буквами «Да здравствует свобода!» Затем призрак величественно скрестил руки на груди и исчез.

Тут же все сорок подростков ринулись к начальственной делегации, опрокидывая парты и визжа от восторга. Они окружили несчастных, сорвали с них парадные костюмы и в клочья разодрали трофеи.

Призрак снова возник на пороге класса и знаком призвал всех следовать за ним.

Бурный поток хлынул в коридор. Все, от самых младших и кончая самыми великовозрастными, от мальков до старшеклассников, отбросив все ограничения, забыв о страхе перед наказанием, перестав бояться экзаменов снесли перегородки между классами, стерли в крошку внутренние стены. Лицей превратился в огромный сосуд, бешено кипящий радостью сотен учеников, неожиданно вернувшихся в беззаботное детство. Сам директор, оставшийся в жалком подобии одежды, руководил общей вакханалией. Наконец, крыша здания взлетела на воздух, стены содрогнулись и рухнули. Радость хлынула в город. Это был первый день весны.

17.

Эсайон слушал очередной рассказ испытателя прибора, не скрывая явной обеспокоенности.

— Вы ведете себя крайне легкомысленно! — упрекнул он Пьера. — Скафандр должен оставаться для вас инструментом исследования, а не игрушкой. Само собой, он не должен быть и средством для вмешательства в чью-то жизнь. Конечно, время от времени вы будете вынуждены вмешиваться в события, в жизнь людей. Ведь это наша главная задача. Но вы должны стремиться сделать их счастливыми, а не развлекать их. Это очень и очень разные вещи.

Веселый огонек, плясавший в глазах Аннет, который удалось разглядеть Пьеру, тут же уничтожил воспитательный эффект от строгого выговора. Тем не менее, юноша не чувствовал удовлетворения. Он снова отправился в путешествие, не представляя, куда попадет. Казалось, на этот раз решающую роль сыграла его голова, определившая место прибытия. Именно она привела его туда, где привыкла работать. Но его сознание, его воля снова не принимали этом никакого участия в выборе.

Сен-Мену проделал ряд новых опытов с тем же успехом. Один раз он попал в тайные закрома кондитера, куда его привело давно подавляемое желание полакомиться — причина должна была заключаться именно в этом, хотя он и не считал себя сладкоежкой. Два раза он очутился в постели Аннет. К счастью, оба раза она оказалась пустой. Еще раз он попал в туалет, куда его затащил переполненный мочевой пузырь.

— Мне кажется, эти попытки бесполезны, — сказал он Эсайону. — Полагаю, нет смысла продолжать мои экскурсии в непосредственное будущее. Мои привычки, мои потребности сковывают меня не только в моем настоящем, но и во времени, непосредственно следующем за ним. Может быть, я смогу освободиться от этого груза, если совершу прыжок лет на сто в будущее. Что, если мы завтра попробуем шагнуть сразу в 2042 год?

— Нет... Нет! — явно колеблясь возразил ученый. — Лучше будет не в 2042, а в 2052. — Его розовая лысина покраснела, уши полыхали.

— Зачем эта добавка в десять лет? — удивленно спросил Сен-Мену.

— Вот почему... — Толстяк снова обрел уверенность в себе. Он покопался в

бороде и извлек из внутреннего кармана куртки небольшую книгу. Золотое тиснение украшало ее переплет из телячьей кожи, покрытой пятнами плесени и выцветшей от старости. Пьер склонился над книгой. Эсайон раскрыл ее на 113 странице и ткнул пальцем в один из абзацев.

— Это книга пророчеств Нострадамуса. Прочтите этот катрен!

Сен-Мену прочел:

В год, когда Венера возляжет подле Марса,

А Водолей закроет свой кран,

Великая империя погибнет в пламени,

А умирающий петух окажется голым человеком.

— «Год, когда Венера возляжет возле Марса» — эта фраза с точки зрения астролога совершенно неоспоримо указывает на 2052 год, — продолжал ученый. — Другие строки позволяют предполагать, что в этом году произойдет нечто ужасное. Петух здесь явно обозначает Францию, хотя не исключено, что имеется в виду все человечество. «Окажется голым человеком»… Голым человеком! Вы понимаете? Что может случиться с нашими несчастными внуками, чтобы они остались голыми? Вам не хочется узнать это?

Сен-Мену постарался не показать свое удивление. Как мог этот гениальный ученый принимать всерьез детский лепет средневекового шарлатана?

— Впрочем, с предсказанием Нострадамуса совпадает и пророчество святой Оливии, — задумчиво продолжал Эсайон. — Она сказала, что в 2052 году источник, соответствующий войне и миру, должен забить снова и туту же опять иссякнуть. Святая добавила также, что он больше никогда не даст воды. Может быть, это означает, что после события 2052 года на Земле воцарится всеобщий мир?

— Гм, — пробурчал преподаватель математики, — это кажется мне весьма маловероятным.

18.

Пьера удивило, что оказавшись в 2052 году он очутился возле церкви Сакре-Кёр. Он стоял у самого подножья лестницы. Прямо над ним возвышались так хорошо знакомые ему купола. Они совершенно не изменились, хотя стали более темными. Очевидно, за прошедшие годы белый известняк покрылся грязным налетом, гримирующим все архитектурные памятники Парижа. Сен-Мену обернулся, чтобы взглянуть на великий город и оцепенел. Париж исчез.

Вместо моря крыш потрясенный юноша увидел огромную площадь, покрытую бетоном или асфальтом. Кое-где возвышались небольшие сооружения, между которыми в беспорядке валялось множество предметов яйцевидной формы размером с двухэтажный дом, сделанных из цветного полупрозрачного материала. Вокруг каждого из этих огромных яиц обвивались спиральные ленты, напоминавшие

резьбу гигантских винтов. Некоторые овоиды стояли в вертикальном положении, словно огромные копии знаменитого Колумбова яйца, но большинство лежало на боку. Вероятно, многие из них были повреждены. Самым странным во всем этом Сен-Мену показалось полнейшее безлюдье открывавшейся его взору панорамы. Не видно было ни одной живой души. Держа палец на кнопке осциллятора, настороженный и готовый исчезнуть в любое мгновение, Пьер подошел к ближайшему овоиду. Его движение затруднялось очень сильным и необычно горячим встречным ветром. Приходилось продвигаться вперед наклонившись, чтобы преодолеть сопротивление воздуха. От жары он начал потеть под оболочкой своего скафандра. Солнце заливало все вокруг совершенно тропической жарой.

Вскоре Сен-Мену подошел к ближайшему гигантскому яйцу. Оно лежало на боку, и его оболочка была расколота. По-видимому, оно упало на землю с большой высоты. Внезапная догадка осенила Сен-Мену: он находился на аэродроме, и эти овоиды, обвитые спиралью, были летательными аппаратами. Но какая чудовищная катастрофа могла заставить эти совершенные устройства рухнуть на землю и усеять своими остовами все обозримое пространство?

Сквозь почти прозрачную оболочку Сен-Мену увидел находящихся внутри людей, одетых в ярко расцвеченные комбинезоны. Одни из них лежали на полу, другие продолжали судорожно цепляться за обломки странных аппаратов — приборов управления или устройств, имеющих отношение к двигателю. Их позы не вызывали сомнения в том, что жизнь покинула их. Через трещины в оболочке наружу просачивался запах тления. Задохнувшись от страшного зловония, взволнованный Пьер поспешно отбежал в сторону. Неужели он прибыл в столь отдаленное будущее только для того, чтобы встречать повсюду одни лишь трупы?

На бесконечном пространстве, выжженном солнцем, царила мертвая тишина, время от времени нарушаемая только злобными завываниями ветра. Пьер чувствовал, что вот-вот зажарится в своем скафандре с поддетым под него зимним бельем. И он решил как можно скорее убраться из этой пустыни раскаленного бетона. Сняв очки, он прищурился, ослепленный ярким светом. Когда глаза немного привыкли, он разглядел, что огромная площадь была окружена по периметру чем-то вроде ограды из высоких колонн, стоявших вплотную друг к другу и сделанных как будто из стекла. Через десять минут ходьбы он приблизился к их бесконечной шеренге. Последние метры он преодолел бегом — любопытство подгоняло его, несмотря на жару. Просунув голову между двумя соседними столбами, он тут же отшатнулся, охваченный головокружением. Он находился на огромной высоте.

Далеко внизу простиралось к горизонту бесконечное нагромождение парижских крыш — то же самое каменное море, которое, помнится, он однажды наблюдал с вершины Эйфелевой башни. Париж мало изменился за столетие. Несколько новых прямых магистралей прорезало беспорядочное скопление невысоких зданий. На западе, юге и востоке к небу вздымались три чудовищных небоскреба, по сравнению с которыми нью-йоркские небоскребы XX века показались бы жалкими домишками. Сен-Мену понял, что находится на крыше четвертого небоскреба, находившегося на Монмартском холме. При его строительстве архитекторы сохранили собор Сакре-Кёр, водрузив его на крышу гигантского сооружения.

Сен-Мену навел бинокль на распростертую под ним столицу. То, что он увидел, укрепило его в мысли, что на город действительно обрушилась какая-то страшная

катастрофа. Улицы были забиты беспорядочными скоплениями неподвижных автомобилей. На Сене катера, лодки, буксиры и баржи образовали нагромождения перед устоями мостов, куда их прибило течением. Множество летательных аппаратов рухнуло на город, пробив крыши зданий или даже полностью разрушив их.

На ближайших к небоскребу улицах Сен-Мену разглядел людей, одетых в такие же пестрые костюмы, что и пассажиры разбившихся овоидов. Он попытался разглядеть, есть ли среди них женщины, но вскоре понял, что все прохожие были мужчинами. Одежда некоторых из них напоминала его скафандр, и он подумал, что вполне мог бы смешаться с толпой, не привлекая к себе внимания окружающих.

С помощью снабженного телеобъективом фотоаппарата он сделал несколько снимков панорамы Парижа. Потом он заснял одну из хорошо сохранившихся летательных машин, обломки другой, детали одежды погибших пассажиров , наконец, общую панораму крыши небоскреба.

Озабоченный проблемой спуска с крыши, он внезапно уловил сильный запах гари; одновременно ветер донес до него звуки набата. Вернувшись на край крыши, Пьер увидел дым и языки пламени, поднимавшиеся над скоплением заполнивших бульвар автомобилей. Ветер закручивал столбом дым и искры, поднимал вверх пылающие обломки и швырял на окрестные здания, быстро загоравшиеся целыми кварталами. Туча черного дыма уже поднималась выше крыши, на которой он находился. Когда он направил объектив фотоаппарата на приближавшуюся к основанию небоскреба стену пламени, его потрясла мысль о несчастных, гибнущих в море огня.

Тучи отвратительно пахнущего дыма заволокли небосвод. Горящие клочья то и дело падали на него, угрожая повредить комбинезон. С начала пожара прошло совсем немного времени, но казалось, что огнем был охвачен весь Париж. Ослепший и наполовину задохнувшийся, он натянул очки и нажал на кнопку возврата.

Эсайон, сгоравший от любопытства, ожидал его в лаборатории. Бледный от волнения Пьер рассказал ему обо всем увиденном. Калека в экстазе стискивал жирными ладонями подлокотники кресла, пыхтел, дергал себя за бороду.

— Господи, — пробормотал он, — как бы я хотел побывать там вместе с вами!

— Теперь я понял, — задумчиво проговорил Сен-Мену, — почему я очутился в будущем на крыше небоскреба, о котором не имел ни малейшего представления. Я отправился в экспедицию, снедаемый любопытством — оно и привело меня в такое место, откуда я мог увидеть как можно больше.

— Но вы увидели далеко не все. Нужно как следует разобраться, что же произошло в 2052 году. Вы должны вернуться туда. Возьмите с собой побольше пленки...

— Только не сегодня, — возразил Сен-Мену. — Я слишком устал. Мне нужно перекусить и поспать. Если не возражаете, мы отложим мое следующее путешествие на завтра.

— Простите меня, мой дорогой, — вздыхая, пробурчал Эсайон. — Конечно, конечно, вам нужно отдохнуть.

19.

Отправляясь в очередное путешествие, Сен-Мену использовал новый способ «наводки» на место прибытия. Он очень жалел, что не додумался до этого раньше. В свое время он собирал почтовые открытки, и у него скопилось множество видов как сельской местности, так и городов, причем не только Франции, но и многих других стран. Теперь он в момент старта внимательно смотрел на выбранную открытку, стараясь, чтобы его мысли были поглощены только изображением. Таким образом, он получил возможность ориентироваться в пространстве. За несколько путешествий он исколесил всю Землю и понял, что страшная катастрофа поразила весь мир. Все континенты были охвачены пожарами, повсюду свирепствовали голод и эпидемии. Везде ему встречались толпы людей, бегущих, куда глаза глядят, и за ними неизбежно гналась смерть в тысяче обличьев.

Пьеру потребовалось немало времени, чтобы разобраться в причинах катастрофы. Даже во Франции он плохо понимал разговорный язык немногих спасшихся. Каждый раз, когда ему в руки попадалась книга или газета, он встречал тексты на малоизменившемся французском языке, пожалуй, только несколько обогатившемся новыми техническими терминами. Но стоило ему прислушаться к разговору своих отдаленных потомков, как появлялось ощущение, что он попал в чужую страну. Разговорный язык резко отличался от литературного. Постепенно у Пьера сложилось впечатление, что где бы он ни прислушивался к беседам, они происходили на одном и том же языке, будь это среди руин французских городов, в пылающих степях Украины или в лесах Канады. Постепенно, благодаря хорошему знанию нескольких европейских языков и не без помощи Эсайона, которому он подробно пересказывал услышанное, он начал разбираться в новом всемирном эсперанто.

Массовые миграции населения, перемещения огромных армий, интенсивный обмен рабочей силой, депортации целых народов продолжались на протяжении последних ста лет. При этом национальные языки сначала перемешались, а затем слились в один всеобщий язык, который использовал, на основе упрощенного синтаксиса, слова, заимствованные у разных языков. Любопытно, что вклад в общий словарь каждого из существовавших ранее языков зависел он наиболее характерных черт национального характера. Так, например, от французского языка были заимствованы кулинарные термины и слова любви, от немецкого — термины, относящиеся к философии, технике и военному делу, от английского — слова, связанные с коммерцией, от итальянского — любые слова в превосходной степени. Славянские языки дали большой набор ругательств, богатых гласными звуками.

Многие старые слова сократились до своей фонетической основы. Эволюция разговорного языка протекала так стремительно, что новый европейский язык просто не успел обзавестись письменностью. Если один и тот же слог, произнесенный испанцем, французом, русским или немцем звучал примерно одинаково, то его написание в каждом из перечисленных вариантов сильно разнилось.

В итоге Сен-Мену понял, что прежний французский язык сохранился только в письменном виде. Поэтому каждый житель Земли должен был владеть не только своим родным языком, законсервировавшимся в письменном виде и постепенно превращавшимся в мертвый, но и новым языком всемирного общения. Языком, невероятно быстро развивавшимся, разраставшимся, терявшим старые слова и приобретавшим новые — точь-в-точь как живой организм, в котором непрерывно идет процесс обновления клеток.

В стороне от вавилонского смешения языков остались, кажется, только языки Азии.

В конце концов Сен-Мену понял, каким образом цивилизация, развивавшаяся на протяжении двадцати одного столетия, рухнула за невероятно короткий промежуток времени, оставив после себя разрушение, хаос и смерть. Он поделился своим открытием с Эсайоном. Виновником катастрофы было исчезновение на Земле электричества.

— Надо полагать, — сказал задумчиво ученый, — что какое-то смутное предчувствие заставило меня отказаться от использования электричества при создании аппарата, что висит у вас на поясе. Будь это не так, вы никогда бы не вернулись в свое время, оставшись в 2052 году.

Сен-Мену содрогнулся. Он представил себя в этом мире, внезапно лишившемся души всех своих механизмов, среди остановившихся двигателей, мертвых городов, рядом с людьми, неожиданно оказавшимися голыми и беззащитными перед природой. Он еще раз осознал, какие неожиданные опасности могут встретиться ему во время путешествий во времени. Но у него не появилось и тени мысли о том, чтобы прекратить опыты.

Так же, как Эсайон, Пьер хотел как можно скорее узнать, что же будет с людьми, выжившими после катастрофы. Похоже, что материальный прогресс не принес человечеству ни мира, ни счастья. Будет ли счастливее мир, лишенный машин? Но все еще было неясно, скольким жителям Земли удалось спастись, в каких частях света их нужно было искать.

Сен-Мену использовал для настройки фотографию толпы, вырезанную из какого-то журнала. На ней было изображено множество людей — тысячи мужчин и женщин, плотными рядами заполняли все видимое пространство до самого горизонта. Они стояли с широко отрытыми глазами и ртами, по-видимому, потрясенные чем-то страшным, происходившим в воздухе над их головами.

Пьер не сомневался, что вид этой толпы неизбежно увлечет его к группам уцелевших землян. П При первом же путешествии с использованием фотографии он очутился в сером тумане, необычно сухом и плотном, ограничивавшим видимость несколькими метрами. Солнце, пылавшее, словно доменная печь, было окружено кольцами гало и казалось огромным. Уродливое дерево судорожно изгибало голые ветви в горячем воздухе. Непрерывный шум, похожий на рев водопада, ворвался в уши путешественника. Он чуть не упал, когда почва под его ногами неожиданно просела. Посмотрев под ноги, он с ужасом увидел, что его сапоги погрузились в грудную клетку наполовину разложившегося трупа. Миллоны потревоженных мух взвились в воздух. Он догадался, содрогнувшись, о природе тумана. Это были бесчисленные полчища мух. Мухи заполняли воздух, густой пеленой заволакивая

горизонт. Их гудение и было шумом, напоминающим грохот водопада, от которого содрогался воздух. Жуткое зловоние заполняло все вокруг чуть ли не осязаемой вязкой массой, словно кипевшей на солнце. Пьер нажал на кнопку осциллятора, и мгновенно оказался замкнутым в своем изолированном мирке вне времени. С наслаждением почувствовал тепло своего тела и принюхался к приятно напоминавшему камфару запаху ноэлита. Но память о тошнотворном запахе сохранилась, словно прилипнув к его ноздрям. Прошло несколько минут, прежде, чем он полностью пришел в себя. К счастью, теперь волны адской жары пронизывали тело насквозь, совершенно не затрагивая его.

Порыв горячего ветра сорвал последние съежившиеся листья, трепетавшие на вершине дерева, закрутил вихрем сонмы жужжавших в воздухе насекомых и на мгновение разогнал их тучи, открыв взору далекий горизонт. Пьер увидел, что находится посреди бесконечной равнины, сколько хватало глаз усеянной трупами. Все тела были покрыты толстым слоем мух, настоящим черным саваном, поблескивавшим и шевелящимся, к которому непрерывно добавлялись все новые и новые мириады насекомых. Тяжелый ветер утих, плотный воздух сгустился вокруг Сен-Мену. Он снова услышал сильный непрерывный шум.

Новая модель осциллятора позволяла видеть и слышать без искажений. Эсайон приделал к очкам из дымчатого стекла систему призм, позволявших Пьеру при необходимости видеть самого себя так же отчетливо, как и окружающие предметы. Приспособление было прикреплено к шлему с помощью четырех ремней, перекрещивавшихся на затылке. Усовершенствованные очки и наушники, вес которых чуть ли не утроился, сильно утомлял его по сравнению с предыдущей конструкцией. Пьеру никак не удавалось избавиться от насморка, грозившего перейти в гайморит. Много раз, начиная с детства, светила медицины советовали ему удалить полипы, образовавшиеся в носоглотке а заодно и миндалины, но Сен-Мену под любыми предлогами оттягивал операцию, предпочитая пользоваться носовым платком.

Возможно, что именно из-за насморка он не мог выдержать непрерывную работу осциллятора дольше, чем полтора-два часа, несмотря на всю полученную им тренировку. После этого он был вынужден останавливать осциллятор хотя бы на несколько минут, чтобы придти в себя.

Еще раз окинув взглядом окружавшую его панораму, он решил, что здесь ему больше нечего делать. Он искал живых, но фотография множества живых привела его к множеству мертвых… Не оставалось ничего другого, как вернуться в лабораторию и попытаться найти другой способ найти выживших после катастрофы.

Он зажал себе нос через лицевую часть шлема и приготовился остановить осциллятор перед тем, как нажать кнопку возврата. Но в самое последнее мгновение он в ужасе прервал движение руки. Именно в эту секунду целый рой мух промчался через его тело…

Если состояние, в котором он находился, делало для него все окружавшие его материальные тела проницаемыми, то он сам тоже был проницаемым для них. В первый раз, когда он использовал усовершенствованные очки, он проникал сквозь стены и окружающие его предметы, казавшиеся ему материальными, буквально насилуя себя, стиснув зубы. Тогда он впервые увидел, как подлокотник кресла оказался у него в груди и испытал сильный эмоциональный шок. Его ощущения были

почти такими же, как если бы его пронзило копье. Потом он научился отделять инстинктивные нервные рефлексы от зрительных впечатлений. Постепенно он привык настолько, что стал даже находить удовольствие, забавляясь своими новыми возможностями. Например, ему нравилось сливаться со стволом дерева, вытянув руки подобно ветвям, и наблюдать, как сквозь его раскрытые ладони проходят побеги, покрытые распустившимися листьями.

Чтобы избежать гибели, он должен был внимательно следить, чтобы ни один посторонний предмет не оказался внутри его тела в тот момент, когда он останавливал осциллятор. Было страшно представить, что произошло бы с ним, если бы при возвращении в нормальное время внутри него осталась спинка кресла или хотя бы цветок лилии…

Эти соображения и заставили его остановиться, не нажав на кнопку выключения осциллятора. Мухи сотнями пронизывали его тело во всех направлениях. Он видел, как отвратительные насекомые целыми роями пролетали сквозь его бедра, грудь, живот… Они кишели среди его внутренностей и жужжали внутри головы.

Нужно было удалиться от этого места, зараженного насекомыми, прежде, чем принять свой обычный облик. Иначе он оказался бы буквально нашпигованным этими бестиями, внедрившимися в его мышцы, кости, нервы и кровеносные сосуды. Результатом была бы скорая смерть или от эмболии или от заражения крови. Вероятной была и мгновенная гибель, если бы хоть одна любительница падали оказалась у него в мозгу или нарушила бы какой-нибудь важный нерв.

Он попытался сориентироваться, но горизонт со всех сторон был по-прежнему затянут кипящими тучами насекомых. В царивших вокруг сумерках лишь временами вокруг едва различимого солнца кольцами вспыхивала блеклая радуга.

Оглядевшись, Пьер смог различить только трагический силуэт засохшего дерева, придавленного свинцовым небом.

Он решил выбрать случайное направление и двинулся направо, перемещаясь с максимальной скоростью. Он ритмично выбрасывал вперед то руки, то ноги, пронизывая свивающиеся вихрями рои мух, но не находя ни единого кубического метра воздуха, не содержащего своей сотни насекомых.

Пьер горько сожалел, что воспользовался осциллятором, не подумав о возможных последствиях. Но сожалеть было поздно, нужно было поторапливаться. Равнина под ним по-прежнему была усеяна бесчисленными телами. Иногда в кишащей массе мух появлялись небольшие просветы, в которые можно было мельком увидеть яркое пятно одежды или ухмыляющийся лик смерти с блестящими зубами и дырами вместо носа. Воздух, заполненный миллиардами крылатых существ, вибрировал, дребезжал, скрежетал, словно струнный оркестр обитателей сумасшедшего дома. Одурманенный усталостью, Пьер чувствовал, как его голову все сильнее и сильнее стискивал стальной обруч. Головная боль и страх молотом били ему в виски. Он продолжал двигаться по прямой, и тучи мух непрерывно пересекали его тело во всех направлениях. Жужжащий живой туман заполнял насыщенную зловонными миазмами атмосферу.

Внезапно его осенила догадка. Можно было избавиться от мух, поднявшись вверх на достаточную высоту… Он вскинул руки над головой жестом молящегося и начал подъем в небо, словно ритмично взмахивающий крыльями ангел. Вскоре

количество мух начало быстро уменьшаться, и его охватила невыразимая радость. Гул жужжанья насекомых затихал, удалялся, смешивался с биением крови в его терзаемой мигренью голове. Он уже достиг уровня редких облаков и теперь парил в лазури в гордом одиночестве. Где-то далеко внизу осталась земля, затянутая серым туманом, волнами уходившим за горизонт. Пьер опустил палец на треугольную кнопку… Во второй раз за этот день его спас инстинкт. Ведь остановить осциллятор — значит, стать материальным и рухнуть камнем вниз, чтобы неизбежно разбиться, подняв фонтаны гниющей плоти и смерчи взлетевших насекомых. Нет, ему не оставалось ничего другого, как продолжать путешествие.

Он снова бросил взгляд на пустынную равнину внизу. Где-то у горизонта к небу поднимался столб густого черного дыма. Он возобновил свой полет бабочки, снежинки, одуванчика, кузнечика… В глазах у него мутилось. Страх и отчаяние сжимали сердце. Больше всего он опасался потерять сознание и, не имея возможности придти в себя, остаться навечно блуждать в голубом просторе, словно жалкий призрак. Он боялся остаться странствовать в веках до тех пор, пока вышедший из строя аппарат не позволит оставшейся от него горсти праха просыпаться легкими хлопьями на новую цивилизацию. Он то и дело таращил глаза, потом снова закрывал их, изо всех сил стискивая веки, чтобы хоть на несколько секунд восстановить четкость зрения.

Наконец, под расплывающимся в высоте облаком дыма он разглядел руины большого города. Почерневшие от огня стены зданий тянулись вдоль русла пересохшей реки, уходя за горизонт.

У Пьера вновь зародилась надежда. Он медленно спускается вниз, опять погружаясь в море насекомых, планирует ад крышами домов. Здесь мух меньше, потому что погибшие жители города сгорели вместе с ним. Измученный путешественник находит уголок в тени полуразрушенной стены, где, кажется, нет ни одного крылатого чудовища. Он глубоко вздыхает, осторожно ощупывает голову. Страшные удары молота дробят ему череп при каждом биении сердца; его воспаленные глаза, кажется, вот-вот выскочат из орбит.

Пьер замирает, задерживает дыхание и прислушивается. Удары сердца резонируют в его груди, словно в пустом ящике. Но вот звенящая нота, стон скрипичной струны раздается у него в животе, затем поднимается к голове. Небольшая муха, блестящая капелька зеленого золота вылетает из его щеки, нерешительно кружится перед его носом и погружается в плечо. Пьер дергается, встряхивается всем телом и снова замирает. Муха жужжит где-то у него в бедре. Он подпрыгивает, кувыркается и приходит в себя, оказавшись верхом на стене. Все равно он слышит, как маленький зловещий музыкант продолжает свою мелодию, кружась внутри его грудной клетки. Он кидается в нагромождение обугленных обломков, камней и пепла. Но едва он выныривает с другой стороны груды, как адский вибрион снова начинает резвиться в его теле, пронизывая в разных направлениях плоть и кости. Пьер хрипит. Перед глазами у него струится красная пелена, похожая на поток крови. Он устремляется в небо, подстегиваемый отчаянием, пытается осмотреться. Остатки огромного пожарища догорают на набережной. Он собирает все силы, чтобы двинуться в том направлении. Через несколько минут он достигает нужного места, лежа на животе, как будто не летит, а ползет из последних сил. Голова его распухла и похожа на тыкву; нет, на воздушный шар; нет, она уже с купол собора…

Вот и огонь. Он кидается в пламя, кружится в его багровом вихре. Он смеется, рычит от радости, представляя себе гибель дьявольского создания, с треском сгорающего в очистительном пламени. Пролетев сквозь огонь, он останавливается и замирает, задержав дыхание. Радости как не бывало, ужас снова обрушивается на него. Он трепещет. От одного виска к другому, от одного горизонта к другому, между его ребер, в мертвом городе, во всем мире, в его истерзанной плоти нахально жужжит, верещит, издевается над ним проклятая муха. Он уже не знает, слышит ли он ее на самом деле, или уже сошел с ума. Его голова продолжает неудержимо пухнуть. Скоро она превзойдет размерами небосвод, взорвется в бесконечности. Перед его глазами возникает лицо Аннет. Завитушки ее волос на висках сверкают, будто два черных огонька. Порыв ветра швыряет ему в лицо дым и пламень пожара. Тело пересекает дымный смерч. Он больше не в состоянии терпеть. Это последняя секунда, когда он еще может действовать. Двумя пальцами, сначала одним, затем другим он нажимает сначала одну, затем вторую кнопку...

20.

Пьер рухнул на пол лаборатории. Эсайон оставил свои пробирки, вытер руки о бороду и позвал женщин.

У настоящего ученого никогда не пропадает способность к наблюдению, каковы бы ни были обстоятельства. Несмотря на адские мучения, дикую головную боль и почти бессознательное состояние Сен-Мену все же успел заметить, что в тот момент, когда он нажал на кнопку осциллятора, его тело пересекли струйки дыма. Поэтому, перед тем, как потерять сознание он пробормотал, склонившейся над ним Аннет: «Окись углерода».

Эсайон выпустил из него всю кровь и заменил ее синтетической жидкостью, оживив ее небольшой добавкой крови Аннет. На протяжении нескольких дней у Сен-Мену была черная моча, а тело еще долго оставляло черные разводы на постельном белье. Когда он по утрам откидывал одеяло, в комнате чувствовался сильный запах копченой ветчины. Беспредельные возможности науки, находившиеся в распоряжении Эсайона, помогли ему справиться с интоксикацией организма. Правда, никакие достижения науки так и не помогли Эсайону победить насморк Пьера.

Весна уже затопила сады, когда Сен-Мену встал на ноги. На коже у него остались широкие серые полосы, а глаза и волосы стали черными.

Весеннее цветение способствовало выздоровлению. Раздеваясь вечером, он иногда задумчиво смотрел на точку возле локтя, через которую в него проникла кровь Аннет, и осторожно поглаживал костлявыми пальцами плоть, не сохранившую никаких следов свершившегося чуда. В дни медленного возвращения к жизни, он почувствовал, как все его существо постепенно проникло очарованием юной девушки. Ослабевший рассудок не мешал беспредельно господствовать чувствам. Откинувшись в шезлонге, касаясь свесившимися руками молодой травы, он следил сквозь полуприкрытые веки за спускавшейся с террасы Аннет. Она держала обеими руками чашку, в которой дымилось какое-то волшебное зелье. Пьер закрывал глаза

и притворялся спящим, чтобы прислушиваться к ее приближающимся шагам, чувствовать, как над ним склоняется ее лицо. Юноша ждал, затаив дыхание, чтобы она позвала его по имени, нежно, ласково, призывно. Он давал ей возможность окликнуть его несколько раз, прежде, чем открывал глаза, окраска радужной оболочки которых с каждым днем постепенно приобретала первоначальный оттенок цветка льна. Он уже давно не осмеливался открыто смотреть на нее. Аннет усаживалась рядом на траве, скрестив ноги. Яркий цветок среди зелени. Она строго следила за тем, чтобы лекарство было выпито без остатка. Если он протягивал к ней руку, чтобы словно невзначай слегка коснуться ее платья, она не сердилась, но и не поощряла его. Ведь она не имела понятия о том, как девушка может помочь робкому юноше. Эта девушка была проста, как цветок.

По мере того, как проходил день за днем, Пьер чувствовал, что становится все ближе и ближе к Аннет. Подходил к концу май, и весна быстро восстанавливала его силы. Однажды вечером, когда Сен-Мену долго не мог заснуть, он поклялся себе, что завтра скажет девушке… Но что он скажет? Он беспокойно крутился под простыней. Как это сложно! А если нежные слова в его устах покажутся ей гротескными, смешными? «Я люблю, люблю тебя, а ты меня любишь?»

— Мой малыш Пьер, — сказал Эсайон за завтраком, — вот вы и выздоровели. Я спланировал для вас новое путешествие. Полагаю, вы сможете отправиться в путь, как только выпьете свой кофе с молоком.

Ученый отряхнул бороду. Они отправились в лабораторию и заперлись там. От предыдущей экспедиции у Сен-Мену сохранились только смутные воспоминания. Каковы бы ни были опасности, теперь они не могли остановить его. Все с большей и большей страстью он увлекался великим предприятием, задуманным Эсайоном. Краткий рассказ толстяка о новой программе исследований подтолкнул его к активным действиям и отвлек от блаженного парения в мечтах. Сентиментальные переживания мгновенно отошли на второй план. Он едва не чувствовал облегчения от этого. Быстро натянув скафандр, Пьер отправился в 3000 год на поиски уцелевших от чудовищного катаклизма.

На следующий день он продвинулся на один век. Затем сразу на два столетия. Потом на три, на пять. То, что он увидел и рассказал, показалось Эсайону настолько ужасающим, что они приостановили дальнейшие исследования и после продолжительного обсуждения приняли важное решение. Сен-Мену должен был совершить гигантский прыжок в будущее, чтобы выяснить судьбу отдаленных потомков современного человечества.

Действительно, если электричество на Земле исчезло навсегда, что привело к краху техническую цивилизацию, то вместо него появилась новая энергия. Научившись пользоваться ею, человечество могло претерпеть такую невероятную эволюцию, что даже объединенные усилия умов двух ученых были н в состоянии предвидеть ее логическое завершение.

Когда в этот великий день Сен-Мену нажал на кнопку старта, он точно знал только то, что отправляется в будущее, отстоящее от его времени на 100 000 лет.

Накануне он постригся наголо, потому что его волосы заметно посветлели возле корней, что делало его похожим на пожилую женщину, красящую свои поседевшие волосы, но делающую это не слишком старательно.

Часть 2
ЭКСКУРСИЯ В ЭНТОМОЛОГИЮ.

1.

Отчет Пьера Сен-Мену Ноэлю Эсайону о путешествии в год 100 000.

Сейчас, когда я излагаю на бумаге все, что увидел, то вполне отдаю себе отчет в возникающих при этом сложностях. Я не люблю использовать прилагательные. Математический язык, к которому я привык, содержит немного слов, обращающихся исключительно к разуму и не затрагивающих наших чувств. Боюсь, что мое неумение использовать описательный стиль, склонность к излишней сухости изложения или, наоборот, неуместное увлечение высокопарным стилем может помешать донести пережитой мной до читателя. Удивительный мир, который мне выпало счастье исследовать, заставляет с сожалением признать крайнюю бедность нашего языка. Но постараюсь быть точным.

Я покинул лабораторию 6 июня 1942 года в 10 часов 27 минут. Мой аппарат был настроен на прибытие в будущее в тот же час, день и месяц.

Я допускал, что наделение времени на интервалы, может быть, не совпадает с тем, что будет в тысячном веке. Характер движения небесных тел нельзя считать неизменным. Дни, месяцы, времена года вполне могли иметь в далеком будущем другую продолжительность. Увижу ли я солнце и луну? Окажусь ли я на Земле? Меня могли ожидать самые невероятные сюрпризы.

Я очутился в будущем в положении лежа на спине. Две черных дыры медленно перемещались над моими очками. Я не сразу понял, что это были ноздри чудовищной морды, обнюхивавшей меня. В ужасе я едва не нажал на осциллятор, как вдруг с облегчением понял, что это морда коровы. Я не слишком люблю этих рогатых животных, но встреча с коровой в столь отдаленном будущем обрадовала меня. Можно было только мечтать о том, чтобы меня встретило такое миролюбивое существо, в не какой-нибудь дракон.

Между ушами коровы я видел кусочек неба невероятно густого синего цвета, такого чистого и яркого, что он казался нанесенным на какую-то твердую поверхность. Мельком я заметил, что коровья морда была поразительно похожа на физиономию моей квартирной хозяйки. Мой мозг в эти минуты был целиком поглощен переработкой информации, поступавшей от органов чувств: я смотрел, слушал и принюхивался.

Я буквально купался в удивительно нежном воздухе. Запах раздавленной травы пробивался даже сквозь мой хронический насморк. До ушей доносился какой-то странный концерт: высокие свистящие звуки на одной ноте смешивались с мощными, похожими на басы органа, звуковыми колебаниями. Казалось, что эти последние звуки вырываются из глубины земных недр. Почва подо мной буквально вибрировала от них.

Такими оказались первые впечатления от нового мира, неудержимой волной хлынувшие на меня в первые же секунды, еще до того, как я успел пошевельнуться. Коровья морда, кусочек синего неба, удивительно приятный воздух, запах травы, свистящие звуки и земля, содрогающаяся, как если бы я находился над туннелем метро.

Я шлепнул корову по морде, после чего она отодвинулась в сторону, оставив мне на память струйку вязкой слюны. Теперь я смог разглядеть животное целиком, и это зрелище поразило меня. Тело коровы представляло собой огромное вымя, висевшее между четырьмя тонкими прямыми ногами и заканчивавшееся над самой землей одним единственным соском. Объем вымени я оценил не менее чем в 400 литров. Эта круглая розовая масса плоти походила на чудовищную женскую грудь. Должен сказать, что это зрелище сильно взволновало меня. Откуда-то из самых глубин подсознания возникли давно забытые образы. Я увидел толстую кормилицу, которой меня доверила моя больная мать. Я вспомнил тепло огромной выпуклости, питавшей меня молоком… Спохватившись, я стряхнул с себя совершенно неуместную расслабленность и вскочил на ноги, пожираемый любопытством. И сразу же уловил присутствие людей.

Вокруг меня несколько десятков коров меланхолично пережевывали траву. Равнина, поросшая густой высокой травой, простиралась до самого горизонта. Над зеленым пространством поднимались ряды серых конусов совершенно одинаковых очертаний, высотой, как мне показалось, не менее 300-400 метров. Конусы располагались по правильной квадратной сетке, словно стога на сжатом поле, и их ряды продолжались во все стороны до бесконечности. Правильность их расположения, Правильность их расположения, форма и размеры свидетельствовали, что эти сооружения могли быть созданы только руками человека.

Легкий шум за спиной заставил меня обернуться. Оказавшись лицом к лицу с человеком, я испытал потрясение. Он был абсолютно голым.

Я уже приготовился исчезнуть, но человек прошел мимо, едва не задев меня, но ничем не показав, что заметил мое присутствие. Его взгляд скользнул по мне, но каменное спокойствие на его лице не поколебалось ни на секунду. У меня возникло жутковатое ощущение, что на меня посмотрело существо иного, потустороннего мира — привидение, мертвец или божество.

За первым существом появилось еще несколько, и все они были одинаковы в своей полной наготе и абсолютной невозмутимости. Они передвигались широкими, медленными и тяжелыми шагами; длинные руки свисали по бокам, словно ненужные в данный момент инструменты. Они двигались длинной вереницей, не разговаривая и не глядя по сторонам. Их кожа, показавшаяся мне очень грубой, цветом напоминала старое дерево и была совершенно гладкой, без единого волоска.

Если вы оказываетесь лицом к лицу с подобным вам существом, совершенно обнаженным, на какую часть тела непроизвольно направляется ваш взгляд? Да, я тоже не удержался от этого рефлекса, связанного, по-видимому, с какими-то древними примитивными инстинктами. Но я ничего не увидел! Нижняя часть живота у этих коричневых людей была совершенно гладкой. Я подумал, что за тысячу веком

органы размножения вполне могли переместиться. Но я напрасно пытался обнаружить их. Впрочем, это беглое исследование дало мне и другие поводы для изумления. Ягодичные мышцы этих созданий не разделялись на две половинки. Они были спаяны в одно целое, в единую полусферическую массу, гладкую, словно ее изготовили из старой кожи. Анальное отверстие тоже отсутствовало. Грудная же клетка заметно развилась, удлинившись за счет исчезнувшего живота. Ребра спускались до самых бедер. У человека стотысячного года не было внутренностей!

Медленно передвигавшаяся цепочка бесполых существ достигла поля и рассеялась по нему. Перед каждой коровой остановилось одно из существ, и все они принялись свистеть на одной и той же протяжной высокой ноте. Так часто в кафе ранним утром свистит кофеварка. Коровы прервали жвачку; они подняли головы и неторопливо побрели за меланхоличными свистунами.

Длинным караваном пастухи, за которыми следовали коровы, похожие на вымя на четырех ногах, направились к ближайшему конусу. Я последовал за ними. Толстые сочные стебли травы хрустели у меня под ногами, разбрызгивая по сторонам пенистый зеленый сок. С каждой коровьей морды свисала бахрома зеленой слизи.

Оглядевшись, я увидел разбросанные по равнине такие же вереницы пастухов и животных, направлявшихся к ближайшим к ним конусам.

Я то шел рядом с пастухами, то описывал вокруг них круги, стараясь как можно подробнее рассмотреть своих попутчиков. Они явно не замечали моего присутствия. Эти создания были примерно метр шестьдесят ростом, хотя некоторые казались немного выше или ниже. На короткой толстой шее помещалась небольшая головка. Лысые черепа блеском не отличались от задниц. Глаза у них были неподвижными, словно у кур; нос сильно уменьшился в размерах, а ноздри оказались на передней его стороне и бросались в глаза. Рот представлял собой узкую щель между спаянными в одно целое челюстями. Подвижность на лице сохраняли в какой-то степени только губы.

Рассматривая их широкую грудь, продолжавшуюся от плеч до подвздошной кости, их неприспособленный для жевания рот и ягодицы без анального отверстия, я задавался вопросом: как же питаются эти существа? Одновременно я думал, что им было гораздо легче попасть в рай, чем их несчастным предкам. Без желудка, без половых органов у них оставалось не так уж много возможностей согрешить...

Тем временем мы все ближе подходили к конусу. За это время я даже успел немного привыкнуть к своим спутникам и даже начал испытывать нечто вроде симпатии к ним, возможно, вызванной некими причудливо деформированными родительскими чувствами. Воздух приятно ласкал мне лицо, старое доброе солнце сияло на удивительно чистом небосводе. Стада больших розовых животных, которых я издали принял за свиней, резвились тут и там на зеленом пространстве. Однородный цветовой фон окрестностей лишь местами нарушали более темные пятна росших группами невысоких кустов. Мой взгляд то и дело останавливался на глубоком, приятно-бархатном цвете травы. Мои глаза буквально купались в бездонной зелени, быстро избавляясь от усталости, накопившейся за бесконечные часы работы с настольной лампой, от горечи бессонницы. Вокруг меня то и дело раздавались мелодичные звуки посвистывания пастухов. Из глубин земли продолжал доноситься ритмичный гул. При каждом шаге я ощущал ногами сильную вибрацию, достигавшую живота.

То ли разлитая в воздухе нега, то ли запах раздавленной под ногами травы, или, возможно, монотонность пастушьего свиста были этому виной, но я ощущал, как мой мозг мало-помалу тяжелеет и меня охватывает приятное оцепенение. Изумление, охватившее меня при знакомстве с новым миром, тихо угасало, любопытство постепенно ослабевало. Любопытство к чему? Разве я не знал всегда эту обстановку, разве не был знаком с этими существами, моими братьями? Разве я не был полностью подобен им, разве не был таким же человеком, как они? Смиренный, счастливый, пассивный член великого человеческого семейства… Мое дыхание становилось все медленнее, все спокойнее, сердце билось все более ровно и более редко. Не думая о том, что я делаю, я пристроился к цепочке пастухов. Мои руки бессильно повисли вдоль тела. Я шагал широкими медленными шагами и даже начал что-то насвистывать.

Мой резкий отрывистый свист прозвучал настолько неприятнее по сравнению с посвистыванием пастухов, что я остановился и тут же очнулся. Так может очнуться ребенок, поддавшийся во сне естественной потребности и внезапно проснувшийся в мокрой постели.

Испуганный колдовским оцепенением, от которого чудом избавился, я встряхнулся и пообещал себе впредь быть более осторожным. Мои миролюбивые спутники продолжали путь. Было похоже, что они не услышали меня. Тогда я приблизился к последнему в цепочке и заорал ему прямо в ухо: «Как поживаете?» Наверное, я мог бы найти и более оригинальный вопрос, но это было первое, что пришло мне в голову. Впрочем, я и не ожидал ответа, а просто надеялся на какую-нибудь ответную реакцию. Но ничего не произошло. Пастух даже не вздрогнул. Я опустил руку ему на плечо. Он не отреагировал на прикосновение — точно так ведет себя статуя, когда ей на бронзовую шевелюру садится голубь. Потеряв всякую осторожность, я уже приготовился двинуть пастуха кулаком в живот, как вдруг все члены длинной вереницы остановились и разом повернулись ко мне. Очевидно, они наконец-то заметили меня! Ужас расширил их небольшие круглые глазки, удивление распахнуло рты. Не менее испуганный, чем они, я опустил палец на кнопку осциллятора. Этот невинный жест посеял среди мирных пастухов настоящую панику. Существа, только что совершенно невозмутимые, обратились в бегство, испуская пронзительные крики, напоминавшие крики женщин. Покинутые хозяевами коровы застыли на месте. Одна из них негромко замычала.

В это время паника охватила все пространство прямоугольной формы между четырьмя ближайшими конусами. Пастухи покидали свои стада и метались взад и вперед, ничего не видя перед собой и издавая при этом звуки, похожие на визг избиваемых дворняжек. Пробежав некоторое расстояние по прямой, они внезапно останавливались, затем опрометью кидались в другом направлении, сталкивались, падали, снова вскакивали на ноги… Но как только в своих беспорядочных метаниях они пересекали невидимую границу охваченного паникой квадрата, то мгновенно успокаивались, как брошенная в воду рыба, только что судорожно бившаяся на песке. Вне периметра квадрата шла нормальная жизнь. Похоже, что ни одно из существ, продолжавших мирно трудиться за пределами нашего квадрата, не обратило ни малейшего внимания на поднятую рядом с ними тревогу.

Доносившийся из недр земли глухой рокот резко оборвался. Вопли пастухов усилились, скорость их метаний возросла. Даже я почувствовал, как откуда-то на равнину хлынула волна безымянного ужаса, причина которого оставалась

непонятной. Мне только казалось, что вот-вот должно было произойти что-то жуткое.

Земля начала ритмично содрогаться, словно где-то глубоко под ее поверхностью загремели тысячи барабанов. Постепенно грохот стал более ритмичным, и вскоре сконцентрировался возле каждого из четырех конусов, находившихся в вершинах охваченного тревогой квадрата.

В основании конусов виднелись отверстия, похожие на устья туннелей. Я увидел, как через эти отверстия на равнину потянулись вереницы существ, один взгляд на которых заставил меня содрогнуться. Раза в два выше меня, телосложением похожие на слонов, они маршировали тяжелыми шагами, отбивая ритм ударами кулаков по чудовищным грудным клеткам. Эти удары производили страшный грохот, как будто кто-то изо всех сил колотил кувалдой по пустой металлической бочке.

Я тут же нажал на кнопку осциллятора. У меня не было сомнений, что эти чудовищные создания вышли из под земли с единственной целью — уничтожить главную причину тревоги, то есть меня.

Эти создания были без одежды. Их тела казались чудовищными нагромождениями уродливо огромных мышц. Точно так же, как и у робких пастухов, у них не было половых органов и, вероятно, внутренностей. Их ребра, спускавшиеся до самых бедер, напоминали прочные строительные конструкции.

Бесконечные шеренги этих жутких созданий продолжали выходить из черных зевов туннелей. Продвигаясь медленно и неуклюже, словно стадо бегемотов, они постепенно образовали живую стену по периметру квадрата между четырьмя конусами. Затем они дружно повернулись лицом к центру квадрата, перестали бить себя кулаками в грудь, широко расставили руки и двинулись вперед, испуская дикие крики, в которых можно было различить усиленные в тысячу раз вопли гусей и рычание тигров. Их руки, достававшие до земли, заканчивались уродливыми кистями с попарно сросшимися пальцами, образовавшими нечто вроде громадных клешней толщиной в руку мускулистого атлета. Только большой палец, противостоящий остальным, оставался обособленным; получившиеся таким образом три пальца были вооружены большими кривыми когтями. Тело существ было увенчано непропорционально маленькой головой с гладким блестящим черепом. Черты лица казались сильно сглаженными; небольшие глазки, лишенные ресниц и бровей, тонули в складках кожи. Нос заменяли два небольших отверстия, уши исчезли, подбородок плавно переходил в мускулистую шею, пирамидой возвышавшуюся над плечами, способными выдержать груз Атласа.

Я зажал уши руками, чтобы ослабить разрывавший мне голову адский шум. Но рев гигантских воинов все равно пронизывал мою призрачную плоть, заполняя черепную коробку. Мне пришлось напрячь всю волю, чтобы хоть немного разрядить охватившее меня нервное напряжение.

По мере того, как передние ряды воинов маршировали навстречу друг другу к центру квадрата, за их спинами выстраивались все новые и новые шеренги из выходивших на поверхность бесчисленных бойцов и тут же начинали двигаться вслед за передними рядами.

Внутри образованного рядами воинов квадрата находились два или три стада коров. Покинутые поводырями, добродушные животные не двигались с места. Они

потерянно поворачивали в разные стороны тупые морды, глядя в пустоту печальным взором, и мычали теми же меланхоличными голосами, что и их предки, столь распространенные в наше время. С их морд медленно стекали тонкие струйки вязкой слюны.

Ревущие воины продолжали продвигаться к середине квадрата, хватая вытянутыми вперед руками все, что оказывалось в пределах досягаемости. Их когти вонзались в нежные коровьи тела, и молоко, смешанное с кровью, хлестало на землю розовыми ручьями. Коровы были сметены в одно мгновение. Для этого убийцам даже не пришлось останавливаться. Воины второго ряда хватали разбросанные вокруг куски мяса и разрывали их на мелкие кусочки. Третья волна воинов превратила эти кусочки в кашу. Такая же судьба постигла свиней, затем десятка два пастухов, не успевших вовремя вырваться из смертоносного квадрата. Когда четыре передних ряда сошлись в центре страшной резни, воины начали разрывать друг друга на части с той же свирепостью, с теми же жуткими воплями. Скоро от нескольких шеренг осталась только самая последняя, но составлявшие ее воины продолжали свирепо терзать совершенно неузнаваемые окровавленные останки.

Меня трясло от ужаса. Похоже, ничто живое не могло ускользнуть от этой совершенной машины для убийства. Ничто и никто — не считая меня, нематериального существа, в которое я превратился благодаря осциллятору. Что осталось бы от меня, не окажись в моем распоряжении это спасительное устройство?

Внезапно оставшиеся в живых воины замолчали. Теперь они время от времени только негромко порыкивали, словно сытые хищники, постепенно собираясь в центре площадки. Я отвернулся и одним рывком переместился ко входу в ближайший конус. Возле отверстия стоял один из воинов ростом меньше, чем большинство остальных. Очевидно, он издали наблюдал за побоищем, держа кулаки перед глазами наподобие бинокля. На его предплечье были видны небольшие пучки светлых волос, слагавшие рисунок, похожий на звездочку.

Я обернулся и посмотрел на равнину, залитую кровью и усеянную неразличимыми останками. Причина всей этой резни сохранялась. И этой причиной был я. Но обо мне забыли. Погибло множество ни в чем не повинных существ. Даже трава на месте побоища была уничтожена. Потрясенный, я подумал о том, с какой точностью, несмотря на прошедшие тысячелетия, сохранились традиции войны.

2.

Продолжение отчета Сен-Мену

Отверстие в конусе по размерам походило на портал собора. Никаких приспособлений, позволяющих закрыть его, я не увидел. Мне пришлось преодолеть не менее двадцати метров туннеля, проделанного в спрессованной земле, прежде, чем закончилась толстая стена конуса и я оказался внутри него, в небольшом

помещении, в стенке которого были видны три входа в туннели меньшего диаметра. Правый из них опускался, левый поднимался, а средний горизонтально уходил вглубь сооружения.

Возвращавшиеся после битвы воины, покрытые грязью и кровью, двигавшиеся колонной по четыре в ряд, направлялись вниз по правому туннелю. Их предводитель со звездочкой шагал впереди, гордо выпятив грудь. За воинами показались пастухи, свистом подгонявшие коров. Они направились по горизонтальному туннелю, и я последовал за ними.

Мягкий свет заменял внутри конуса сияние дня. Его источником были фосфоресцирующие грибы, в огромном количестве покрывавшие стены туннеля. Они росли с невероятной скоростью, буквально за несколько секунд увеличиваясь от размеров горошины до размеров яблока, после чего сморщивались и начинали разлагаться, одновременно порождая новое поколение. Они теснились, налезали друг на друга в непрерывном кипении холодного пламени, свисали с потолка тяжелыми гроздьями, то и дело распадавшимися и вновь разраставшимися.

Туннель закончился просторным круглым залом, освещенным все тем же холодным светом. Устланный сеном пол был заставлен рядами серых бурдюков, часть которых казалась пустой, другие же были чем-то наполнены. Я прикинул, что их было не менее двух-трех тысяч.

Вошедший в зал вместе со мной пастух подвел корову к одному из распластанных на полу пустых бурдюков и вставил сосок вымени животного в его отверстие. Я с удивлением услышал сосущие звуки и с любопытством приблизился. Отверстие оказалось ртом, сосавшим молоко из коровьего вымени. Вокруг рта смутно различались черты человеческого лица, луноподобного, плоского, как блин; не было ни черепа, ни шеи; передо мной находился только желудок, в который с хлюпаньем переливалось молоко из вымени.

Существо сосало с энергией изголодавшегося грудного ребенка. В тупо уставившихся на меня глазках проскальзывало нечто вроде пассивного удовольствия с налетом того отупения, что можно увидеть в ресторане у людей, одиноко сидящих за столиком, ни с кем не беседующих и не читающих, а занятых исключительно поглощением пищи.

Я слышал бульканье жидкости, заполнявшей внутренности изголодавшегося существа. По обе стороны его быстро заполнявшегося живота я разглядел дряблые атрофированные ручки, похожие на кукольные; в самом низу бурдюка виднелись отростки, напоминавшие совершенно ссохшиеся ножки.

С ощущением внезапно подступившей к горлу тошноты я понял очевидное: эти расставленные рядами бурдюки, эти нелепые сосуды, эти животы без мозгов, без мышц и без костей тоже были людьми! Этот невероятный урод, распластавшийся под моими невидимыми сапогами, возможно, нес в себе частицу моей крови…

Кормление заканчивалось. Когда коровье вымя опустело, а бурдюк наполнился, пастух извлек сосок коровы из упорно сосавшего рта со звуком откупориваемой бутылки. На круглых губах вздулся и лопнул молочный пузырь. Полупрозрачные веки медленно опустились на невыразительные глазки. Бурчание во внутренностях заставило содрогнуться живот. Существо начало переваривание.

Повсюду в огромном помещении повторялась та же самая процедура. Пустые животы быстро заполнялись. Тысячи ртов почмокивали, присосавшись к коровьим соскам. Животы бурчали, пастухи негромко посвистывали своим задумчивым подопечным.

Из самых недр земли снова поднялся рокот органа. Мое волнение угасло. Я вновь обрел спокойствие духа, так необходимое для внимательного наблюдения за происходившим вокруг меня.

Первое, на что я обратил внимание, было отсутствие отходов жизнедеятельности. У этих существ, представлявших собой один желудок, точно так же, как у пастухов и солдат, не было анального отверстия. Из этого я сделал вывод, что переваривание пищи сопровождалось у них полным усвоением, без каких-либо отходов.

В центре зала возвышалась круглая платформа, нечто вроде сцены, на которой, как мне удалось разглядеть, что-то двигалось. Я приблизился.

На платформе находились три создания высоких и тонких, едва ли не червеобразных. Они медленно перемещались по кругу, держась за руки и постоянно оставаясь при этом спинами к центру площадки.

Эти кружившиеся передо мной в медленном подобии танца существа тоже были людьми. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на их ноги, тонкие и длинные, но очень похожие на ноги людей нашего времени, или на руки, сплетенные в извечном дружеском рукопожатии. Но какие странные головы увенчивали их тонкие шеи! Одно из существ шевелило ушами, длинными и широкими, словно листья банана. Оно поочередно направляло эти огромные розовые лопасти в разные стороны, словно пытаясь уловить малейший шорох. У второго существа почти все лицо занимал огромный хоботоподобный нос, на конце разделявшийся на две больших ноздри. Крылья носа непрерывно шевелились, напоминая крылья летучей мыши. От головы третьего существа отходили три похожих на змей отростка, три щупальца, то свивавшихся, то снова разворачивавшихся в воздухе. На конце каждого из них находился небольшой белесый выступ. Я догадался об их назначении только после того, как одно из щупалец едва не задело меня. При этом я разглядел на его конце глаз, похожий на перламутровую пуговицу. Это существо размахивало своими тремя глазами! Два из них располагались на лицевой части черепа, а третий вырос на затылке. Существо шевелило всеми тремя глазами одновременно, то протягивая их к потолку, то забрасывая себе за плечо, то опуская до уровня земли в непрерывном поиске бог весть каких образов.

Из уст этих фантастических существ к сводчатому потолку непрерывно поднимался звенящий звук, меланхоличная монотонная жалоба. Они кружили по платформе широкими медленными шагами, держась за руки. Их стоны напомнили мне плач затерявшегося в ночи ребенка. Уши первого, нос второго, глаза третьего, их ноги и руки колебались в дремотном ритме их печального псалма.

Несмотря на невероятные изменения, их лица сохраняли подобие унылых человеческих физиономий. Мне показалось, что они сознавали свое уродство и поэтому были безутешны, хотя и полностью покорны своей судьбе. Однако я думаю, что давая подобную оценку, я слишком поддаюсь своей обычной повышенной чувствительности. Ведь уродливые люди встречаются везде; они кажутся нам

несчастными, мы жалеем их. Тем не менее, многие из них ни за какие деньги не поменяли бы свой нос на нос Адониса.

Я отвернулся от трагического трио. Мне казалось, я догадался о его назначении. Эти существа, снабженные столь невероятно развитыми органами чувств, должны были улавливать все необычное и, возможно, опасное, что происходило в пределах их удивительно утонченного зрения, слуха и обоняния.

Перед этим я уже наблюдал физически развитых мускулистых существ — пастухов и воинов, выполнявших конкретную задачу. Их органы чувств реагировали только на то, что было непосредственно связано с их деятельностью.

Потом я видел существа-животы, питавшиеся за всех остальных обитателей конуса. Да, это было очевидно: они питались для других людей без внутренностей.

Наконец, я познакомился с существами, предназначением которых было смотреть, слушать и нюхать за все общество. Похоже, я начал разбираться в устройстве обосновавшегося в конусе общества. Тем не менее, я решил воздержаться пока от построения гипотез и продолжить исследования.

С того момента, как я оказался внутри конуса, кроме бульканья и бурчанья людей-животов и тоскливого стенанья сторожевого трио, до меня откуда-то издалека постоянно доносились жуткие крики. Я покинул большой зал через потолок и попал в другое помещение таких же размеров. Мне показалось, что я очутился в аду. Вокруг меня яростно пульсировал багровый свет, то и дело резко вспыхивая, словно пламя гигантского костра. Красные грибы покрывали стены и потолок кипящей массой, озаряя тревожным светом заходящего солнца странные существа, занятые, по-видимому, какой-то работой. Мне потребовалось несколько минут, чтобы освоиться с освещением. Я увидел, что на подстилке из сена сидели, расположившись рядами, люди-животы новой разновидности. У них были мощные руки, длинные пальцы, снабженные кривыми когтями, и акульи пасти.

Из туннеля появился пастух со свиньей, приблизившийся к одному из созданий со страшными челюстями. Создание взметнуто в воздух чудовищные лапы-крючья, подцепило визжащую свинью, подтянуло к пасти и в один миг отхватило от тела животного огромный кусок. Менее, чем за минуту со свиньей было покончено.

Должен признаться, что во время моих многочисленных путешествий я далеко не всегда оказывался в состоянии сдержать эмоции, избежать проявления таких чувств, как изумление, ужас или радость. Несмотря на то, что я уже повидал очень и очень многое, каждое новое необычное зрелище по-прежнему волновало меня. Но я всегда старался, чтобы мой разум ученого оставался холодным и ясным.

Мне стало жаль симпатичных розовых свинок, и я склонился над очередной жертвой, принесенной пастухом. Это действительно была наша обыкновенная свинья, невинная спутница святого Антония. Очевидно, это животное оказалось более совершенным, чем человек, так как за прошедшую тысячу веков оно совершенно не изменилось, тогда как человек эволюционировал самым радикальным образом. Впрочем, свинья лишилась хвостика, очевидно, оказавшегося бесполезным.

Мне пришлось заставить замолчать неуместную жалость — разве мы сами не обожаем ветчину? Отвернувшись, я покинул место кровопролития.

Этажом выше, где господствовал нежный зеленый свет, я встретился с третьей разновидностью людей-животов, питавшейся фруктами. Среди них по залу бродили садоводы. Каждый нес в руках только два яблока или две груши — по одному плоду в каждой руке. Я поразился столь бессмысленной трате рабочего времени, но тут же вспомнил, что еще ни разу не видел у людей тысячного века никакого орудия труда, инструмента или хотя бы корзины. Из этого я сделал вывод, что у них не было не только промышленности, но и ремесел.

Четвертый зал освещался грибами, дававшими золотистый свет. Такое жизнерадостное освещение заметно улучшило мое настроение, и я с воодушевлением приступил к дальнейшим исследованиям.

В центре зала находилась огромная емкость, сделанная, как мне показалось, из уплотненной земли. К ее краям поднимались узкие мостки. По ним легкими танцующими шагами взбирались садоводы и, достигнув верха, бросали в емкость гроздья винограда, предварительно раздавив его. Потом они спускались вниз за следующей гроздью. Содержимое емкости бродило. Излишки жидкости стекали по узким желобкам прямо в воронкообразные рты людей-животов, отличавшихся от всех предыдущих красными носами и маленькими веселыми глазками. Они постоянно отрыгивали и, на мой взгляд, больше всех походили на рядового человека нашего времени.

В каждом из осмотренных мной залов, на небольшой платформе в самом центре кружилось в меланхоличном хороводе трио стражей. Они придерживались одинакового ритма и исполняли одну и ту же жалобную мелодию. Еще одна тройка находилась на вершине конуса на небольшой площадке, к которой снизу подходил круто поднимавшийся вверх туннель. Эта тройка наблюдала за окрестностями конуса. Несомненно, именно она обнаружила мое появление. Зеленый скафандр хорошо маскировал меня на фоне травы и некоторое время позволял избежать взоров аргусов. Но когда я начал свистеть и кричать, как слухач с ушами-лопухами сразу же обнаружил меня. Оставалось непонятным, с помощью какого таинственного способа пастухи тут же узнали об моем присутствии, а воины получили приказ уничтожить меня. Первый визит в тысячный век пока не позволял мне найти разгадку. Я полагал, что исследования более ранних тысячелетий позволят понять, с помощью каких средств новые люди общаются между собой на расстоянии.

Находясь высоко над равниной, я мог обозревать огромное пространство во все стороны. Бесконечное множество одинаковых конусов, располагавшихся через равные промежутки, заполняло равнину до самого горизонта, превращая его своими остроконечными вершинами в зазубренную, словно пила, линию. Насколько я мог разглядеть, на каждой вершине конуса находилась такая же гротескная и печальная троица, как и на том, который я изучал.

Пастухи неторопливо возились возле коров и свиней, садовники ухаживали за фруктовыми деревьями и виноградниками. Я не заметил никаких следов недавней резни. Чудесным образом трава уже выросла на месте побоища, и мирные пастбища стерли из моей памяти воспоминания о только что царившей здесь смерти. Коровы мирно щипали траву. Пастухи медленно передвигались между белыми и розовыми животными, приятно выделявшимися на зеленом фоне. Рулады посвистывания и низкий рокот подземного органа заполняли пространство умиротворяющими

звуками. Солнце сияло на небосводе из яркой синей эмали. Новый мир являл собой картину идеального глубокого покоя.

Я решил заснять окрестную панораму. Остановив осциллятор, я достал камеру. На мои органы обоняния тут же обрушился невероятно сильный запах зеленой травы, почти забытый мной. Этот аромат проник в мозг, пропитал всю мою плоть в согласии с ритмом поднимавшихся из зеленых недр низких вибраций и буквально захлестнул все мое существо. Мне даже показалось, что я сам позеленел. Я купался, словно в теплой воде, в нежном душистом воздухе, меня переполняло ощущение блаженства. Приятное оцепенение снова разлилось по моим мышцам, замедлило движения, притупило любопытство. Камера повисла в безвольно опустившейся вялой руке. С усилием я стряхнул чары и продолжил съемку.

Трио стражей за моей спиной ускорило карусель. Их стенания быстро учащались, голоса становились все более высокими. Нос-хобот шумно принюхивался ко мне при каждом обороте тройки. Уши принялись громко хлопать почти над моей головой. Глаза-щупальца судорожно плели вокруг меня замысловатые арабески. Их печальные зрачки то и дело мелькали перед моим лицом.

Я услышал, как в недрах земли вновь зазвучали боевые барабаны. Я представил неумолимое движение шеренг безжалостных воинов. И я не стал дожидаться их появления.

3.

Когда Сен-Мену вернулся, Аннет находилась одна в лаборатории. Отец дремал в гостиной возле открытого окна, уткнувшись носом в бороду. Аннет убирала инструменты, которыми пользовался отец, расставляла по местам сосуды с побулькивавшими растворами. Она закрыла шкаф и напевая прошлась по комнате. Её распущенные волосы тяжелыми волнами спадали на плечи.

Облик высокого худощавого юноши настолько заполнял её мысли, что она почти не сознавала, что постоянно думает о нём. После волнений, испытанных ею перед отправлением Сен-Мену в экспедицию, она быстро успокоилась, уверенная, что вскоре снова увидит его. Так каждый из нас бывает уверен, что увидит утром солнце, когда настанет рассвет.

Сен-Мену возник прямо перед ней.

Она коротко вскрикнула от неожиданности, прижав руки к груди.

— Ах, — сказала она, — вы немного напугали меня.

Сен-Мену ничего не ответил, замерев на месте. Он смотрел, не отрываясь, на неё. Его мозг все ещё был переполнен образами людей тысячного века. Отвратительные животы, акульи пасти, глазки-пуговицы, лапы, вооруженные когтями, чудовищные грудные клетки, спаянные в одно целое ягодицы все ещё танцевали у него перед внутренним взором свою кошмарную фарандолу. И вот после возвращения его встретило самое восхитительное создание его времени — молодая девушка.

Он смотрел на Аннет, обнаруживая все новые и новые чудеса гармонии ее форм, цвета ее кожи, ее поведения.

«Какие у нее красивые глаза! — думал он. — Какие нежные розовые губы! И какими странно бледными выглядят ее щеки на фоне черных волос!»

Он пришёл в восторг при мысли о том, что принадлежит к миру, населенному миллионами подобных созданий. По все земле, днем и ночью, на заре и в сумерках расцветали молодые девушки. И одна из них, простая и нежная, благоухающая молодостью и красотой, предназначена для него! Теперь он знал это.

— Аннет — произнес он несколько глуховатым голосом, — Аннет, я никогда не смогу отблагодарить Бога за то, что он создал вас столь прекрасной.

Он медленно приблизился к девушке. Глаза Аннет, казалось, стали еще больше; казалось, на ее лице, остались только глаза, и они заполнили небо.

Пьер отшвырнул в сторону перчатки, опустил руки на нежные девичьи плечи и почувствовал их тепло. Он словно держал в руках голубку. Потом он обнял девушку, и она вошла в его сердце, превратившееся в нечто огромное и воздушное.

Его судорожно стиснутые руки медленно разжались. Аннет высвободила голову, сильно, до боли прижатую к груди юноши. На щеке у нее остался отпечаток ремня. Она откинулась назад и увидела где-то высоко над собой голову, охваченную зеленым шлемом, и голубые глаза за стеклами очков.

Она глубоко вздохнула, чтобы хоть немного ослабить груз обрушившегося на нее счастья.

Пьер увидел с высоты своего роста потрясенное лицо, обращенное к нему, разглядел небольшую дужку тени у начала скрытых от его взора грудей. Он увидел, как в глазах девушки родились, увеличились и заблестели слезинки. Затем ее глаза медленно закрылись.

Ему почудилось, что наступила ночь. Он позвал:

— Аннет!

Сияющие глаза снова распахнулись, и девушка улыбнулась ему с бесконечной нежностью.

4.

Продолжение отчета Сен-Мену.

За два месяца нашего обычного времени я тридцать раз пересек бездну в тысячу веков и тридцать раз вернулся из будущего. Осциллятор позволил мне ничем не рискуя наблюдать за жизнью наших отдаленных потомков. За эти два месяца я постепенно собрал огромное количество данных. Теперь настало время обобщить их.

За время путешествий, предшествовавших моему первому визиту в 100 000 год, я смог наблюдать начало эволюции современного мне человека после катастрофы 2052 года, когда исчез тот вид энергии, который мы называем электричеством .

Это действительно была страшная катастрофа, в результате которой на Земле из каждых десяти человек погибло девять. И это произошло гораздо быстрее и намного эффективнее, чем в ходе технически наиболее совершенных войн.

Выжившие после катастрофы, как я вскоре смог убедиться, быстро овладели новой силой, источником которой был их мозг. Выяснилось, что электричество не исчезло, а просто изменилось. Некоторые признаки позволяют мне высказать предположение, что новая сила, новая энергия, существовала уже в наши дни. Но мы не знали о ее существовании и не спешили открывать ее — человечеству было вполне достаточно техники, основанной на использовании электричества.

Все люди, уцелевшие после 2062 года, оказались в той или иной степени наделенными новой силой. Но лишь немногие научились использовать этот дар. Первым человеком, сознательно и эффективно применившим новый вид энергии был французский крестьянин по фамилии Фортунэ. Работа в поле казалась ему слишком утомительной, и ему удалось добиться чтобы сначала его слову, а затем и его мысли стали подчиняться не только люди и животные, но и предметы. Инструменты, в которых он нуждался в данный момент, сами собой оказывались у него в руке. Вскоре он вообще перестал пользоваться орудиями труда, сохранив рядом с собой только трубку и кувшин. Он постоянно сидел на скамейке, стоявшей на самом солнцепеке, а человек двадцать работали на него. Постепенно он поработил все население деревни, и сильно растолстел от неподвижного образа жизни.

Все это происходило где-то около 3110 года. Король Оноре III, сорок пятый монарх династии патриарха Франсуа, призвал к себе Фортунэ и отдал его под суд. Бездельник был приговорен к сожжению живым. Когда костер погас, улыбающийся Фортунэ возник из пепла. Толпа, только что плевавшая ему в лицо, разразилась восторженными воплями и тут же обратила свой гнев на короля. Оноре III был немедленно свергнут и на его место был возведен чудотворец. Новый суверен был любителем жить на широкую ногу. Он искренне желал своим подданным счастья. Счастья для всех. Никаких несправедливостей. Он начал с того, что отыскал несколько могучих интеллектов , объединил их и создал нечто вроде аккумулятора психической энергии. На языке того времени это образование называлось «брейн-трест». Люди со слабой психикой, то есть большинство людей, были вынуждены подчиниться его воле. Он командовал даже королем и, в конце концов, упразднил монархию, став единственным и ничем не ограниченным властелином Земли.

Через какое-то время члены «брейн-треста» лишились индивидуальности. Они не получали никакой личной выгоды от своего могущества, да им она и не была нужна. Их общая воля, направленная на достижение всеобщего счастья, подчинила их самих всеобщему закону. Независимо от желания, они стали служить человечеству, хотя могли распоряжаться им совершенно бесконтрольно. Затем к их организации стали подключаться все новые и новые члены, в результате чего их совместная мощь неизмеримо возросла. Казалось, что исходящая от них сила начала жить своей собственной жизнью. Принципы социальной справедливости и общественного блага, достаточно точно сформулированные человечеством, избавились от авторитета отдельной личности, никогда не умевшей применять их на деле. Отныне применение этих принципов гарантировалось наличием неограниченной и ни от кого не зависящей энергии.

Для достижения всеобщего блага новая сила определила каждому человеку конкретную задачу, в соответствии с которой стало постепенно меняться и физическое тело работника, чтобы облегчить и упростить ему выполнение его функций. Затем резко ослабела эмоциональность человека, чтобы не только избежать любых переживаний и нередко болезненных впечатлений, но и для того, чтобы устранить все, что оказалось бесполезным для нормального существования общества.

Таким образом, человек на протяжении нескольких столетий постепенно превратился в элементарную ячейку идеального общества. Теперь человек мог видеть, слышать и обонять только то, что имело непосредственное отношение к его прямым обязанностям. Ничто не могло отвлечь его от выполнения предписанных обязанностей. Человек перестал испытывать страдание, сожаление, зависть.

Население земного шара резко увеличилось. Оно изменило среду обитания в соответствии с тем же принципом всеобщей справедливости. Огромные трудовые армии снесли с лица Земли горы, засыпали океаны, спрятали в подземные трубы реки, выровняли поверхность континентов. Вместо обычного природного круговорота воды (дождь — река — море — облако — дождь) стал применяться метод внутренней циркуляции. Теперь все реки и ручьи текли под поверхностью Земли, и непрерывность движения воды в них обеспечивалась разностью температур земных слоев. Вырытые рукой человека подземные каналы орошали снизу поля и луга, обеспечивая через посредство растений необходимую для жизни влажность атмосферы, доставляли тепло центрального ядра Земли к полюсам и к тому полушарию, в котором наступала зима. В результате удалось избавить человечество от природного неравенства, из-за которого житель Южной Европы наслаждался климатическим комфортом, в то время, как его брат-эскимос, обладающий от рождения равными правами, страдал от сильнейших морозов.

Земля стала неузнаваемой. Исчезли не только заснеженные горные вершины, но даже невысокие холмы; пропали водопады, не стало бурь и ураганов. Совершенно плоская, с повсеместно умеренным климатом, Земля потеряла какую-либо привлекательность для туриста. Но этот род занятий все равно исчез в тысячном веке, потому что к этому времени пропали все бездельники, исчезли люди, способные эгоистически пользоваться чужим трудом и проводить время в бессмысленных развлечениях. Теперь каждый работал на всех и все работали на каждого.

Везде на Земле, где только мне удалось побывать, я видел одни и те же выстроившиеся рядами конусы, в которых жили люди-животы. Между этими совершенно одинаковыми сооружениями земная поверхность была покрыта пастбищами и настоящими лесами плодовых деревьев. По правде говоря, новый человек не был знаком с настоящим земледелием. Он ограничивался тем, что уничтожал бесполезные и вредные растения, оставляя без особого ухода полезные. Кроме того, он уничтожил птиц, рыб, пресмыкающихся, земноводных, насекомых, пауков, червей, моллюсков — всех обитателей воды, воздуха и земли, оказавшихся ненужными ему. Из множества видов млекопитающих осталось только два — коровы и ставшие травоядными свиньи.

Под поверхностью Земли, ощетинившейся рядами конусов, тысячи галерей пронизывали почву во всех направлениях. По ним циркулировали вода, пар и тепло под наблюдением целого сонма подземных рабочих.

Выполненные к тысячному веку работы гигантских масштабов, с которыми никогда не справились бы наши машины и общий план которых не мог быть продуман в деталях ни одним великим инженерным умом нашей эпохи, были задуманы коллективным разумом и осуществлены огромными массами рабочих без единого инструмента. Океаны были засыпаны землей, принесенной в пригоршнях, горы были буквально сцарапаны с поверхности Земли одними ногтями. Но зато какие руки использовались для этой работы! Передние конечности рабочих, поддерживавших в действующем состоянии подземные каналы и прокладывавших новые трассы, превратились в лопаты из рогового вещества, более твердого, чем сталь.

Следует напомнить, что новое человечество располагало огромным количеством рабочих рук, и что все работы, чудовищные по своему объему, выполнялись постепенно, с терпением и упорством, даже представить которые не в состоянии человек нашего времени, постоянно озабоченный изменением своих целей и средств для их достижения.

Несколько путешествий в промежутки времени, отделяющие нас от 100000 года, позволили мне установить примерную продолжительность выполнения некоторых работ. Так, человеческой эрозии потребовалось одиннадцать тысяч лет, чтобы сравнять с землей Альпы. Последний росток пырея был уничтожен около 98000 года, последняя блоха была раздавлена после 15 столетий беспощадной войны. Идеальный мир невозможно построить на следующий день после принятия решения об этом.

Подземные рабочие не имели дыхательной системы и были лишены органов пищеварения и размножения. Их тела представляли собой чудовищную массу мышц. Уплощенная голова предназначалась для утрамбовывания рыхлой земли. Те, кто должен был работать на больших глубинах, вблизи от расплавленного земного ядра, могли купаться в кипящей воде и даже находиться в огне или шагать по текущей лаве, не испытывая ни малейших неприятных ощущений. Коллективная энергия, господствовавшая в обществе, защищала их лучше, чем самая прочная броня. По-видимому, некоторые народы уже в наши дни были знакомы с подобным иммунитетом. Западным путешественникам приходилось встречать индийских факиров и негритянских колдунов, расхаживавших босиком по раскаленным углям, не получая ожогов. Это позволяет мне предполагать, что психическая энергия могла получить более широкое распространение уже в наши дни, если бы нас не устраивало имевшееся в нашем распоряжении электричество.

Таким образом, общество 100000 года управлялось крайне простыми, но неумолимыми законами. Индивидуализм, в котором нас часто упрекают, в этом обществе невозможно даже представить. Человек, член этого общества, больше не думает о себе, как о личности. Он перестал обладать индивидуальным восприятием событий и самостоятельной их оценкой. Он живет только для своих собратьев и только благодаря им.

Тем не менее, в этом столь рационально организованном мире господствует — во всяком случае, внешне — потрясающее неравенство. Одни его члены работают, но не едят, другие едят, но не работают. Это могло бы позволить провести определенную параллель с нашим временем, если бы продукты питания, поглощаемые людьми-животами, не шли на пользу всем членам общества. К сожалению, у нас нет ничего похожего.

Очевидно, каста воинов находится в наиболее привилегированном положении, потому что у воинов осталось не так уж много объектов, с которыми надо бороться. Отважные солдаты проводят все время во сне. Они спят стоя в огромных подземных залах, на нарушая своего построения по четыре воина в ряду. На них, как и на земледельцев, одновременно возложена дыхательная функция коллективного организма. Именно их титанический храп и был звуками подземного органа, сотрясающего почву вокруг конусов.

Воины и земледельцы дышат, люди-животы поглощают и переваривают пищу, трио стражей нюхает, слушает и смотрит за всех. Я еще не смог выяснить, каким образом от одних особей к другим передаются результаты пищеварения, дыхания и ощущений, полученных от неимоверно развитых органов чувств. Несомненно, все, что было получено и переработано отдельными членами общества, направляется в виде некоего вида энергии в какой-то единый резервуар, и в этой энергии буквально купается все новое человечество. Каким образом каждый член общества черпает энергию из этого резервуара? Мне представляется, что у людей 1000 века нет специально предназначенного для этого органа. Можно только предполагать, что их нервная система — или то, что у них осталось от нее — напрямую подключено к этой энергии, которую можно считать кровью нового общества.

Я сам, если только не предпринимал специальных мер, очень быстро подвергался воздействию новой силы. Как только останавливался осциллятор, мне нужно было очень внимательно следить, чтобы моя личность не растворялась в коллективном сознании. Нередко я ловил себя на том, что начинал насвистывать вместе с земледельцами, храпеть вместе с солдатами, жадно протягивать руки к симпатичным свинкам вместе с людьми-челюстями. На мое счастье, каждый раз какое-нибудь небольшое происшествие заставляло меня очнуться, и я тут же становился самим собой. Я нигде не нашел каких-либо следов управляющего органа. Брейн-трест, воля которого подчиняла всех, по-видимому, постепенно распространился на все общество. Но я надеюсь, что позднее смогу найти ответ на этот вопрос. Для этого у меня будет достаточно возможностей во время последующих путешествий. Передо мной встает и другой не менее важный вопрос: каким образом размножается новый человек? Дело в том, что я не встретил ни одной женщины в столь отдаленном от нашей эпохи времени. И если я иногда использую слово «мужчина» применительно к новым существам, то только потому, что не имею более подходящего термина, которым можно было бы охарактеризовать существ, лишенных каких бы то ни было половых признаков.

Я не забываю, что у моих исследований нет другой цели, кроме как открыть секрет абсолютного счастья. Как для всех людей, так и для отдельного человека. Нашли ли это счастье наши далекие потомки? Пока мне кажется очевидным, что их нельзя назвать несчастными. Это уже само по себе очень много. Но счастливы ли они? Я не могу решить эту проблему, пока не выясню, знают ли они, что такие любовь...

5.

Возвращаясь из будущего, Сен-Мену все с большей и большей радостью встречался с Аннет. Она представляла для него все, что придает жизни смысл в нашем уродливом обществе, хронически сотрясаемом катаклизмами и переполненном людскими страданиями.

У нее были длинные волосы, струившиеся по плечам бесполезными волнами, изящная грудь, которая, возможно, тоже так и не станет нужной для кого-нибудь, и стройные ноги, восхитительный изгиб которых отнюдь не являлся общественно необходимой деталью. Черные глаза, такие большие и лучистые, казались Сен-Мену созданными не столько для того, чтобы смотреть, сколько для того, чтобы любоваться ими. Она одевалась очень скромно, но с большим вкусом, и весьма умеренно пользовалась косметикой. Небольшие ножки, обутые в изящные туфельки, ее постоянно сложенные на груди руки, и даже колебание ее строгой юбки вокруг бедер казались бесконечно привлекательными юноше, возвращавшемуся из совершенно другого мира далекого будущего.

Он любил ее за то, что она существовала, за то, что ничего подобного невозможно было найти в мире будущего. Она олицетворяла для его сердца весну с цветами, тянущими свои милые мордочки к солнцу, с птицами, перебирающими клювом перышки на восходе солнца, с капельками воды, которые разбрызгивают по траве ручейки, с розовыми контурами гор на закате, с рисунками морских звезд на песке.

С каждым днем он любил ее все сильнее и никогда не упускал возможности сказать ей об этом, как только они оставались вдвоем. Он мало говорил, но не переставал прикасаться к ней. Ему хотелось, чтобы пальцы беспрестанно подтверждали ему присутствие рядом этого чуда, которое видели его глаза. Он опускал руку на округлость ее плеча или бедра, погружал пальцы в свежесть ее волос. Он привлекал девушку к себе, чтобы ощутить ее всем телом, склонялся над ней и касался губами прекрасного мраморного лба. В эти мгновения он чувствовал, как нежность всего мира переполняет его. Он забывал о своей нескладной фигуре, о длинных руках и слишком коротких рукавах. Он становился частью всемирной радости, подобно цветущей ветви, овеянной ароматным дыханием мая.

В присутствии Эсайона молодые люди старались держаться на расстоянии друг от друга. Пьер дожидался завершения изучения цивилизации будущего, чтобы официально попросить руки Аннет.

Что касается девушки, то она знала, с какой ревнивой любовью относится к ней отец. Она опасалась, что он будет страдать, когда узнает, что его дочь любит еще кого-то кроме него, даже если это ассистент, так необходимый для работы. Аннет боялась момента, когда отец узнает об их решении и старалась оттянуть момент, когда сделает его несчастным.

6.

Отчет Сен-Мену (фрагменты)

Неужели она исчезла? Неужели мир превратился в рай без Евы? В это невозможно было поверить. Раз десять отправлялся я в будущее только для того, чтобы найти ее. Все стены лаборатории были покрыты фотографиями женщин, занятых наиболее характерными для них делами: уборкой, кухней, уходом за детьми. Перед тем, как отправиться в очередную экспедицию, я старался заполнить свои мозги их образами. Это ни к чему не приводило. Я подолгу пялился на фотографии кормилиц, но в результате оказывался на пастбище среди моих старых приятельниц-

коров. Когда однажды я заставил себя приобрести, заливаясь краской, порнографические открытки у грязно ухмыляющегося уличного сутенера, то так и не смог ими воспользоваться ими. Для моих современников любовь превратилась в порок, удовольствие или привычку, но чаще всего — в развлечение. У меня не было сомнений, что в 1000 веке она снова стала реализацией своей наиболее примитивной функции.

В итоге я воспользовался учебным фильмом, по которому студенты-медики знакомились с родами, протекающими с осложнениями. Таким образом, я отправился в будущее с головой, забитой чисто физиологическими картинами, свободными от какой-либо сентиментальности или эротической настроенности.

Я прибыл на место вечером. Неподалеку от меня возвышался холм. Его окружность у основания была примерно два километра. Правильная полусферическая форма свидетельствовала о том, что он был творением рук человека. Сразу же после прибытия мне пришлось нажать на кнопку осциллятора, так как я очутился в самой гуще толпы. Окружавшие меня существа встретились мне впервые. Они были такими миниатюрными, что едва достигали мне до колена. Все они двигались в одном направлении — к холму. Они бежали, то и дело проскакивая сквозь меня. Что за срочное дело заставляло их так торопиться? Их суета напоминает толчею овечьих отар на дорогах Прованса. Заходящее солнце окрашивает их силуэты в кирпично-красный цвет, заливает пурпуром поднимаемую тысячами ног пыль, покрывает розовой краской холм.

Я наклонился, чтобы лучше рассмотреть этих карликов. Впервые за время вылазок в далекое будущее я оказался среди похожих на меня существ. Может быть, именно поэтому они показались мне даже красивыми. Круглая голов, покрытая короткими вьющимися волосами, тонкие черты лица. Рельефные мышцы тела напоминали бронзовую скульптуру атлета, стоящую на камине в моей комнате. Стеснительный скульптор лишил его признаков мужественности; эти признаки отсутствуют и у окружающих меня гомункулусов. Как ни печально, но и на этот раз я не вижу вокруг меня ни мужчин, ни женщин. Неужели мое очередное путешествие будет столь же бесполезным, как и все предыдущие?

Бросив свое тело вперед движением плеч, я медленно планирую над бесконечной толпой. Удары сердца то немного приподнимают меня, то снова опускают. Я продвигаюсь к холму, словно раскачивающийся на волнах обломок кораблекрушения.

Теперь я вижу, что маленькие существа уже не могут не только бежать, но даже просто продвигаться вперед шагом, такой плотной стала толпа. Карлики теснятся, толкаются, смыкают ряды. Сейчас они напоминают мне селедок в бочке. И вот они уже почти не двигаются. В нетерпении их ноги скребут почву, пробуксовывая на месте. Бесчисленные головы колеблются в клубах густой пыли, словно колосья на ветру. Я проскальзываю над толпой и оказываюсь над свободным пространством. Несколько метров отделяют толпу от круто возносящегося вверх обрыва. Кажется, что малюток останавливает какая-то высшая сила. Первые ряды охвачены непонятным возбуждением. Сзади на них продолжают напирать вновь прибывающие, но они топчутся на месте, переступая босыми ногами по утоптанной земле и поднимая пыль. Трещат сдавливаемые грудные клетки; плотная

человеческая масса медленно перемещается вдоль крутых склонов горы, образуя чудовищное подобие водоворотов.

По всей окружности обрыва примерно через два метра размещены небольшие отверстия, по высоте соответствующие росту людей. Отверстия не освещены, но именно на них направлены жадные взгляды, именно сквозь этот мрак стремятся они проникнуть. Время от времени то родно, то другое существо, похоже, находит то, для чего оно примчалось сюда. Человечек испускает радостный вопль и устремляется в отверстие.

Мне приходится нагнуться, чтобы заглянуть в одну из дыр. То, что я вижу, переполняет меня изумлением. Я перехожу от одного отверстия к другому, просматривая их подряд. Иногда кто-то из толпящихся вокруг меня карликов стрелой пронизывает мое тело, и я слышу, как его торопливые шаги быстро затихают в недрах горы.

В конце каждого темного туннеля, где-то далеко в толще земли, пульсирует ярко освещенное изображение, кажущееся одновременно реальным и бесплотным. Своего рода призрак, наделенный всеми красками живой плоти.

В этом отверстии — бюст женщины, в том — часть лица, далее — костлявый бок, жирный зад, вздувшийся живот, большая нежная грудь, улыбка, небольшая острая грудь, белокурые локоны, ямочка на щеке, покрытая жировыми складками спина, родинка на бедре, изящная рука, голубой глаз, прямой римский нос, лодыжка, нос с горбинкой, пухлые губки, розовое ушко…

Продолжаю изумленно вглядываться в открывающиеся моему взору картины и вижу тысячи фрагментов женских тел. Тощих или жирных, уродливых или прекрасных, блондинок или брюнеток, молодых или старых. Всю женщину. Всех женщин. Маленькие человечки продолжают свой хоровод вокруг этой выставки образцов, и каждый раз, как только кто-нибудь из них оказывается перед своим идеалом, осознанным или нет, он неудержимо устремляется вперед, пересекает висящую в пространстве картинку и исчезает в темноте. Снова появляющееся после этого изображение продолжает пульсировать удивительно живыми красками, приманивая все новых и новых страждущих.

Я решаю сфотографировать один из наиболее соблазнительных образов. Это женская спина с удивительно чистыми восхитительными линиями, прекрасная, словно фрагмент античной статуи. Похоже, что она достаточно хорошо освещена, чтобы получить удовлетворительный снимок. Останавливаю осциллятор, достаю камеру и поворачиваюсь к узкому лазу.

Меня тут же охватывает сильнейшее удивление: роскошные белоснежные плечи исчезли; вместо них на меня смотрят черные глаза. Пара так хорошо знакомых черных глаз, любимых глаз, глаз женщины, которую я не могу назвать, хотя знаю, что она воплощает стремления всей моей жизни. Они сияют самым чудесным светом, изливая на меня бесконечный поток любви. Та, что любит меня, зовет к себе. Я слышу ее зов. Толпа вокруг толкается, задыхается, бормочет, стонет. В шуме человеческого прибоя слышу голос любимой: «Иди же ко мне, я люблю тебя, иди скорее, я твоя…» Толпа карликов мучается, бормочет, потеет. В густом запахе стада самцов улавливается аромат духов той, что ждет меня. Всем телом ощущаю ее тепло. Чудовищная энергия вскипает во мне неудержимой волной. Руки сами собой

взлетают к небу. Вздувшиеся мышцы едва не ломают кости. Кровь бешеными фанфарами гремит в ушах. Меня швыряет вперед. Я бегу, крича от счастья. Сейчас я сольюсь с моей единственной…

Сильный удар по голове приводит меня в чувство. Оказывается, я налетел на вертикальный откос горы. Из носа течет кровь. К счастью, вход в туннель оказался для меня слишком низким. И слава Богу! Хорошо, что мои очки из небьющегося стекла… Прежде, чем наваждение снова овладевает мной, включаю осциллятор. Очевидно, я в очередной раз подвергся воздействию той силы, что правит новым миром.

Решаю выяснить, что ожидало меня, если бы мне удалось проникнуть в туннель. Устремляюсь к разгадке тайны, пересекаю стометровую толщу земли и оказываюсь под сводами гигантского зала. Светящиеся грибы светятся на стенах и потолке. Их голубое свечение очень похоже на летнее небо.

Чудовищная бесформенная масса заполняет зал, почти доходя до стен. Это живое существо… Огромное существо весом, по-видимому, во много сотен если не тысяч тонн скрывается в недрах горы подобно моллюску в раковине. Розовая кожа существа кажется удивительно нежной, шелковистой, как кожа на щечке ребенка или на девственной груди девушки.

Перед каждым из туннелей, связывающих зал с внешним миром, чудовищное создание выдвигает из тела короткий отросток, заканчивающийся отверстием, похожим на вялый рот. Как только из туннеля показывается очередной гомункулус, рот мгновенно широко распахивается, заглатывает добычу и закрывается с хлюпающим звуком. Отросток втягивается, и гора плоти поглощает жертву с дрожью наслаждения. Почти сразу же после этого рот на конце отростка снова открывается и придвигается к отверстию туннеля. Обхожу гигантское существо вокруг. Повсюду наблюдается одно и то же. Оно непрерывно заглатывает всеми своими ртами бесчисленное количество восторженных человечков — наверное, несколько сотен в минуту. Тысячи ртов, непрерывно открывающихся и закрывающихся, создают сплошной звуковой фон, напоминающий медленный плеск маслянистых волн.

Нетерпеливая толпа, теснящаяся снаружи, очевидно, не представляет, какой страшный конец ждет внутри любого, проникшего в туннель, к какой ужасной ловушке влекут его соблазнительные миражи. Но есть ли у этих существ понятие смерти?

Изучая более внимательно гигантское существо, я заметил, что оно не лежит на поверхности земли, а погружается в нее. Следовательно, мне видна только его верхняя часть. Для проверки ныряю в толщу земли, погружаясь в нее, словно камень в воду.

Я оказываюсь в огромном зале, освещенном все тем же ярким голубым светом. Вокруг меня суетятся представители всех уже знакомых мне разновидностей людей 1000 века. Снова я слышу звуки, столь характерные для новых времен, звуки, которые можно назвать молчаливым шумом. Это шум от топота ног бесчисленных существ, не произносящих ни одного слова, не испускающих ни единого вздоха.

Потолок зала, обширного, как небосвод, образует основание существа-горы, напоминающее нижнюю часть баллона воздушного шара. От него отходит огромный отросток-рукав, отверстие которого шириной напоминает Сену вместе с

Елисейскими полями. Из него медленно и безостановочно выдавливается странный конгломерат, распадающийся на составные части, как только он достигает пола. Здесь каждая часть, каждый составной элемент начинает шевелиться, встряхивается, встает на ноги — и я вижу перед собой человека новых времен. Так появляются сотни, тысячи воинов, земледельцев, людей-животов, подземных рабочих, стражей, уже разбившихся на тройки и крепко держащих друг друга за руки. То и дело появляются еще незнакомые мне разновидности, назначение которых мне неизвестно. Все они тут же разбиваются на группы, соответственно своему предназначению, и каждая группа направляется к отдельному выходу. Я с удивлением замечаю, что земледельцы несут под мышкой пустые сложенные в несколько раз оболочки людей-животов.

Теперь я начинаю понимать смысл всего, что мне пришлось наблюдать в новом мире. Я присутствую в зале, где непрерывно рождаются толпы новых людей. Существо-гора, укрывающееся внутри своего земляного кокона, это… Нет, я не могу сказать, что это женщина. Это самка, аналог муравьиной королевы. А гомункулусы, в нетерпении топчущиеся в клубах пыли под горой — это самцы.

Мне становится понятна их радость — ведь они устремляются не к смерти, а к жизни. Насколько более жалкими по сравнению с ними кажутся мне мои современники, мои братья! Насколько они более мелочны! Они отдают себя женщине только для того, чтобы тут же забрать все назад. Они полны расчетливости и задних мыслей. После секунды самозабвения они тут же прячутся в панцирь самодовольства и эгоизма. Наши отдаленные потомки отдают себя женщине целиком — всю плоть, все тело — разом и навсегда! Им не нужен мужской половой орган, потому что этим органом является все их тело, целиком растворяющееся в женщине. Именно об этом мечтали многие влюбленные и поэты нашего времени! Правда, при этом они были твердо уверены, что находятся в полной безопасности, так как им не грозила угроза раствориться подобным образом, как бы они ни стремились к предмету обожания…

Каждый из маленьких человечков будущего приносит себя в жертву законам времени. Они уходят в небытие в пароксизме любви, чтобы обеспечить продолжение вида. От этого идеального союза рождаются взрослые дети, сразу после появления на свет спешащие к месту своей работы и прекрасно знающие все, что входит в их обязанности.

Тысячеликий мираж, привлекающий маленьких самцов к единственной самке, по-видимому, является уникальной особенностью, общей для любви как нашего времени, так и далекого будущего…

Я вернулся в верхний зал. Непрерывное жертвоприношение продолжалось. Оно, разумеется, и должно быть непрерывным, происходить и днем, и ночью, так же, как рождение.

Я продолжаю медленно подниматься, подобно невесомому облачку, скользя вдоль розового бока, за которым совершается таинство появления новой жизни. Следуя плавному изгибу, я добираюсь до вершины купола.

В верхней точке гигантского тела, под самым сводом, на постели из золотых волос покоится голова матки. Едва ли намного больше головы женщины нашего времени, она откинута назад. Ее глаза закрыты. Пышные волны волос обрамляют ее

лицо, плещутся у моих ног. Тонкие черты лица, гладкий лоб, небольшие изящные ушки, бледные щеки — вот слагаемые ее волнующей красоты. На несколько впалых щеках лежат патетические тени. Легкий намек на улыбку таится на ее сомкнутых устах, создавая вокруг царицы ореол тайны. Она прекрасна красотой всех женщин нашего времени. На ее лице играют отблески высшего наслаждения любви, в чем-то сближающегося с ужасами смерти.

Время от времени очередная вспышка эмоций, очередная буря чувств немного искажает купающееся в золоте лицо, искривляет рот, омрачает чело. Не поднимая век, она перебрасывает голову то влево, то вправо по золоту своих волос; затем ее лицо искажается судорогой, но через мгновение все возвращается к начальному спокойствию. И я не могу догадаться, то ли это судорога наслаждения от слияния с мужчиной, то ли муки роженицы, на миг нарушающие ее покой.

7.

Во время этого путешествия Сен-Мену обнаружил множество таких же гороподобных существ, расположенных на значительном расстоянии друг от друга вдоль линии экватора.

Вернувшись к Аннет, он уже не с таким энтузиазмом вспоминал судьбу набольших самцов 1000 века. Он любовался девушкой, гибкой и грациозной, непрерывно передвигающейся по дому и создающей при этом своими руками феи гармонию чистоты и порядка. С ощущением счастья он думал о том, что после того, как растворится в ней, то сможет обрести вновь себя только для того, чтобы растворяться в ней вновь и вновь.

Со своей стороны, Аннет пыталась представить свою сестру будущих времен по описанию молодого исследователя. Когда она вообразила ее, занятую непрерывным поглощением множества самцов, то почувствовала сильное волнение. Она увидела себя в окружении тысяч и тысяч маленьких Сен-Мену и... Но представлять дальнейшее ее воображение отказывалось. Она покраснела и подняла сияющие глаза на высокого юношу, едва удерживавшегося от того, чтобы не обнять ее в присутствии отца.

Эсайон в это время работал над книгой эссе «Эволюция человека». Научная страсть ослепляла его. Последний отчет Сен-Мену буквально потряс ученого. Он разработал новую модель камеры, зарядив ее пленкой, чувствительной к инфракрасному излучению. На несколько дней он заперся в лаборатории, никого не впуская к себе. Однажды утром он сообщил Сен-Мену, что собирается сопровождать его в одной из ближайших экспедиций в будущее.

— Но это же безумие! — воскликнул Пьер и воздел руки к небу, чтобы наглядно выразить свое негодование. При этом он зацепил лампочку, закачавшуюся под потолком.

— Не разрушайте мою аппаратуру! — с улыбкой сказал ему Эсайон. — Почему вы считаете, что это безумие? Я обработал ноэлитом один из металлических лабораторных стульев. Сидя на нем, я отправлюсь в путешествие и в таком же положении вернусь назад. Оказавшись в будущем, я буду защищен от всех

опасностей, благодаря осциллятору. Мне хочется хотя бы однажды увидеть мир будущего своими глазами.

— Я понимаю ваше любопытство, — кивнул в ответ Сен-Мену. — Тем не менее, я не могу поддержать ваш проект.

— Любопытство? — перебил его ученый. — Вы не совсем правы, мой дорогой. Это скорее нетерпение. Мы уже знаем, что в странном обществе будущего одни работают за всех, другие едят, дышат, занимаются любовью, рожают или сражаются за всех, но мы до сих пор не имеем понятия, кто же там думает. Мне представляется, что в одиночку вы еще долго будете топтаться на месте, прежде, чем доберетесь до истины.

Говоря это, Эсайон машинально комкал обеими руками свою роскошную бороду. В его глазах появилось мечтательное выражение. Он продолжал:

— Итак, я хочу быстрее продвинуться дальше в наших исследованиях. Мне кажется, что 100 000 год не раскроет нам секрет человеческого счастья. И я почти уверен, что эта цивилизация обречена на исчезновение. 1000 век уже становится для меня прошлым.

В этот же день после обеда он дал Филомене таинственное поручение. Та ушла в город и через пару часов вернулась с каким-то кудрявым незнакомцем, который заперся вместе с Эсайоном в кабинете ученого. После уходя гостя Эсайон позвал к себе Пьера и Аннет.

Они дружно воскликнули от изумления. У калеки исчезла борода. Бледный подбородок прикрывал ему горло и спускался несколькими складками на грудь. Его лысый череп казался почти загорелым по контрасту с долго скрытой от солнца кожей щек.

Перед зрителями находился совершенно другой человек, хотя в его привычном облике недоставало только бороды. Это был человек более приземленный, более материальный и гораздо менее величественный. Сен-Мену впервые увидел рот ученого, словно сбросивший покров тайны. Он показался юноше одновременно и волевым, и чувственным, с пухлой нижней губой и узкой верхней, очевидно, отражающей непреклонность характера.

— Борода помешала бы мне надеть скафандр — пояснил толстяк, кивнув на груду золотых волос на полу. — Мы можем сдать волосы старьевщику, как вторичное сырье. Здесь вполне хватит материала на пару шлепанцев!

8.

Несмотря на все возражения Сен-Мену, они все же отправились в очередное путешествие вдвоем. Тонкий высокий Пьер стоял, держа за руку огромного толстого мужчину, сидевшего на стуле. Сигнал к старту подала Аннет. Она торжественно произнесла: «Один! Два! Три!» и Сен-Мену с Эсайоном одновременно нажали на кнопки. Перед этим, они несколько раз репетировали момент отправления. Им обязательно нужно было стартовать в одну и ту же секунду, чтобы прибыть к месту назначения вместе.

Когда мужчины исчезли, Аннет вздохнула и принялась приводить лабораторию в порядок, готовясь к завтрашнему дню. Она записала в толстый красный журнал с результатами исследований данные о изменении проводимости меди, покрытой слоем ноэлита. Ей хотелось работой заглушить грызущее ее беспокойство. У нее мелькнула мысль, что пора бы снова отправиться в довоенный 1939 год. У Филомены кончилась пшеничная мука для пирогов.

Эсайон и Пьер прибыли в будущее вместе, приземлившись на вершине круглой горы. С этого наблюдательного пункта взволнованный ученый смог окинуть взором картину новой Земли. Избавленный от своего веса благодаря осциллятору, Эсайон устремился вслед за Сен-Мену, словно наполненный горячим воздухом шарик. Они облетели ГРУ, наблюдая за кидающимися навстречу миражу маленькими самцами. Вместе с ними исследователи пронизали толщу земли и увидели, как совершается жертвоприношение. Эсайону захотелось взглянуть на лицо матки. На этот раз она оказалась брюнеткой. Свет играл отблесками голубого огня на поверхности волнующегося моря ее волос. Ученый склонился над женщиной, ежеминутно тысячу раз вступающей в брак и тысячу раз избавляющуюся от рождающегося потомства. Тяжелые, словно мраморные, бледные веки медленно приоткрылись. На двух потрясенных мужчин уставились глаза без зрачков, белые глаза статуи. Через несколько секунд они снова закрылись, сохраняя волшебный сон.

Поскольку осцилляторы двух скафандров не могли работать синхронно с идеальной точностью, оба ученых могли видеть друг друга только бламгодаря случайной интерференции, происходившей с частотой примерно двадцать раз в секунду. Задержка изображения на сетчатке глаз позволяла им связывать в непрерывную последовательность чередование отдельных картинок.

Они совершили непродолжительную прогулку над мирной равниной. Сен-Мену пришлось несколько раз остановиться, чтобы снять шлем и высморкаться. Его насморк, ставший хроническим, болезненно отдавался в ушах и во лбу.

— Мой бедный друг! Мне придется серьезно заняться вашим здоровьем! Я постараюсь найти лекарство от вашего недуга! — воскликнул Эсайон.

Одна из этих кратковременных остановок позволила ученому увидеть, как функционирует система оповещения в случае появления неожиданной опасности, и понаблюдать за кровавой работой воинов.

Продолжая путешествие, они посетили подземную часть конуса. Они увидели, как глубоко под землей огнестойкие рабочие прокладывают туннели, то и дело погружаясь в лавовые озера. Но они так нигде и не встретили существо, способное мыслить.

Поднявшись снова на вершину горы, они выключили осцилляторы. Эсайон продолжал восседать на своем верном стуле, прикрепленном к его задней части отходящими от пояса ремнями.

— Я захватил с собой кое-что. Надеюсь, это поможет нам добраться до места, которое мы разыскиваем, — обратился он к Пьеру.

Толстый скафандр делал еще более неловкими движения его коротких рук, и он с трудом дотянулся до висевшей на животе сумки. Покопавшись в ней, он извлек на божий свет большой конверт из плотной бумаги.

— Сначала мы подрегулируем наши приборы! — бросил он спутнику. — Нам придется совершить еще один прыжок вперед во времени, совсем небольшой, всего на полчаса. Это нужно для того, чтобы попасть в нужное место.

Достав из конверта фотографию, он протянул ее Сен-Мену. Это был фотомонтаж, на котором в виде мозаики были показаны крупнейшие научные и учебные центры XX века. Там были Сорбонна и Гейдельберг, Оксфорд и Политехнический институт. Рядом с комплексами зданий размещались фотографии корешков двадцатитомной энциклопедии Лярусса, двора детского сада, здания министерства образования Французской Республики, фасада Высшей политехнической школы, купола Французского института.

Они тут же очутились вдвоем в большом сводчатом помещении, и их охватила сильнейшая жара. Рядом с ними кружилось трио стражей. Прежде, чем они успели поднять тревогу, Эсайон и Сен-Мену исчезли.

Круглый зал, в котором они очутились, не превышал двух десятков метров в поперечнике. В центре зала возвышалась колонна, вокруг которой передвигались стражи. В стенах виднелись десятки ниш, размещенных по всей высоте стены от пола до начала свода. Люди, отличавшиеся от рабочих на поверхности бледным цветом кожи, переходили от одной ниши к другой и, кажется, наблюдали за происходящим в нишах. Ученые различили в каждой из ниш стопки предметов, похожих на слабо светящиеся плоские цилиндры, сложенные в стопки.

Излучаемый цилиндрами розовый свет смешивался со светом грибов, усеивавших потолок. По размеру грибы были не больше стеклянных шариков для детских игр. Они размножались, росли и погибали со скоростью пузырьков пара в кипящей воде.

В первые же мгновения после прибытия путешественники почувствовали, как им в ноздри хлынул острый сладковатый запах. Можно было подумать, что они попали в хлев.

Время от времени то один, то другой цилиндр угасал, после чего наблюдатель осторожно разбирал стопку, доставал погасший цилиндр и выходил из комнаты. Затем появлялся другой дежурный с блестящим новеньким цилиндром и восстанавливал стопку, доводя ее до прежней высоты.

Призрак Эсайона несколько раз облетел зал по периметру, то и дело останавливаясь, словно его то подхватывали, то отпускали порывы капризного бриза.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил он у Сен-Мену, указывая на ближайшую стопку цилиндров.

Пожав плечами, Сен-Мену высказал предположение, что это сыры. Тень ученого фыркнула и произнесла удивительные слова:

— Это мозги!

Пораженный Пьер должен признать очевидное. Он узнал сплющенные и деформированные полушария мозга, рог Аммона, шпору и другие знакомые по анатомии детали. Некоторые из них сильно уменьшились, другие увеличились, третьи приобрели способность светиться подобно глазам ангорского кролика.

Сложенные стопками мозги, завернутые, словно в целлофан, в прозрачную оболочку, подвергались медленному брожению, пульсируя при малейшем шуме.

На оболочке каждого мозга виднелись небольшие круглые отверстия, образующие знак, похожий на букву «Х». Эсайон указал на них дрожащим пальцем. Сен-Мену услышал его вибрирующий от волнения голос.

— Это же символ нашей школы! — воскликнул Эсайон. — Эмблема Политехнического института! Как и в прошлом, так отмечают мозги с наиболее мощными мыслительными способностями.

Только теперь Сен-Мену понял, почему мир 1000 века столь упорядочен, столь идеален. Эволюция, так изменившая человечество за 100 000 лет, фактически началась в 1940 году. Она неумолимо продолжалась все это время, несмотря на любые катастрофы. Брейн-трест взял на себя задачи разных институтов, комиссий и организационных комитетов.

Покинув зал с мозгами, путешественники оказались в еще одном таком же, после которого потянулась анфилада таких же, совершенно одинаковых помещений. Призрак толстяка Эсайона с привязанным к заду призраком стула, отважно летел впереди. Долгое время они двигались по прямой, но хранилище мозгов казалось бесконечным. Внезапно они наткнулись на перпендикулярно расположенный туннель и свернули по нему направо. Вскоре они достигли широкой подземной трассы.

Мимо мрачных стен медленным тяжелым шагом двигались люди с темной кожей, образуя три параллельные цепочки. Их кожа блестит, словно хитиновый панцирь насекомых. Неподвижные лица напоминают маски из эбенового дерева. В двух цепочках, двигающихся в одном направлении, каждый из них несет на плече труп существа 1000 века. Воины, земледельцы, рабочие, трио стражей, не расстающихся даже после смерти, с волочащимися по земле ушами, доставляются к месту погребения.

Середина туннеля занята третьей вереницей возвращающихся обратно черных могильщиков. Они идут с пустыми руками. Шум, производимый тысячами босых ног, шаркающих по утоптанной земле, отражается от сводов туннеля, заполняя его глухой вибрацией.

Эсайон и Сен-Мену смешиваются с процессией могильщиков. Вместе с ними они подходят к краю огромного колодца, обнесенного невысоким парапетом. Заглянув вниз, они увидели, что стены колодца покрыты массой грибов, пульсирующих зеленым светом. Они то и делдо взрываются, разбрасывая вокруг зеленую фосфоресцирующую пыль. Бледно-зеленое облако клубится в пропасти, из которой доносится странный шум, напоминающий эхо моря в поднесенной к уху раковине или завывание диких зверей. Этот вой приглушается благодаря огромному расстоянию и едва ли громче тишины. Тем не менее, вместе с ним из недр к путешественникам поднимается невыразимый словами ужас.

Сен-Мену чувствует, как на его коже дыбом встают все волоски. Он предпочел бы немедленно убраться отсюда, но невозмутимый Эсайон продолжает наблюдать за происходящим.

Со всех сторон к колодцу подходит не менее десятка туннелей. По ним непрерывной лавиной движутся носильщики трупов. Подойдя к парапету, они

бесстрастно швыряют свою ношу в пустоту и тут же направляются обратно. Мертвецы падают с болтающимися конечностями, свернутыми набок головами и растопыренными, словно лепестки цветка, пальцами рук. То и дело кто-нибудь из них прочерчивает рукой или ногой косую темную линию на светящейся стенке колодца, тут же покрывающуюся мгновенно разрастающимися светящимися грибами. А тело продолжает падать, медленно вращаясь в облаке светящейся пыли. Зеленоватый туман быстро поглощает его, скрывая от глаз наблюдателей. Нескончаемый дождь танцующих в воздухе трупов все идет и идет. Кажется, что мертвецы подают живым зловещие знаки бессильными руками и тут же исчезают в мертвенно-бледной зеленоватой дымке. На их месте сразу же оказываются другие, в свою очередь улетающие в никуда. Звуки их падения на дно не достигают устья колодца; трупы бесшумно пропадают, поглощенные ужасным дыханием бездны.

Эсайон машет рукой Сен-Мену.

— Я достаточно увидел здесь. Поднимемся наверх! — кричит он.

Сен-Мену с облегчением подчиняется. По мере подъема он узнает родильный зал, врезается в чудовищную массу женщины-горы, пронизывая магму зародышей в ее теле, ее мрачно колышущиеся внутренности и, наконец, вырывается на воздух, оказавшись на вершине горы.

Остановив осциллятор, он дышит полной грудью, радостно впитывая запахи свежей травы, и дружелюбно приветствует простирающееся над ним синее небо.

Рядом тяжело отдувается Эсайон. Ножки его стула глубоко погрузились в мягкую землю.

— Хотел бы я знать, — задумчиво произносит Сен-Мену, — какой ад находится на дне пропасти, которую мы сейчас видели. И какие жуткие существа издавали эти леденящие душу стенания.

— Мой бедный друг, — отвечает Эсайон, — вы никак не избавитесь от избытков воображения. То, что вы называете стенаниями, это, несомненно, всего лишь шум подземной реки, если не целого озера. Не исключено, что так может шуметь внутренний огонь. Так или иначе, с помощью воды или огня Земля возвращает себе все, что забрали у нее живые существа. Поскольку люди нового времени поглощают без остатка все, что съедают, не оставляя после себя отходов, превращение их тел после смерти в пыль является для Земли единственным способом сохранить плодородие почвы. Если бы эти существа пожирали своих мертвецов — ведь известно, что многие дикие племена даже в наше время еще сохраняют этот обычай! — то Земля постоянно теряла бы очень многое, ничего не получая взамен. Ее вещество мало-помалу полностью превратилось бы в энергию, и человечеству пришлось бы существовать внутри полого шара. Живое вещество постепенно заполняло бы его до наступления момента, когда единственной оставшейся возможностью было бы его полное превращение в эфир...

— Прослушайте, — прервал его Сен-Мену, — нас обнаружили!

Грохот ударов в груди-барабаны поднимается из земных недр. Воины, стройными рядами выходящие из расположенных поблизости конусов, окружают тройной живой стеной гору, на которой находятся наши путешественники. Они превращают в месиво толпы маленьких самцов, которых ни тревога, ни угроза

гибели не может заставить прервать бесконечной хоровод вокруг желанного женского тела. Затем воины начинают карабкаться вверх по склонам горы, вонзая когти в утрамбованную землю.

— Пора исчезать! — бросает Эсайон. — Но мне нужно еще раз увидеть голову матки. Я хочу проделать один небольшой опыт.

Через несколько мгновений они уже под сводами купола. Эсайон, набравший слишком большую скорость, исчезает в теле гигантский самки. Через секунду он снова появляется в поле зрения Сен-Мену, хотя и вверх ногами.

— Могу только позавидовать ловкости, с которой вы передвигаетесь, — ворчит ученый, остановив свой осциллятор. — Для меня ваш способ эфирного передвижения таит массу не слишком приятных неожиданностей.

Сен-Мену тоже возвращается в материальный мир. Его голова почти достает до низкого свода помещения. Ноги небрежно попирают пышные рыжие волосы; их огненные волны разливаются на несколько метров в стороны от находящегося в центра зала женского лица.

Через их роскошное покрывало он ощущает, как мягкое тело продавливается под его гонами, словно поверхность надувного резинового матраса.

— Помогите-ка мне слезть со стула, — говорит Эсайон. — Мне кажется, что его железные ножки вот-вот проткнут кожу нашей красавицы.

С помощью Сен-Мену Эсайон тяжело опускается на бок, отстегивает стул и, наконец, усаживается на ковре буйных рыжих волос.

— Вот так-то будет лучше, — бормочет он, с трудом переводя дыхание. — Теперь мы посмотрим, каким образом новое человечество избавляется от этих гигантских тел после того, как они умирают.

— Что вы собираетесь делать? — С тревогой спрашивает Сен-Мену, побледнев от предчувствия чего-то нехорошего.

— Ничего особенного. Я просто попытаюсь сейчас убить эту даму, — бросает ученый с таким спокойствием, словно речь идет о жизни лабораторной мышки.

Он достает из сумки большой кухонный нож, лезвие которого отбрасывает колючие голубые блики.

— Если проткнуть ей коду сбоку, то нас может захлестнуть поток крови или лимфы, да и вред ей от этого будет небольшой. Я вижу у нее только одно уязвимое место — это голова. Полагаю, что мы достигнем цели, отрезав ей голову. Не хотите ли заняться этой операцией? Ведь вы будете порасторопнее меня...

Сен-Мену резко опускается рядом с Эсайоном. Когда он услышал предложение ученого, у него подогнулись ноги.

— Вы... Я... Но я ни за что не смогу сделать это! — удается, наконец, выдавить ему несколько слов. — Вы не должны... Это же просто убийство!

Эсайон недовольно качает головой.

— Нет, Пьер, вы никогда не станете настоящим ученым, если будете так поддаваться эмоциям. У вас чувствительность рядового обывателя, читателя

ежедневной газеты, мой бедный друг! Речь идет не об убийстве, а об операции. Принося эту женщину в жертву науке, мы тем самым всего лишь удаляем одну из воспроизводящих ячеек общества нового мира. Не сомневайтесь, она будет быстро заменена другой такой же. Для меня очень важно знать, как будет убрано это тело и размещено новое. Ладно, вы все-таки слишком молоды для серьезного дела! Придется мне самому выполнить эту процедуру…

Он хватает нож и поворачивается к голове. Женщина ничего не замечает, ее глаза закрыты. Эсайон передвигается с большим трудом, ему приходится ползти на животе. Расстояние между ним и его жертвой не превышает одного метра, но калека вынужден сделать по пути несколько остановок. На преодоление всей дистанции уходит не менее пяти минут. Наконец приблизившись, Эсайон садится и ждет, пока успокоится дыхание. Голова женщины находится прямо перед ним, она почти прижата к его животу. Он наклоняется с большим усилием, ему еле-еле удается протянуть вперед руки над животом. Схватив голову за волосы и наклонив ее к себе, он несколькими движениями ножа перерезает шею.

Сен-Мену не может оторвать взгляд от лица жертвы. Странно, но на нем никак не отражаются боль и страдание. Трепещущие уголки рта и слегка нахмуренные брови расслабляются, на лице появляется выражение глубокого покоя.

— Нож вошел, как в масло, — говорит, тяжело отдуваясь, ученый. Только что перенесенное физическое напряжение едва не прикончило его. — Нет ни костей позвоночника, ни крупных сухожилий. Да и к чему они! И крови тоже нет, посмотрите!

Сен-Мену видит ровный срез шеи, из которого не выделяется ни капли жидкости. Очевидно, это связано с тем, что через шею не проходят ни артерии, ни вены, ни пищевод. Только несколько нервных волокон белыми пятнышками выделяются на фоне розовой плоти.

— Сечение шеи — спокойно комментирует ученый, — весьма похоже на срез куска ветчины, который мы начали вчера вечером за ужином. Кстати, если не ошибаюсь, скоро будет шесть часов, как я ничего не ел. Хорошо, что Аннет сообразила и кое-что приготовила нам с собой!

С удовлетворенным вздохом Эсайон достает из сумки хлеб и паштет из гусиной печенки. Он протягивает еду своему спутнику.

— Угощайтесь, голубчик!

Сен-Мену отрицательно качает головой. У него полностью пропал аппетит. Он оставляет ученого продолжать перекусывать и отправляется посмотреть, что происходит с телом обезглавленного существа и не изменилось ли что-нибудь возле горы.

Вернувшись через четверть часа, он увидел, что Эсайон задремал, выронив недоеденный бутерброд. Лежащий на спине со скрещенными на груди руками, он выглядит, как неопределенная, закругленная со всех сторон масса. Из-под расстегнутого шлема видно лицо спящего. Голубоватый оттенок освещения придает плоти сходство с мрамором. Его губы и веки то и дело подергиваются, словно по ним пробегают тайные волны счастья или страдания. Кажется, что он находится вне нашей действительности, погруженный в созерцание своего внутреннего мира, который невозможно описать словами.

Сен-Мену окликает его, похлопывает по плечу. Эсайон не шевелится. Испугавшись, Пьер начинает трясти его, кричит ему в ухо, сильно хлопает по щекам, но все усилия оказываются безрезультатными. Наконец, сунутый под нос флакон с нашатырным спиртом заставляет ученого подскочить. Он открывает глаза, в которых нет ни капли разума, таращится на Сен-Мену, не узнавая его, затем снова засыпает. Только после длительных усилий Пьеру все же удается полностью привести толстяка в чувство.

— Я же предупреждал вас, что здесь нужно быть очень осторожным. — упрекает он Эсайона. — Вы позволили коллективной энергии мысли взять над вами верх. Как это случалось со мной, вы начали копировать поведение существа, рядом с которым находитесь. В результате вы могли…

Сен-Мену внезапно замолкает и переводит взгляд на голову женщины, лежащую на левой щеке среди половодья густых волос. Ученый краснеет.

— Я видел удивительный сон, — говорит он задумчиво. — Когда-нибудь позже я расскажу его вам.

Он отворачивается, потирает руки, заставляет себя улыбнуться.

— Лучше скажите мне, как ведет себя наша прооперированная? — Обращается он к Пьеру звонким голосом, похожим на юношеский.

— Поразительно, — отвечает ему Сен-Мену, — но она ведет себя, как ни в чем не бывало. — Он рад изменить тему беседы, и поэтому не может избежать многословия. — Она по-прежнему продолжает поглощать самцов и производить на свет потомство! Проделанная вами ампутация повлияла на нее не больше, чем если бы вырвали у нее волосок из шевелюры!

— Я отнюдь не удивлен этим, — замечает толстяк, к которому вернулось его обычное хладнокровие, а голос обрел свое обычное звучание. — Даже в наши времена голова была частью тела, в которой менее всего нуждалась женщина для нормального производства потомства. А теперь помогите мне взобраться на мой трон. Мы возвращаемся.

9.

Аннет собирала в саду последние розы. День клонился к закату. Пылающее солнце висело над самыми вершинами деревьев, словно зацепившись за них. Легкий ветерок то и дело взъерошивал листву, перебегая от одного дерева к другому. Парочка вяхирей уже начала устраиваться на ночлег среди ветвей, но стрижи продолжали носиться высоко в небе — черные черточки на фоне начинающей слегка бледнеть яркой синевы. Облако мышиного цвета медленно влачило к северу свое брюхо, серое в розовых пятнах. Неловкий жук-навозник барахтался, лежа на спине, на посыпанной гравием дорожке, безуспешно пытаясь перевернуться.

Аннет подняла взгляд к небу и прижала букет к груди, почувствовав при этом, как один из шипов уколол ее в плечо. Она закрыла глаза. Легкая боль покзалась ей даже

чем-то проятной, как иногда приятен вкус кислого яблока. Этот сентябрьский день все еще дышал летним теплом. Его пыл переливался в крови юной девушки, заставляя ее сердце биться редкими сильными ударами.

Ужасный вопль, донесшийся из дома, заставил ее на мгновение оцепенеть от неожиданности. Она узнала голос Пьера. Преодолев испуг, отшвырнула розы и кинулась в лабораторию. Она оказалась там одновременно с Филоменой, на бегу вытиравшей руки передником.

Аннет толкнула дверь, сделала несколько шагов, открыла рот, чтобы закричать, и тут же рухнула на пол без сознания. Яростно рычавшая что-то неразборчивое Филомена выволокла ее из комнаты. Сен-Мену изо всех сил цеплялся за стоявший посреди комнаты лабораторный стол с мраморной столешницей. Он с трудом сдерживал жуткие позывы к рвоте. По лицу и вдоль позвоночника струился холодными ручьями пот.

Перед ним на полу лежало тело Эсайона, разрезанное надвое, от паха до шейных позвонков. Оно выглядело так, словно кто-то рассек его огромным мечом, нанеся страшный удар, направленный снизу вверх. Ягодицы сползли на пол, оказавшись по сторонам от стула, голова с напяленным на нее шлемом, оставшаяся невредимой, лежала на сиденье. За толстыми стеклами очков виднелись глаза ученого, не отражавшие ни страдания, ни удивления. Внутренности толстяка вывалились на пол, образовав отвратительную груду, над которой, словно из фумаролы, поднимались едва заметные струйки пара.

10.

Окончание отчета Сен-Мену.

«… Я похоронил моего учителя в саду под березой, уже начавшей терять листья. Я испытывал невероятно острую боль. Мой дорогой Ноэль Эсайон, так обожавший игры ума, так интересовавшийся будущим, теперь не существовал для нас ни в будущем, ни в прошлом, ни в настоящем. Мне казалось, что теперь он узнал, где заканчивается шахта, олицетворяющая длительность нашей жизни, если я правильно запомнил его сравнение. Я пожелал ему, чтобы это оказалось хорошо освещенное место, где ничто не могло бы скрыться от его жадной до знания души.

Я помог Филумене выполнить страшную работу по приведении лаборатории в порядок. Сколько же гнили скопилось в животе этого великого ученого! Он всегда питался исключительно деликатесами. Но самое нежное мясо, редкие овощи, белый хлеб — это всего лишь будущие экскременты. Вот одна из самых странных прихотей господа-бога, наделившего человеческое тело способностью к таким неприятным превращениям. Неужели так важно для мироздания, чтобы через человеческое тело непрерывно протекал поток животных и растительных остатков, гниющих внутри нас и таких отвратительных?

Большинство людей не занимается ничем иным, как тем, что называется «обеспечивать себе хлеб свой насущный». И этот хлеб, ради которого человек тратит столько сил, проливает столько пота, оказывается, в конце концов, той самой землей, что поглощает его после завершения жизненного пути.

Я догадываюсь, что новое человечество сумело избавиться от этого рабства, и если людям 100 000 года и не во всем можно позавидовать, то избавление от столь неприятной особенности переработки продуктов питания организмом представляет собой значительный прогресс.

Осмотр останков моего учителя позволил мне разобраться, какая нелепая случайность привела его к гибели. Оказалось, что когда он наклонялся вперед, чтобы отрезать голову существа-воспроизводителя, его скафандр лопнул на спине по шву, от шеи до паха. Ни он, ни я не заметили этого. Я не обратил внимания на это повреждение даже в тот момент, когда обхватил Эсайона руками, помогая ему взгромоздиться на стул. Я просто обязан был увидеть разошедшийся шов. Какая невнимательность! Теперь угрызения совести будут мучить меня до конца моих дней... Когда Эсайон нажал на кнопку возврата, герметичность его скафандра оказалась нарушена длинной прорехой шириной всего в несколько сантиметров. Часть его тела, узкая полоска, находившаяся напротив щели, не была защищена ноэлитом, и поэтому осталась на прежнем месте в далеком будущем, тогда как все остальное тело вернулось в 1942 год. В результате ученый появился в лаборатории, рассеченный надвое. Смерть оказалась мгновенной. Узкий сегмент тела, оставшийся в будущем, заключал в себе почти весь позвоночник, части сердца, желудка и кишечника. Ноэль Эсайон пал смертью героя, став очередной жертвой науки. Мне очень не хотелось, чтобы эта жертва оказалась напрасной. Поэтому я еще не раз возвращался в 100 000 год, чтобы закончить изучение цивилизации наших далеких потомков. Мне остается продолжить его рукопись с того места, на котором смерть вырвала перо из рук несчастного. Скоро наши современники смогут познакомиться с важнейшим трудом его жизни. Надеюсь, его слава будет заслуженной, хотя, к сожалению, посмертной.

Первое же путешествие после случившейся трагедии привело меня на то место, где она произошла. Под низким куполом при мерцающем освещении останки моего учителя выглядели темными пятнами на фоне сверкающего золота волос отрезанной головы. Выражение лица женщины не изменилось. Закрытые глаза, смутная улыбка на навеки успокоившихся губах и мертвый покой вокруг. В то время, как на теле Эсайона уже появились заметные признаки разложения, голова женщины казалась нетронутой тлением.

Я сложил останки ученого в мешок, отнес его к колодцу, куда носильщики продолжали безостановочно сбрасывать трупы, и отправил свою печальную ношу в ту же бездну.

Таким образом, человек, благодаря которому мы узнали о том, что таится за завесой времени, теперь покоится, как и мечтал, одновременно в настоящем и в будущем. Пусть же покоится он с миром! Надеюсь, что в день Страшного Суда части его тела смогут воссоединиться.

Обезглавленная производительница продолжает жить. Несколько посещений, состоявшихся позднее, позволили мне убедиться, что ее тело функционирует совершенно нормально. Высохшая голова под низким сводом стала походить на священную индейскую маску.

Я вернулся в зал с мозгами. Постепенно у меня сложилась уверенность, что такие залы образуют пояс, охватывающий весь земной шар. Какова истинная роль и назначение этих хранилищ серого вещества? Мыслят ли они сразу за все

разновидности представителей рода человеческого, как мы с Эсайоном решили после первой же встречи с ними? Результаты ряда опытов, произведенных мной, заставляют меня отказаться от этой гипотезы. Стопки мозгов производят мыслительную энергию и распространяют ее по всей Земле. Они улавливают все мысли, все эмоции живущих на ней существ и отдают необходимые в каждом случае приказания. Все это совершается автоматически. При этом не может быть и речи о настоящей мыслительной деятельности; все ограничивается одними рефлексами.

Но каким образом передается эта энергия? Как существа-мозги общаются со всеми другими разновидностями существ? Я так и не смог разобраться в этом. Да и что мог бы понять человек , скажем, XV века, оказавшись перед радиопередатчиком?

Существа-мозги, как и все остальные существа мира будущего, подчиняются какому-то высшему закону. Вероятно, это закон существования вида, слившийся с человеческими законами. Он подчиняет человечество своим требованиям с той же неотвратимостью, как закон всемирного тяготения или любой другой физический закон. Его господство над обществом несомненно. Менее очевидный в XX веке, он, тем не менее, является неумолимым и в наши дни. Существует ли коренное отличие между кружением маленьких самцов вокруг горы с гнездящейся в ней маткой и кадрилью, которую отплясывают мужчины нашего времени со своими партнершами? Могущественная потребность в продолжении рода дергает их, словно марионеток, за невидимые нитки. Да, конечно, они считают себя свободными, они поют гимны любви, воспевают тело и душу своих возлюбленных. Но закон продолжения рода ведет их, словно на поводке, с помощью голой сексуальной потребности. Тристан, Ромео — все они ничто иное, как лишь носители семени. Перед ними природой поставлена всего лишь одна великая задача — посеять его в подготовленную почву, всегда одну и ту же, независимо от того, как она называется: Изольда, Джульетта или еще как-нибудь. Все остальное — это литература.

Мои путешествия в 100 000 год и наблюдения за гигантским животом женщины будущего с ее шестью тысячами влагалищ, одинаковых в своем предназначении, хотя и скрывающихся за шестью тысячами разных миражей, открыли мне глаза на назначение человека. Но, с Божьей помощью и помощью той, о которой я все время думаю, я наверняка скоро снова обрету способность поддаваться иллюзиям...

11.

Обморок Аннет перешел в горячку. Филомена упорно лечила ее отварами целебных трав. У нее в металлических коробках хранилось не менее трех десятков их засушенных разновидностей.

Однажды октябрьским утром девушка впервые встала с постели. Она хотела добраться до стоявшего у окна огромного мягкого кресла в стиле «Дагобер», протянувшего навстречу ей свои надежные руки. Но доски пола под ее ногами неожиданно проседали на разную глубину, потолок то и дело сдвигался то в одну, то в другую сторону. Стены комнаты закружились, шкаф поменялся местом с окном, кровать устремилась вслед за шкафом.

В последний момент Филомена поймала теряющую сознание девушку в спасительные объятья, усадила ее в кресло, подложила под ноги большую подушку

и завернула в пахнущее овцой одеяло из грубой шерсти.

Аннет не осмеливалась думать о произошедшем, не хотела вспоминать. Она предпочитала, чтобы в голове у нее царила полная пустота. Бездумно смотрела на сад, затянутый вуалью мелкого, похожего на туман серого дождя. Небольшое деревце каштана выросло у самого окна. Осень оставила ему всего один лист, похожий на пятерню, бессильно свисающую почти к самой земле. То и дело с какого-нибудь из пяти пальцев, позолоченных октябрем, срывалась капля, после чего он, в надежде, приподнимался на несколько миллиметров к небу, тут же вновь нагружавшему его невесомой тяжестью тысяч капелек тумана.

Сен-Мену появился, когда день уже клонился к вечеру. Она сразу узнала его приближающийся из глубины аллеи силуэт. В вечернем свете он казался серым утопленником, которого тащит течение в толще воды. Аннет почувствовала, что у нее дрожит подбородок, а слезы застилают глаза, добавляя свой туман к туману дождя.

Туман, дождь, холод, смерть душат мир, давят на Аннет. Ей невыносимо страшно, она рыдает, она причитает, она зовет Пьера. Если только он не появился возле нее в следующее мгновение, если он задержится хоть на одну секунду, он уже не застанет ее в живых.

Пьер торопится. Он бежит, толкает дверь, включает свет. Сбрасывает на пол свой мокрый скользкий плащ. Он очень высокий. Он улыбается, лицо его кажется золотистым в ярком электрическом свете. Он подхватывает на руки потерявшегося реенка, нежно баюкает его, целует в глаза.

Злое колдовство исчезает. Пьер закрывает ставни. Задергивает шторы, оставляя снаружи за окном ночь, холод и дождь. Аннет рыдает в его объятьях, рыдает громко, не сдерживаясь, чтобы полностью облегчить измученное сердце.

12.

Мы вели себя удивительно глупо, сказал Пьер. То, что ваш отец сделал для Филомены, мы можем сделать и для него. Когда вы полностью выздоровеете, мы отправимся на встречу с ним в недалекое прошлое. Мы должны помешать ему совершить это трагическое путешествие и таким образом дать возможность избежать смерти…

В день всех святых вернувшаяся от мессы Филомена увидела хозяина, удобно устроившегося в кресле, с роскошной, как прежде, бородой. Аннет, сходящая с ума от счастья, и улыбающийся Сен-Мену стояли возле него.

— Мне кажется, дорогая Филомена, — заявил толстяк обычным дружелюбным тоном, — что вы чем-то удивлены… Но удивляться нечему!

— Дьявол! Вёы — настоящий дьявол! — пробормотала служанка. На ее лице читался неописуемый ужас. Она непрерывно крестила свою тощую грудь,

потихоньку пятясь к дверям. Споткнувшись и едва не упав, она сверкнула в последний раз глазами из-под седых бровей, повернулась и опрометью бросилась из комнаты.

Сен-Мену рассмеялся, а Аннет побледнела. Даже Эсайон выглядел несколько встревоженным.

Вечером, едва отец заснул, девушка выбежала в сад. Пьер ждал ее под акацией. Они медленно направились во влажную темноту. Под ногами мокро шуршали опавшие листья. Луна в последней четверти заливала облачный покров над головами призрачным голубым цветом.

— Анни-Аннет, моя дорогая, вам не холодно?

— Когда я рядом с вами, — ответила она, прижимаясь к Пьеру, — мне никогда не бывает холодно.

Они замолчали. Им было достаточно находиться рядом.

Филомена выбралась из-под одеяла, встала с постели и неслышно прошла босиком по коридору. Не постучавшись, она вошла в комнату Эсайона и включила свет. Ослепленный светом и встревоженный Эсайон с трудом сел, подслеповато моргая.

— Что вам нужно, Филомена?

Пожилая женщина стояла перед ним в ночной рубашке, почти не скрывавшей ее тощего тела. Серые волосы плоскими прядями обрамляли ее морщинистое лицо.

— Я хочу, чтобы вы вернулись туда, откуда пришли! — Её голос с сильным крестьянским акцентом прозвучал неожиданно громко в тишине комнаты.

— Что-что? — переспросил пораженный толстяк.

— И еще я хочу, чтобы вы забрали меня с собой!

Эсайон пожал плечами.

— Моя бедная Филомена, идите-ка лучше к себе и ложитесь спать. Вы теряете рассудок.

Но Филомена не собиралась уходить. Она продолжала высказывать хозяину все, что передумала в последнее время, используя простые и грубые слова. Никто не имеет права украсть то, что принадлежит смерти. Если человек умер — значит, на то была воля Всевышнего. Он и только он назначает день и час. А их обоих теперь ждет ад. Бог покарал хозяина жуткой смертью. Но эта кара, возможно, избавила его от других наказаний за все прочие прегрешения. Если же он будет продолжать уклоняться от предназначенного, его ждет страшное наказание, которое будет продолжаться вечно. Поэтому он должен добровольно вернуться в мир иной, захватив с собой бедную служанку, уставшую жить украденной жизнью.

Филомена сначала говорила, потом внезапно упала на колени и зарыдала. Слезы струились по ее ветхой коже лица. Она сморкалась и выглядела уродливой.

13.

Молодые люди были поражены резким изменением настроения Эсайона. Он перестал улыбаться, потерял всякий вкус к маленьким радостям бытия. Мрачнея с каждым днем, он даже начал худеть. Сен-Мену, работавший вместе с учителем над редактированием его «Этюдов об эволюции человеческого рода», находил его рассеянным и отсутствующим. Ученый перестал интересоваться работой и подолгу сидел неподвижно, погруженный в думы. После этого к жизни он возвращался с мерцающим в глазах ужасом.

Вскоре он слег в постель. Кожа дряблыми складками болталась на его истощавшем теле, лицо странно удлинилось. За считанные дни его борода утратила свой величественный вид, поблекла и приобрела печальный серый оттенок. Казалось, что ее использовали для протирания глухих углов с накопившейся там за многие годы пылью.

Филомена продолжала яростно нападать на него при любой возможности.

— Вам все равно придется умереть еще раз! И теперь ваши мерзкие изобретения вам больше не помогут! Вы будете прокляты навсегда!

Филомена забросила хозяйство. Она постоянно дежурила в глубине коридора, выжидая, когда старик окажется один. Было слышно, как она скрипела зубами в своем укрытии и без устали повторяла «Отче наш». По двадцать раз за день она заходила к Эсайону. Тот стонал в отчаянии, едва завидев ее, и пытался спрятаться с головой под одеяло. Но это не мешало скрипучему голосу старухи доносить страх до его ушей. Когда же она уходила, в комнате оставались ее слова.

Сен-Мену пригласил врача. Тот поставил диагноз: нервное истощение, слишком большая нагрузка на сердце, осложняющая состояние больного уремия. Ученый потребовал, чтобы ему сказали правду.

— Вы не протянете и недели, — скрепя сердце сообщил доктор.

Эсайон запустил в него подушкой, яростным взмахом руки смел со столика в изголовье постели флаконы и пакетики с лекарствами, обругал Сен-Мену, пытавшегося успокоить старика.

Быстро устав буйствовать, он позвал к себе дочь. Аннет тихо опустилась на стул у его постели. Она пыталась улыбаться, но не могла сдержать слезы. Эсайон долго смотрел на нее с нежностью и отчаянием.

— Аннет, девочка моя, нам придется расстаться, — промолвил он наконец. — Не нужно так мучиться из-за этого. Мы могли бы, конечно, сжульничать еще раз, могли растянуть на вечность эти несколько оставшихся мне часов. Но я не хочу этого. Бог дал понять мне, чего он ждет от меня. И я покорюсь его воле.

Он вздохнул. Глаза его глубоко провалились под надбровные дуги. За дверью скрипела зубами Филомена.

Ночью пришлось позвать священника. Он заперся с Эсайоном и Филоменой, долго исповедовал их, а потом совершил соборование хозяина и служанки.

Все произошло на заре. Священник нашел в прихожей Сен-Мену, уснувшего на

кушетке, и прижавшуюся к нему свернувшуюся калачиком Аннет. Покачав головой, он поднял благословляющую руку. Он оставил открытой дверь в комнату Эсайона. Комната была пуста.

14.

Аннет нашла завещание на постели отца, не сохранившей даже вмятины от его тела. Ученый писал, что он добровольно возвращается к моменту своей первой кончины, чтобы попытаться получить прощение и избежать ада. Для этого ему потребовалось все мужество, потому что ему нужно было заново пережить все случившееся, хорошо представляя, что его ждет. Он надеялся, что Бог зачтет ему эти муки. Он советовал дочери и ученику никогда не восставать против воли Провидения.

«… Может быть, — добавлял он далее, — наше любопытство и даже основные мотивы, которыми мы руководствовались в наших исследованиях, были подлинным кощунством. Пытаясь изменить жизнь людей, стараясь, чтобы они избежали несчастий, сколь бы ни были они незначительны, разве тем самым мы не пытались бороться с божественными предначертаниями? Мы находимся в этом мире только для того, чтобы искупить свою вину. Страдания, испытываемые нами, независимо от того, индивидуальные они, или коллективные, вполне заслужены нами. Пьер, мое дорогое дитя, я оставляю за вами право на решение — продолжить исследования, или прекратить их. Что касается меня, то все это перестало интересовать меня. И нет у меня другого желания, как предстать перед Богом со всей покорностью, чтобы попытаться умолить его простить мою гордыню. И что такое тысячи лет или даже тысяч столетий, если тебя ожидает вечность?

Могу обещать вам, что никогда не выдам людям, нашим несчастным братьям, секрет ноэлита, который, впрочем, известен Аннет. Люди станут использовать его только для того, чтобы еще больше увеличить сумму своих страданий.

Берегите мою дорогую дочь, пока она не повзрослеет настолько, чтобы найти себе мужа.

Как память о моем бренном теле, я оставляю вам свою бороду. Вы найдете ее в шкафу, на полке с носовыми платками».

Несколько слов к завещанию добавила Филомена. Она просила прощения у Аннет, обещала молиться с небес за свою малышку и оставила адрес своей племянницы Катрин, которая должна была вести хозяйство вместо нее.

Аннет столько перенесла за последнее время, что это очередное испытание уже не могло ничего добавить к ее боли. Используя пилюли, она несколько раз побывала в прошлом, чтобы повидаться с отцом. Там он всегда оказывался цветущим, полным жизни, ничего не подозревающим об испытаниях, ждущих его впереди.

Успокоенная тем, что где-то в прошлом ее отец все еще существует — и будет всегда существовать здоровым и счастливым — она постепенно стала навещать его все реже и реже. Потом окончательно освоилась с мыслью, что ей придется жить без него, и что расстояние во времени между ними будет возрастать с каждым днем. Она знала, что при желании всегда сможет повидаться с отцом. Скоро ей стало

достаточно одной этой уверенности, и она перестала убегать из настоящего в прошлое. Теперь она думала только о будущем. Она любила.

ЧАСТЬ III.
НЕОСТОРОЖНОСТЬ

1.

Год подходил к концу. После двух последних необычно суровых зим все с тревогой готовились встретить очередную зиму. Пока же она не спешила проявить всю свою суровость. Хозяйки в очередях говорили: «Хоть бы такая погода продолжалась подольше! У нас почти нет угля. Наш угольщик что-то не торопится… А вот квартирант с третьего этажа уже забил подвал под завязку! Так всегда и бывает: у одних все, у других — ничего…»

Сен-Мену давно забыл привычку вести счет дням и неделям. Календарь стал казаться ему странной выдумкой. Сколько столетий прожил он за последние десять месяцев? Однако, его вернула к действительности суровая проза жизни. У него подошли к концу деньги, оставленные Эсайоном. Из лицея Сен-Мену ушел, никого не предупредив, даже не подумав, что можно было оформить отпуск. Он не сомневался, что его давно уволили. И как теперь он должен был существовать? Как он будет содержать Аннет, когда они поженятся?

После первой смерти ученого он вернулся в свою комнату на бульваре Сен-Жак, покинутую на время экспериментов, когда он поселился на вилле у Эсайона. Чтобы раздобыть деньги на самое необходимое, он дал несколько частных уроков за совершенно ничтожную плату. Его самый бестолковый ученик, плативший больше остальных, покинул его из-за господина Мишле. Этот последний, слабоумие которого усиливалось с каждым днем, не мог удержаться, если знал, что сосед дома, чтобы не постучаться к нему и не поплакаться в очередной раз на несправедливость судьбы. Если Сен-Мену не отвечал, господин Мишле продолжал настойчиво стучаться и звать его до тех пор, пока Сен-Мену не открывал и не просил — причем, в весьма резких выражениях — оставить его в покое. Через четверть часа старый выживший из ума архитектор возвращался, как ни в чем не бывало.

Сен-Мену начал обдумывать вариант с переселением, но после долгих бесплодных поисков понял, что ему не удастся найти дешевой комнаты. В Париже разразился жесточайший кризис жилья. Тогда он объединился с другими жильцами своего этажа и они предъявили квартирной хозяйке, мадам Бланэ, ультиматум с требованием выбросить старого безумца на улицу.

Вдова Бланэ днями просиживала в своей небольшой комнатушке, использовавшейся одновременно как салон, спальня, столовая и кладовка для белья. Застекленная дверь помещения выходила в коридор первого этажа, и она хорошо видела всех входящих и выходящих. Очень часто она без отдыха и без перерывов стирала в соседней с комнаткой кухне простыни жильцов, гладила и штопала их.

Хозяйка редко улыбалась. Ее главное сожаление проистекало из невозможности одновременно находиться в нескольких местах. Когда скончался муж, она была вынуждена нанять горничную, и возникшие при этом дополнительные расходы

сильно расстраивали ее. Из-за этого она нередко целыми днями пребывала в плохом настроении. Основными объектами, на которых можно было сорвать раздражение, были несчастная хромая горничная и астматичная уборщица. Мадам Бланэ наезжала на них, словно локомотив на дворняжек. Кстати, доставалось и бродячим собакам, с упорством, достойным лучшего применения, поливавшим стенку под ее окнами.

Она приняла делегацию жильцов в своем обычном наряде — фиолетовом халате, весьма приблизительно скрывавшим пышные телеса от нескромных взглядов. Обильно покрытый жиром и грязью, халат давно приобрел серый цвет на ягодицах, локтях и желеобразно колышущемся бюсте. Она категорически отказалась выгнать «господина, который хорошо платит». Кроме того, она высоко ценила его умение поддерживать беседу.

— Не понимаю, что вы имеете против него, — заключила переговоры вдова. — Это весьма культурный человек. С моей стороны было бы подлостью выселить его.

Сен-Мену должен был отказаться от домашних уроков. Он стал сам ездить к ученикам. Поездки на метро отнимали у него много времени. Обеды в ресторанах стоили невероятно дорого; к тому же, этой еди ему было недостаточно. Мадмуазель Монжан, снимавшая комнату на третьем этаже, как-то предложила ему хлебную карточку категории «Е» всего за 350 франков. Она работала в мэрии; ей удавалось подкладывать фальшивые карточки в хранившиеся там пачки. Настоящие карточки она продавала нескольким постоянным клиентам.

Пьер купил также килограмм масла у торговца углем. Оно обошлось ему в 500 франков. «Это совсем не дорого», — заявил ему черный человек. — В Нейи за килограмм требуют до 800!».

Еще за 80 франков Пьеру удалось раздобыть немного камамбера у парикмахера, а у молочника — пару чулок за 300 франков. На чулки он выменял у булочника два фунта буженины.

В результате всех этих операций он смог некоторое время питаться дома. Из деликатности он отклонял все приглашения Аннет. Загруженному выше головы уроками Пьеру приходилось все реже и реже встречаться с девушкой. Мысль, что он не может обеспечить ей сносное существование, приводила его в отчаяние. Он предполагал, что отец оставил ей кое-что в наследство, но это был лишь еще один довод в пользу того, что он должен сам обеспечить ей будущее. В тот день, когда Сен-Мену разменял последний билет в тысячу франков, у него появилась идея: снова облачиться во временной скафандр, к которому не прикасался со дня окончательной смерти учителя, и использовать его для того, чтобы раздобыть денег. Осциллятор позволял беспрепятственно проникнуть в любой банк или сейф, и легко облегчить его от лишних денег. У него даже мелькнула мысль раздобыть немного золота Французского Банка, находившегося в эвакуации на острове Мартиника. Но он был честным человеком, и совесть не преминула шепнуть ему одно-единственное словечко: кража. Ему не удалось преодолеть моральный барьер, тот самый барьер, который не позволяет посредственным личностям добраться до изобилия. Поэтому он решил, что его вина окажется не столь велика, если он будет действовать за пределами настоящего времени. Не имело смысла отправляться в будущее, так как деньги, что появятся потом, еще не имеют хождения в его дни. Но прошлое было переполнено возможностями. Ведь в прошлом нет ничего, кроме теней и

воспоминаний. Ограбить тень, украсть у воспоминания — разве это преступление?

После трехдневного спора с самим собой, подталкиваемый суровой необходимостью, Сен-Мену воскликнул: «Нет! Это не преступление!».

После этого он начал готовиться к первой попытке. Разумеется, Аннет была посвящена в его планы. Девушка смотрела, как зачарованная, на возбужденно говорящего что-то Пьера, но не вникала в смысл его слов. Она буквально дрожала от звуков его голоса. Что он говорил при этом — не имело для нее никакого значения. Она заранее считала правильным все, что он собирается делать.

Сен-Мену выбрал первой целью путешествия 1890 год. Его воображение подсказывало, что это время освещено блеском золота, звенит каскадами луидоров.

В момент старта он представил стопки золотых монет, раздувшиеся денежные мешки, забитые до отказа сейфы. Тем не менее, благодаря мгновенно возникшей цепочке ассоциаций, он очутился на коленях красавицы Сюзанн, известной кокотки, направлявшейся к своей модистке в открытой коляске, влекомой четверкой лошадей, в сопровождении любовника, барона дю Буа де л'Орм.

При появлении дьявола прекрасная Сюзанн оглушительно завизжала и упала в обморок. Трепещущий от страха барон попытался вскочить, но его дряхлые колени бессильно подогнулись. Он шлепнулся назад на сиденье и заблеял что-то невнятное. Его вставные челюсти громко стучали, издавая дребезжащий костяной звук. Двое слуг в красных камзолах, стоявших на запятках, воздели руки к небу и рухнули наземь. Кучер обернулся, разинул в ужасе рот и принялся яростно нахлестывать лошадей. Через несколько мгновений он натянул вожжи, остановил их, спрыгнул с облучка и исчез. Лошади, оставшиеся без руководства, развернули экипаж поперек проезжей части, и улица Фобур Сент-Оноре в одно мгновение оказалась забита экипажами.

Сен-Мену с интересом разглядывал бесчувственную красавицу, одетую в длинную юбку в виде колокола из бледно-голубого сатина, поднимавшуюся до самого бюста, и затянутую в корсаж из белого тюля с рукавами буфф и высоким воротником. В районе живота находилось украшение из завязанной узлом ленты из голубого королевского бархата. Что-то вроде уздечки из такого же бархата располагалось у нее под подбородком, удерживая на голове полушляпку-полуколпак из голубой плотной ткани, из-под которой в беспорядке выбивались мелкие белокурые завитки.

Склонив голову на плечо, она чуть-чуть приоткрыла глаза, но сразу же опять зажмурилась. У нее был небольшой рот, вздернутый изящный носик и солидный подбородок делового человека. Он нашел ее очаровательной, улыбнулся и принялся освобождать от сумочки, браслета с бриллиантами и нескольких небольших колечек. Когда пришедший в себя барон попытался вмешаться в происходящее, Сен-Мену одним толчком вернул его на сиденье. С головы барона слетел цилиндр вместе с париком. Под париком обнаружилась большая розовая лысина.

Из окон соседних домов свешивались, рискуя своими корсетами, потрясенные дамы. Они указывали пальцами на грабителя и отчаянно призывали на помощь. Все швейное ателье Розандрэ в полном составе визжало и бесновалось в окнах. Лучшая швея Жюли, высокая брюнетка, потеряла шиньон. Ее распустившиеся волосы хлынули вниз, едва не достав до нижнего этажа. Остановившиеся лошади фыркали,

бренчали уздечками и топтались на месте. Кучера ругались, бичи хлопали, толпа зевак разрасталась с головокружительной скоростью. Медленной рысцой к месту происшествия приближалась пара пузатых полицейских. Лейтенант-драгун, прекрасный, как Аполлон со светлыми усами, вскочил на подножку коляски. В тот момент, когда он протянул руку к бандиту, тот ... исчез! Толав, заполнившая улицу, дружно взвыла. Не прошло и минуты, как Сен-Мену услышал по меньшей мере два десятка совершенно разных описаний преступника. Мадам Лорэн, модистка, державшая под мышкой две больших круглых коробки, бледный, как мел, маленький кондитер Гастон с большой плоской шляпой на голове, кормилица Аделаида, прогуливавшая в коляске из ивовых прутьев пару близнецов, едва выглядывавших из-под нагромождения безвкусных розовых лент, бродячий фотограф Фердинанд, придавленный к земле своим громоздким аппаратом, треножником и пышными усами, а также четыреста двадцать семь прочих свидетелей случившегося кинулись к родственникам, друзьям, знакомым и клиентам, чтобы сообщить им потрясающую новость.

Галантный офицер бережно уложил на тротуар бренные останки барона, привел красавицу в чувство и отправился провожать ее домой. Когда все закончилось, во множестве появились представители власти. Двое полицейских в круглых шляпах, похожие на усатых тюленей, увезли в участок Одетт, проститутку, само появление которой в буржуазном квартале выглядело настоящим скандалом.

Сен-Мену направился к центру по улице Руайяль и бульварам. Зрелище уличной суеты приводило его в радостное настроение. Пухленькие дамы передвигались мелкими шажками, улыбаясь всем окружающим. Их одежда с подчеркнуто выделявшимися плечами, тонкими талиями и небольшими шляпками, водруженными на высокие прически, создавали им динамичный, жизнерадостный силуэт. Некоторые, очевидно, спешившие куда-то, смело приподнимали юбки, открывая лодыжки мужским взорам. Мужчины в цилиндрах и узких панталонах, покоренные этим зрелищем, застывали на месте, зажимая усы в кулак и затем лихо расправляя их.

Пешеходы передвигались как по тротуару, так и по мостовой, весьма неохотно уступая дорогу неторопливо катившимися фиакрам. Возницы на высоких сиденьях отпускали двусмысленные комплименты женщинам и осыпали дружелюбной руганью мужчин. Коляски богачей, легкие и изящные, покрытые лаком, словно предметы мебели, влекли пары старательно подобранных лошадей с круглыми, похожими на женские, задами. Кучи навоза дымились на камнях мостовой.

— Вот по-настоящему счастливые люди, — с завистью пробормотал путешественник. — я искал счастье в далеком будущем, а оно было совсем рядом, в прошлом...

На некоторое время Пьер забыл о цели своей экспедиции, увлекшись знакомством со столицей. Вскоре, однако, ему пришлось изменить слишком поспешно высказанное мнение. В зажиточных кварталах он нашел не счастье, а беззаботность, легкомысленность и пустоту, сближавшие мужчин с женщинами. Они увлекались модами, лошадьми, театром, то и дело произносили заранее подготовленные остроты. Вечные драмы адюльтера будоражили салоны, загроможденные неуклюжей мебелью и задрапированные тяжелыми шторами.

В то же время, в рабочих кварталах царила нищета. Рождающаяся

промышленность уже начала безжалостно перемалывать дешевую рабочую силу. Пересекая по диагонали какую-то темную комнату, Сен-Мену резко остановился. Его уши наполнились странным бульканьем и хрипами. Он скользнул вниз и увидел, как на разодранном матрасе мужчина и женщина борются, захлебываясь, со смертью. Четверо полуголых детишек слабо шевелились на полу, на груде слипшегося от грязи тряпья.

Жаровня с тлеющими углями тускло светилась в углу, заполняя воздух отвратительными миазмами дыма и копоти, вялым языком облизывавшими стены.

Лежавшая на краю мать блуждающим взором следила, как смерть все ближе и ближе подбирается к тетям. Ее большие, заполненные ужасом глаза отражали, словно зеркало, бледные язычки пламени жаровни. Рваная ночная рубашка обнажала костлявое плечо. Серые волосы тяжелыми прядями распластались по матрасу. Бессильная рука, упавшая с постели, свисала до пола; кончиками пальцев она едва касалась головки самого маленького, самого любимого. Малыш уже не дышал. Его ручонки, тоненькие, словно веточки дерева, спокойно вытянулись вдоль лежавшего на спине тела. Прижавшаяся к стенке девочка, старшая из детей, задыхалась, но еще продолжала сопротивляться, раздирая лохмотья и царапая горло, стиснутое безжалостной хваткой голода. Рядом с ней беззвучно плакал уже довольно большой мальчик. Женщина села на постели, наклонилась и взяла его на руки, но тут же опустила назад. Вечный покой неумолимо приближался к ней.

Лежавший на спине отец, своим легким высохшим телом напоминавший мертвую птицу, тупо уставился на осыпавшийся потолок, не замечая ни грязного воздуха, ни голода, ни повседневного ужаса. Теперь для них, наконец, все было кончено, кончено…

Сен-Мену едва сдержал естественный рефлекс: распахнуть окно и дверь, впустить в комнату свежий воздух, выбросить жаровню, спасти несчастных.

Но окно выходило во двор, словно залитый зеленоватой ядовитой плесенью, а за дверью был черный вонючий коридор.

Пьер медленно вращался среди смертоносных испарений над почти безжизненными телами, медленно расслаблявшимися и успокаивавшимися, после чего должно было наступить окоченение смерти. Затем он резко рванулся вверх, пробившись к голубому небу сквозь обветшавшие этажи, колченогую мебель, пустые кастрюли и ругань в винных парах. Он не имел права вырвать несчастных из лап избавляющей от страданий смерти.

«Впрочем, — подумал он, — это всего лишь воспоминания. Никого из них давно нет в живых. Все они умерли лет пятьдесят тому назад.»

Он встряхнулся и решил, что больше не позволит никаким трагическим сценам волновать его. В конце концов, все это уже ушло в прошлое, ушло безвозвратно. Он должен продолжать заниматься более серьезным делом.

Выкупавшись в лазури и избавившись от запаха нищеты, логово которой он только что покинул, Пьер устремился к находившейся поблизости Банковской улице. Через десяток секунд он влетел в какой-то из крупных банков. Лысый кассир укладывал в сейф мешки, заполненные луидорами. Сен-Мену пронизал решетку и завис над кассиром, ожидая, пока кто-нибудь позовет его к окошку. Как только

кассир отвернулся, он остановил осциллятор и принялся перекладывать мешочки с золотом в свою сумку.

Кассир заметил, как у стоявшего перед окошком клиента внезапно расширились глаза и открылся рот, так что его лицо стало удивительно похожим на лицо ребенка, впервые увидевшего перед собой негра или жирафа. Но клиент смотрел на нечто, происходившее за спиной кассира. Тот обернулся и с ужасом увидел, что в жизнь воплотился один из самых страшных кошмаров, отравлявших ему сон на протяжении трех последних десятков лет. Первый из hyb[был связан с таким страшным происшествием, как ошибка. Он ошибался, ошибался непрерывно; при каждом расчете он отдавал десяток лишних луидоров. Он прекрасно сознавал это, отчетливо видел каждую монету, но ничего не мог поделать с собой и продолжал ошибаться. Он старательно пересчитывал столбики монет. Каждый раз у него получалось, что их десять, но он знал, что на самом деле их одиннадцать. Таким образом, его касса постепенно теряло золото, свою кровь; нет, это его собственная кровь капля за каплей утекала в руки игриво улыбавшихся жизнерадостных клиентов, с невероятной скоростью мелькавших за окошечком кассы.

Второй его кошмар представал в облике дьявольского грабителя, небрежно расправлявшегося с любыми замками и сторожами и очищавшего сейф под самым его носом. Словно в параличе, он не мог помешать негодяю похитить эти замечательные пухленькие, такие симпатичные мешочки с золотом. Пот струился по его лицу. Он громко стонал. Он рыдал. Но грабитель, злорадно ухмыляясь, глотал звонкие луидоры и хрустел банкнотами, словно пастилками. Насытившись, он спокойно удалялся с раздувшимся брюхом, похожий на беременную женщину.

Оба кошмара заканчивались одинаково: директор банка удерживал у бедного кассира половину его зарплаты в 62 франка 59 сантимов до конца его служебной карьеры и отдавал его под суд, предварительно выгнав с работы.

Естественно, только в страшном сне эти наказания могли быть применены одновременно к одному и тому же человеку — вероятно, для того, чтобы еще сильнее ранить его несчастное сердце. Он просыпался среди ночи, сначала дрожа от ужаса, потом трепеща от радости, когда до него доходило, что все это случилось лишь во сне. Окончательно придя в себя, он использовал внеочередное пробуждение, чтобы сходить на горшок. Жена в бигуди поворачивалась на другой бок, проворчав «Ты опять съел слишком много супа на ночь» и засыпала.

Мысль о невозможности присутствия постороннего в помещении кассы несколько успокоила его. Он подумал: «Я опять вижу сон. Это всего лишь сон.» Но это рассуждение не привело его, как обычно, к пробуждению; он понял, что не спит, и задрожал. В это время все окружающие служащие банка повскакали на ноги и устремились к его кассе. Два десятка клиентов с жадностью прилипли к решетке. Кассир несколько успокоился. «Ладно, — подумал он, — не понимаю, как он мог попасть сюда, но уж выйти отсюда он не может.» К нему вернулся дар речи, и он заорал: — Охраняйте двери! Он попался!

Выдвинув ящик стола, кассир схватил револьвер с барабаном и направил его на грабителя. Поколебавшись мгновение, он отважно подскочил к бандиту и схватил его за воротник, одновременно приставив револьвер к его груди.

— Сдавайся! — воскликнул он.

Но его рука сомкнулась на пустоте с такой силой, что ногти вонзились в ладонь. Грабитель исчез.

— Ах, — вздохнул кассир. — Так это все же был сон!

Но вид опустошенного сейфа вновь наполнил его душу ужасом. Он потрогал сейф. Это был твердый, холодный, реальный предмет. Понимая, что его зарплаты за всю жизнь не хватит, чтобы возместить ущерб, он ткнул дулом револьвера себе в висок. Когда-то он прочитал в романе, что обесчещенный банкир должен добровольно расстаться с жизнью. Револьвер оказался весьма солидного калибра, а голова была сравнительно небольшой. Пуля без труда пробила ее и вонзилась в потолок, по пути пробив трубку, подводившую газ для освещения. Газ с тихим свистом начал наполнять помещение.

В этот же вечер Сен-Мену отправился в Оперу. Давали «Фауста», это было представление-гала, весь доход от которого шел миссионерам, использовавшим эти деньги для помощи маленьким китайчатам.

Фауст допытывается у природы и творца, в чем смысл жизни, выворачивая душу наизнанку перед совершенно безразличными к его страданиям зрителями. Ведь они пришли в театр только для того, чтобы показать себя, свои наряды и драгоценности. Здесь можно увидеть самые красивые в Париже женские плечи. Мужчины, направившие лорнеты не на сцену, а на ложи и первые ряды партера, отважно пялятся на несколько крайне смелых декольте.

Грохот оркестровой меди. Фауст вызывает Мефистофеля. Сенсация! Потрясающая новинка! Смелое решение! На сцене одновременно появляются два дьявола — слева красный, справа — зеленый. Зал оживляется и аплодирует. Режиссер, прячущийся за кулисами, беззвучно проклинает пришельца, угрожающе жестикулируя в его адрес. Дирижер оркестра, на мгновение сбившийся с такта, спохватывается и ведет мелодию дальше. Зеленый дьявол исчезает так же неожиданно, как и появился. Браво! Замечательно! Великолепно! Какая удачная находка! Правда, никто не знает, что означает эта придумка режиссера. Впрочем, это мало кого волнует. Зрители, сидящие в зале, даже не пытаются понять. Завтра они прочитают в газетах все, что им следует знать об этом происшествии.

Шум утихает, Фауст возобновляет диалог с подлинным Мефисто. Его зовут Бернар. Он страдает от ревматизма суставов.

Отчаянный вопль прерывает обмен любезностями. Зеленый дьявол возникает, словно вспышка зеленого пламени, в ложе герцогини де Бериндоль. Это богатая вдова, достаточно хорошо сохранившаяся, несмотря на семьдесят лет распутства, к счастью для нее, достаточно разумного. Ее постаревшая кожа сильно потерлась в свое время о кожные покровы, гладкие или волосатые, принцев, землекопов, могучих офицеров, надушенных кардиналов, плохо помывшихся артистов и юных пастушков, пропахших сыром. Но дьявола в ее коллекции не было. Она трепещет при виде протянутой к ней зеленой руки. Но, оказывается, ему нужно всего лишь ее колье из бриллиантов. Она пытается оцарапать его, но пальцы встречают только пустоту.

Зрители дружно повскакали со своих мест. Не менее десяти офицеров в расшитых золотом мундирах толпится вокруг герцогини, яростно проклинающей их всех на бериндольском языке. Мефисто пользуется тем, что внимание публики направлено в другую сторону и потихоньку растирает себе колени. Но вот в зале снова поднимается общий вопль. Зеленый призрак возник в ложе известного винодела Фортони. Изобретатель укрепляющего здоровье эликсира нигде не появляется без нескольких флаконов этой драгоценной жидкости, уже опробованной в самых знаменитых дворцах Европы. Трясущимися руками он выхватывает плоский флакон из бокового кармана и протягивает его привидению... Призрак хватает бутылку и с треском разбивает ее о лысину господина Фортони. Тот падает в кресло и без сопротивления позволяет сорвать с рубашки алмазные пуговицы. Затем вторгшийся в его ложу незнакомец завладевает ожерельем из пяти нитей жемчужин, обвившихся вокруг жирной шеи его супруги.

Отважные мужчины в это время уже взламывают двери ложи. Грабитель вскакивает на барьер и кидается вниз. Зрители в зале с воплями шарахаются в стороны, давя друг друга, но дьявол исчезает в середине своей траектории где-то между балконом и спинками кресел партера. Ужас охватывает присутствующих. Множество женщин падает в обморок, остальные с визгом устремляются к дверям, царапая, толкая и сбивая с ног всех, оказавшихся на пути. Мужчины тоже толкаются, причем гораздо сильнее, чем женщины. Рвущиеся к дверям топчут упавших, цепляются за кресла, раздирают одежду.

Из забитых плотной пробкой тел дверей время от времени выдираются наиболее удачливые. Они несутся, спотыкаясь и падая, вниз по широкой мраморной лестнице; похожие на слепцов с вытянутыми вперед руками, они добираются до выхода и исчезают в ночи на улице, освещенной колеблющимися язычками голубого пламени газовых рожков.

2.

После нескольких подобных экспедиций Сен-Мену оказался владельцем настоящих пиратских сокровищ: это были три чемодана, набитых драгоценностями, золотыми монетами и столовым серебром. Будущее его семьи было практически обеспечено.

Однажды после полудня, вернувшись из очередной экспедиции, он не смог найти свободного места для добычи. Решив, что теперь у него накопилось достаточно средств и поэтому для свадьбы не предвидится никаких препятствий, он отправился побродить по Парижу. Теплый мартовский воздух лучился мягким серебристым светом. Выстроившиеся вдоль набережной деревья протягивали зазубренные контуры ветвей с набухшими почками к бледно-голубому небу, походившему цветом на глаза юной мечтательницы.

Воробьи, круглые, словно ширики, лениво отпрыгивали в сторону при приближении шагавших на них ботинок. Медленная вода плавно несла вниз по течению баркас. Над мостом возвышался собор Нотр-Дам, придавивший всей тяжестью своей каменной красоты едва различимый невесомый туман. Собор

показался Сен-Мену точно таким же, каким он увидел его пятьдесят три года и два часа тому назад. Каменный силуэт, едва ли более темный, чем светившееся той же нежностью небо, был почти неразличим на его фоне.

Но если декор не изменился, то люди претерпели тягостные превращения. Если бы Сен-Мену не познакомился с беззаботными улыбчивыми парижанами конца прошлого века, то, наверное, не обратил бы внимание на унылые лица задавленных невзгодами горожан послевоенного времени. В сладостном воздухе ранней весны они передвигались, согнув спины, с озабоченными лицами и тусклыми глазами. Особенно печально выглядели торопливо семенившие мимо Пьера женщины; они так спешили к своим повседневным хлопотам, что едва успевали бросать по сторонам беглые невидящие взгляды. Пьер зажмурился и представил грациозные силуэты дам 1890 года, так хорошо известного ему. Он подумал, что было бы забавно отправиться туда с Аннет в свадебное путешествие. А если ей там понравится, то почему бы им не обосноваться навсегда в том времени? Если ему покажется слишком обременительной попытка добыть счастье для всего человечества, то у него хватит возможностей обеспечить счастье любимой женщины.

Сен-Мену остановился перед лотком букиниста и принялся машинально перебирать корешки книг. Неожиданно его взгляд остановился на странном названии: «Тайна Зеленого Дьявола». Перелистав книжку с пожелтевшим обрезом и пробежав глазами несколько страниц, он сунул ее в карман, бросил продавцу сто су и кинулся к ближайшему кафе, чтобы основательнее познакомиться с текстом. Это была история его появлений в 1890 году, рассказанная одним из малоизвестных писателей того времени. На рисунке в самом начале он был изображен гораздо более высоким, чем на самом деле, в огромных, словно автомобильные фары, очках, самозабвенно стискивающим горло герцогини де Бериндоль.

— Жюль, сорванец, — крикнула хозяйка кафе своему отпрыску, ползавшему под столиками между ног посетителей. — Если ты опять порвешь штаны, я отдам тебя Зеленому Дьяволу!

На протяжении целой недели Сен-Мену проводил послеобеденные часы в Национальной библиотеке. Он обнаружил несколько сотен книг, посвященных Зеленому Дьяволу. Журналисты, ученые, врачи и криминалисты пытались разрешить загадку его появлений с целью грабежа. Одни говорили о черной магии, другие — о хорошо организованной банде. Обвинялись то франк-масоны, то иезуиты, то какая-то Черная Рука. Пьер вскоре понял, что о Зеленом Дьяволе говорилось и писалось больше, чем о чудовище из Жеводана , Мандрэне или Картуше вместе взятых, и что он занял в народных преданиях более видное место, чем, скажем, оборотни. Все нераскрытые убийства, начиная с 1890 года, многие загадочные исчезновения, а также похищения детей были отнесены на его счет. Это он похитил чемодан Гуффа; он подкармливал тайком объявившую голодовку женщину из Пюи, настаивавшую на том, что она ничего не брала в рот на протяжении шести лет; он повредил аэростат братьев Шепталь в тот момент, когда они достигли высоты 4300 метров; он спровоцировал манифестацию 1 мая; он выбросил за борт президента Сиди-Карно во время посещения им эскадры в Тулонском порту; он погубил урожай яблок, специально выращенных в Нормандии для приготовления сидра; он вызвал дожди, затопившие семь департаментов на юге страны.

Какой-то писатель-роялист утверждал, что под маской Зеленого Дьявола скрывалось одно весьма высокопоставленное лицо республики. Именно этим он объяснял неуловимость и безнаказанность преступника. Парижский епископ с большой помпой освятил монастырь, обитательницы которого каждую ночь видели под своими кроватями розового дъявола с красной головой. Одна инженю из Комеди-Франсэз утверждала, что подверглась ужасному надругательству со стороны Зеленого Дьявола, и на протяжении трех едель вся Франция с нетерпением ожидала ежедневный бюллетень о последствиях этой брачной ночи. Прошла определенная дата, и сомнений не осталось: у Зеленого Дьявола должно было появиться потомство! Вскоре его супруга потеряла сознание во время представления пьесы Мюссе; потом ее стошнило прямо на грудь пытавшегося помочь ей машиниста сцены. Три гинеколога проверили несчастную. Увы! У бедняжки начался климакс.

У Сен-Мену буквально перехватило дыхание, когда он увидел в «Математическом журнале» подписанную его фамилией статью, озаглавленную «О геометрической прогрессии при коллективной галлюцинации и распространении слухов: случай Зеленого Дьявола». Это был номер за ноябрь 1938 года. Пьер вспомнил, что в том году опубликовал в этом журнале исследование о цифре 7. Вернувшись домой, он покопался в своем архиве и действительно нашел статью о Зеленом Дьяволе! Исследование о цифре 7 исчезло! Прочитав статью о коллективной галлюцинации, он нашел ее весьма удачной. Попытался вспомнить, что им было написано в статье о семерке, но не смог восстановить ничего, кроме смутных обрывков. Напротив, он начал вспоминать, что действительно когда-то занимался исследованием коллективного психоза.

Сен-Мену встряхнулся, сунул голову в тазик с холодной водой и попытался отделить старые воспоминания от новых. Но к этому времени у него в голове уже ничего не осталось от прежних воспоминаний.

Он решил навестить Аннет. Ее улыбка, нгежность ее рук возвращали ему покой. Она была простой и естественной в любой обстановке, как цветок, как птичка. Рядом с ней ничто не могло показаться трудным. Самая запутанная проблема рассеивалась, словно туман под солнцем. Оставалось лишь самое важное, самое существенное. Она протянула к Пьеру руки и сказала: !Я ждала вас».

Она ждала его в каждый момент своей жизни, ждала без нетерпения, без тревоги. И И постоянно твердила про себя: «Я — его невеста. Он обязательно придет». Потом Аннет усаживалась у окна и смотрела на деревья, за которыми где-то там, далеко-далеко, жил ее Пьер.

Его нескладная фигура опустилась на пол у ног девушки. Тощие длинные ноги юноши неловко согнулись, острые коленки торчали в разные стороны. Он принялся целовать ее пальчики, все десять, по очереди. Потом оставил их и погрузился лицом в душистые ладони. Со вздохом облегчения положил голову на колени Аннет Что там он пытался вспомнить? Что он должен был понять? Какие глупости! Он был счастлив.

И все же Сен-Мену пришлось сделать вывод: его вмешательство привело к изменению прошлого. На всем отрезке времени от 1890 года до настоящего времени. Зеленый Дьявол, созданный им всего несколько недель назад во время его путешествий в прошлый век, завоевал в человеческой памяти все истекшие 50 лет.

Молодой преподаватель пришел в восторг от этого открытия. Он решил проделать еще один опыт, проведя его в рамках чисто научного исследования. Он перефотографировал в Национальной библиотеке всю работу каноника Шамайю из Французской Академии. Это был серьезный труд, не чета бульварным брошюркам. Автор приводил все случаи появления Зеленого Дьявола, о которых он имел свидетельства не менее, чем четырех очевидцев. Каждому случаю был посвящен отдельный раздел работы. Сен-Мену сделал две копии каждой страницы, и каждая копия была заверена печатью библиотеки. Один комплект страниц он оставил у себя. Он как раз выходил из своей комнаты, чтобы положить второй комплект на хранение в ноэлитовый сейф, когда неожиданно столкнулся с господином Мишле.

Архитектор схватил его за руку.

— О, господин Сен-Мену! Как я рад, что встретил вас!

Бедняга рыдал. Его тонкая шея болталась внутри не слишком чистого пристяжного воротничка. Его бороденка расползлась по пиджаку.

— Господин Сен-Мену, — продолжал он, — извините меня, но я должен попросить вас об одной услуге. Сегодня только восьмое число, а у меня уже кончились карточки на хлеб на эти две недели. Не могли бы вы одолжить мне карточку граммов на сто или двести? Вы же знаете, сейчас все так дорого! Я не ем почти ничего, кроме хлеба, и мне постоянно его не хватает...

Он стряхнул пальцем очередную слезу и высморкался.

— Дожить до того, что приходится просить милостыню! Вы думаете, я не сожалею о такой жизни? Что сказали бы мои родители, узнай они об этом!

Сен-Мену, грубо вырванный из своих размышлений, внимательно посмотрел на архитектора. Тот сильно похудел и постарел лет на двадцать. Одежда висела на нем, словно на вешалке. Почувствовав укол жалости и не желая терять время, он протянул господину Мишле половину своих карточек и торопливо распрощался. Едва он удалился, как господин Мишле бросился в бар и отдал хозяину результаты попрошайничества. Тот регулярно приобретал у него хлебные карточки по определенному тарифу: за 500 граммов хлеба — порция довоенного кофе.

3.

Наверное, сохранившееся в подсознании воспоминание об этой встрече и определило маршрут очередного путешествия Сен-Мену, предпринятого им в тот же день. Отправляясь в прошлый век, он задался целью очистить ювелирную лавку на улице Мира, чтобы потом проверить, появятся ли в прессе упоминания об этом происшествии, и попадут ли они в книгу каноника Шамайю. В момент старта он думал о ювелире, лавку которого хорошо помнил по предыдущим путешествиям в прошлое. Но подсознание привело его в мэрию второго округа, в зал для бракосочетаний. Он очутился там в тот момент, когда мэр, сверкавший черным фраком и такой же бородой, задавал невесте стандартный вопрос: «Мадмуазель Мартэн-Марэн, согласны ли вы взять в мужья господина Ансельма Мишле?»

Взволнованная девушка подняла глаза под прозрачной вуалью, чтобы ответить «Да!», но сквозь тонкую тюлевую сеточку она вдруг увидела вместо черного мэра Зеленого Дьявола. Она онемела, забыв закрыть рот. Привидение же обратилось к жениху: «А, так это вы, господин Мишле! Я хорошо знал вашего сына!»

Невеста показалась Сен-Мену несколько тощей, но все же волнующе красивой в своей бледности. Не задерживаясь в мэрии, он кивнул на прощанье и исчез сквозь стену.

Ювелирная лавка, на которой он остановил выбор, принадлежала господину Гастону Руле, одному из наиболее известных в мире экспертов по драгоценным камням. Стоя за прилавком, ювелир внимательно рассматривал пять великолепных бриллиантов, доставленных ему маклером из Претории.

Возраст господина Руле приближался к шестидесятилетию. Его редкие волосы, словно приклеенные к черепу слева и справа от идеально ровного пробора, и лихо закрученные кверху усы казались неестественно черными. Ювелир громко засопел от удовольствия. Один из бриллиантов в 18 карат был настоящим чудом. Он извлек лупу из глазницы, вздохнул с сожалением и положил камень на прилавок.

— Я беру всю партию, — сказал он южноафриканцу.

В этот момент рядом с двумя мужчинами в воздухе возникло какое-то колебание. Огромная зеленая рука протянулась между ними к прилавку, совершила круговое движение над подносом и схватила бриллианты.

— Зеленый Дьявол! — потрясенно пробормотал господин Руле.

Его собеседник, Уильям Дюбингтон, приехал в Париж из Лондона. Он никогда ничего не слышал о Зеленом Дьяволе, а поэтому принял внезапно появившееся существо за вульгарного грабителя. Как коммивояжер, перевозящий драгоценности, он никогда не путешествовал без оружия. С времен его молодости, когда он работал грузчиком в порту, у него сохранились весьма грубые манеры и презрение к огнестрельному оружию. Он выхватил из внутреннего кармана куртки большой нож и, ни секунды не колеблясь, воткнул его в живот Сен-Мену. Тот успел инстинктивно отшатнуться, что спасло его от неминуемой смерти. Тем не менее, лезвие ножа распороло его скафандр, оставив разрез длиной около десяти сантиметров и небольшую царапину на уровне пупка.

Сен-Мену побледнел от ужаса. Это была катастрофа. Теперь он не мог воспользоваться ни осциллятором, ни кнопкой возврата, не починив скафандр, если не хотел повторить судьбу своего несчастного учителя. Пьер метнулся к дверям, надеясь забиться в укромное место, где смог бы заняться починкой скафандра. Южноафриканец бросился за ним, вопя во всю глотку «Держи вора!» на всех известных ему языках.

Появление на авеню Оперы Зеленого Дьявола, преследуемого рыжим гигантом, рычавшим, словно тигр, вызвало всеобщее смятение.

Возницы хлестали лошадей, женщины задирали юбки до колен, чтобы бежать быстрее. Все уличные шавки с пронзительным лаем присоединились к преследователю. За ними последовали наиболее отважные из прохожих. Полы сюртуков развевались на ветру, цилиндры катились по мостовой. Сен-Мену мчался по направлению к Опере, напрасно пытаясь обнаружить безлюдное место.

Встревоженные криками торговцы стояли на порогах лавок, из дверей выглядывали консьержки в круглых колпаках. Сен-Мену с ужасом понял, что он пропал, потому что нигде не сможет найти место, где бы на него не пялилась многоликая масса прохожих. Ему не попалось по пути ни одного свободного метра.

Он начал задыхаться. Гнавшаяся за ним свора разрасталась, к ней присоединялись все новые и новые мужчины и собаки. Вся улица вопила: «Это Зеленый Дьявол! Зеленый Дьявол! Держите Зеленого Дьявола!» Увидев стоявший у тротуара фиакр, запряженный гнедой лошадью, Пьер вскочил на подножку и, рявкнув на кучера, немедленно рухнувшего с козел в полубессознательном состоянии, схватил хлыст и несколькими ударами вывел лошадь из дремотного состояния. Та рванула с места в галоп. Фиакр понесся вперед в грохоте колес и стонах терзаемого железа. Тут же две, пять, десять повозок устремились вдогонку. Сен-Мену умел водить автомобиль, но об управлении лошадью имел весьма смутное представление. Поэтому лошадь по своей инициативе повернула на площадь Оперы и помчалась в сторону улицы Мадлен. На Королевской улице за Сен-Мену неслось уже не менее полусотни преследователей. В несущейся с грохотом отчаянной кавалькаде друг с другом соперничали коляски, ландо, кабриолеты, фаэтоны и брички; они то и дело задевали стоявшие у обочины экипажи, сцеплялись, вылетали на тротуары, расплющивали мусорные баки, сбивали газовые фонари, разносили вдребезги витрины, переворачивались, давили взрослых и детей. Одна коляска влетела в кондитерскую, и лошадь со вспоротым брюхом разбросала внутренности по прилавку с пирожными.

В хвосте вереницы мчалась большая повозка, в которой на скамейках разместилась пьяная свадьба. Краснолицый новобрачный потрясал букетом роз и испускал прерываемые отрыжкой вопли: «Смерть зеленому негодяю!»

Коляска Сен-Мену описала вираж, рискованно наклонившись на одно колесо, и устремилась дальше по улице Риволи. Масса преследователей некоторое время бестолково кружилась по площади Согласия. Первым опомнился африканец, сидевший верхом на лошади, за которой волочились вырванные с мясом оглобли, и возобновил погоню во главе урагана из грохочущих копыт, дымящихся лошадиных крупов, подпрыгивающих колес, разлетающихся в щепки досок, хлопающих бичей, воплей гнева и агонии. За промчавшейся вереницей оставалась пустынная мостовая, усеянная множеством обломков повозок, телами пытающихся подняться искалеченных лошадей и валяющимися то тут, то там женщинами, бесстыдно демонстрирующими кружева своих нижних юбок.

Лошадь Сен-Мену решила направиться на площадь Пирамид, но по инерции не смогла совершить поворот и врезалась в колонны аркады. Колеса фиакра разлетелись в разные стороны и все затихло.

Подлетевший первым к месту катастрофы господин Уильям Дюбингтон обнаружил грабителя, лежавшего без сознания среди обломков. Первой его заботой был обыск карманов и сумок Зеленого Дьявола. Он быстро обнаружил свои бриллианты, сунул их в карман и отправился восвояси.

Ужас заставил Сен-Мену очнуться быстрее, чем это смог бы сделать с ним самый лучший доктор. Он сразу же сообразил, что лежит на полу тюремной камеры. Чтобы надежнее упаковать его в смирительную рубашку, с него сорвали скафандр.

4.

Отправляясь в чужие времена, Пьер обычно прикидывал примерную длительность своего отсутствия и предупреждал Аннет о времени возвращения. Девушка всегда приходила в лабораторию задолго до назначенного срока. Делала она это на всякий случай, тем более, что лучше Сен-Мену разбиралась в принципах работы аппаратуры. И, как ни странно, тишина в пустынной лаборатории не оказывала на нее иссушающего влияния; наоборот, ее душа словно раскрывалась в ожидании очередного чуда возвращения. Когда ее жених внезапно возникал перед ней из пустоты, она каждый раз испытывала счастливое изумление.

Вполне может быть, что она наслаждалась ожиданием даже больше, чем моментом возвращения. Одна в помещении лаборатории, точно перед тем местом, где должен был появиться Пьер, она стояла, крепко стиснув руки, чтобы сдержать дрожь волнения. Глядя в пустоту, опасаясь лишний раз моргнуть, напряженно вслушиваясь в тишину, она пыталась уловить признаки приближения путешественника, несущегося к ней через бездну времени. Но она улавливала только трепет и глухие шумы своей собственной жизни. Неожиданно, возникнув из ничего, он оказывался перед ней, высокий и тощий, с согнутой сутулостью спиной, одетый во все зеленое. Он тут же избавлялся от очков, похожих на глаза хамелеона, улыбался, протягивал к ней руки. Охваченная безмерным счастьем, она замирала в его объятьях.

В этот день она ждала напрасно. Через несколько бесконечных часов бесплодного ожидания, с ввалившимися глазами и осунувшимся лицом, она была готова к худшему. Она не сходила с места весь вечер и всю ночь. Ее бдение не смогла прервать даже Катрин, племянница Филомены. Она недавно покинула ферму в Нормандии, расставшись с возлюбленным, чтобы исполнить последнее желание тетки. Она хорошо понимала горе хозяйки.

Катрин была крупной блондинкой двадцати пяти лет с объемистым корсажем, заполненным пышными грудями, с небольшими круглыми голубыми глазами. После того, как она много лет носила на левой руке, продолжая заниматься хозяйством, одного за другим одиннадцать младших братьев и сестер, ее тело так и осталось навсегда несколько перекошенным, да и передвигалась она немного боком. Она провела ночь рядом с Аннет. Уютно свернувшись в кресле, она спала, негромко похрапывая. Аннет ходила взад и вперед по комнате, кусая в тревоге пальцы, то и дело будила служанку, чтобы та прислушалась вместе с ней к очередному воображаемому шороху…

На заре с Аннет случилась истерика отчаяния. Но она упорно не хотела уходить из лаборатории. Катрин была вынуждена поставить в углу раскладушку; затем она заставила Аннет выпить настой мака, погрузившего девушку на пару часов в тревожную дремоту.

Когда Аннет проснулась, ее осенила мысль, вернувшая в одно мгновение жизнь. Вскочив с простели, она бросилась к металлическому шкафу, в котором хранился разорванный скафандр отца.

Работая ножницами и иглой, она ушила его, затем прополоскала в свежем растворе ноэлита. Не дожидаясь, пока он полностью просохнет, натянула его на

себя. Догадавшись, что какой-то несчастный случай не позволял Пьеру вернуться к ней, она решила сама отправиться к любимому. Торопливо набила сумки продовольствием, оружием, медикаментами и прорезиненными лентами, покрытыми слоем ноэлита.

Ему нужна была помощь…

«Я иду к тебе, моя любовь! Не бойся ничего, не думай о плохом, я здесь, я иду!» — кричала она Пьеру сквозь толщу лет. Торопливо закончив приготовления, застегнула пояс, поцеловала перепуганную Катрин. Приступив затем к настройке на время прибытия, она внезапно застыла на месте, а потом упала на постель и зарыдала. Она знала, что Пьер отправился в 1890 год, но он не назвал ни месяца, ни дня, ни часа. Если только не надеяться на невероятное везение, она никогда не сможет найти его.

5.

Полицейские обнаружили в карманах Зеленого Дьявола удивительные и непонятные вещи. Прежде всего, военный билет, удостоверяющий, что его владелец родился в 1910 году и участвовал в войне с немцами в 1939 году. Затем, письмо с марками, на которых был изображен какой-то старик и помещена надпись «Французское государство». Еще там оказались небольшие листки цветной бумаги, разделенные на пронумерованные квадратики, на которых было напечатано: «Хлеб», «Картофель», «Мясо» и странное выражение «Прочие продукты». Наконец, газета, датированная 11 июля 1943 года! Это был двойной листок, почти целиком посвященный войне между Германией и Россией. Великолепная фотография, воспроизведенная неизвестным способом, изображала идущие в атаку чудовищные машины, нечто вроде подвижных стальных крепостей, ощетинившихся пушками и пулеметами.

Следователь, господин Винье, содрогнулся, увидев эту фотографию. «Нация, у которой будет дюжина таких машин, станет властительницей мира!» — подумал он и перевернул страницу. На обороте была помещена другая фотография, на которой двое мужчин сидели в большом летательном аппарате с длинными крыльями. Рядом была помещена коротенькая заметка, в нескольких строчках сообщавшая, что парижане могут получить по фунту брюквы по талону «Д-зет».

«Пари-Суар» , повторил про себя господин Винье. Забавное название. И любопытный способ печатания иллюстраций. Это настоящие фотографии. И этот текст… «Миллионы погибших… Бомбардировка городов… Двадцать пять кораблей отправлено на дно Ледовитого океана… Японцы на подступах к Австралии… Правительство Виши считает… Литр вина в неделю на человека…» Нет, все-таки, это должен быть сумасшедший. Может быть, гениальный, но явно свихнувшийся человек. Безумец…

Перед тем, как подписать приказ об аресте, он хотел еще раз допросить задержанного. Скорее из любопытства, чем по необходимости. Потому что для себя он уже сделал вывод. Господину Винье, честному государственному служащему на

днях должно было исполниться пятьдесят лет... Он обладал тем сдержанным, замкнутым характером, который проявляется в таких чертах внешности, как костистый лоб, светлые волосы, тонкие и рано поседевшие на висках, блестящие зубы под жидкими усами. Он усадил Сен-Мену на стул в окружении четырех стражей порядка и начал допрос.

Сен-Мену был подавлен идиотизмом случившегося. Он оказался пленником прошлого, его арестовали давно ушедшие из мира реальности тени! Четыре громилы, следившие за каждым его движением с каменными физиономиями, давным-давно превратились в прах и были ничем иным, как всего лишь воспоминаниями. Он, ученый, тонкая натура, был задержан самым глупейшим образом этими призраками во время путешествия в прошлое. Пьер ощущал на себе весь груз их невежества, непонимания ими всей неправдоподобности ситуации. Никто не поверит ему, если он скажет правду. Если он будет лгать, то окончательно осложнит свое положение в глазах этого представителя отжившего свое правосудия.

Он едва расслышал первые слова представителя судебного ведомства. Потом очнулся и заявил, что будет отвечать на вопросы только в присутствии двух членов Академии наук.

— Мой случай относится не к юриспруденции, а к физике и химии. Впрочем, мои документы у вас на столе. Вы прекрасно видите, что я не являюсь вашим современником. Нас разделяет добрая половина столетия...

— Конечно, конечно, — мягко ответил следователь. — Мы знаем это. Но вы постарайтесь не нервничать. Не могли бы вы объяснить, какая странная идея заставила вас надевать для ограблений этот зеленый костюм?

Сен-Мену увидел, как следователь встал и извлек из стенного шкафа пакет. У него радостно забилось сердце, когда следователь развязал его и принялся раскладывать на столе один за другим предметы снаряжения. Он увидел комбинезон, перчатки, сапоги, сумки, слуховое устройство, чудом уцелевшие очки, пояс и аппарат, тоже, по-видимому, не пострадавший. Господин Винье положил его поверх остальных вещей.

Его лежавшие на коленях скованные наручниками руки затряслись. В душе вспыхнула безумная надежда.

— Я... Я не могу объяснить вам это на словах... Будет лучше, если я попытаюсь показать, в чем тут дело. Для этого нужно, чтобы вы разрешили мне надеть костюм. На несколько минут, этого будет достаточно…

Господин Винье покачал головой.

— Чтобы вы сыграли с нами один из ваших трюков, не так ли? Кстати, я должен заметить, что не верю ни одному слову из рассказов о ваших так называемых исчезновениях. Это всего лишь бред людей толпы, невежественных и перепуганных. Но я уверен, что вы являетесь на редкость ловким злоумышленником, и мне не хотелось бы предоставлять вам возможность блеснуть своими талантами. Сначала попытайтесь все же объяснить все на словах. А уж потом я решу, так ли необходима демонстрация.

— Ну, ладно, если вы так хотите, — пробормотал Сен-Мену.

Он проглотил неприятный комок в горле и сказал первое, что пришло ему в голову.

— Это одежда, защищающая от пуль.

— Ах, вот как! — ухмыльнулся господин Винье. — Значит, для защиты от пуль? Может быть, и от ударов ножом?

— Ну, дело в том, что … — промямлил сбитый с толку Сен-Мену и замолчал.

— Дело в том, что вы пытаетесь лгать мне! — воскликнул господин Винье, грохнув по столу костлявым кулаком. — Я требую, чтобы вы говорили правду! Не нужно сказок для детей! А что это за аппарат со всеми его кнопками и регуляторами? Может быть, вы скажете, что это кофемолка? Впрочем, я должен сам повнимательнее взглянуть на это устройство…

Он протянул руки к аппарату. Сен-Мену вскочил на ноги с криком: — Нет! Нет! Только не трогайте его!

Четверо полицейских разом бросились на него, мгновенно и довольно грубо придавив к стулу. Чья-то волосатая лапа заткнула ему рот. Пьер с ужасом следил, как палец следователя , украшенный толстым желтым ногтем, какое-то время блуждал, колеблясь, над тремя кнопками. Потом, решившись, он нажал на среднюю из них.

— Ах! — воскликнул господин Винье.

— Ах! — воскликнули разом четверо полицейских.

Сен-Мену потерял сознание, обвиснув на стуле.

На столе перед следователем не было ни одного предмета из обмундирования Зеленого Дьявола.

6.

Шел четвертый день бессменного дежурства Аннет. Все это время она почти ничего не ела. Запершись в лаборатории она настойчиво пыталась разглядеть невидимое, изо всех сил стараясь услышать отзвуки абсолютной тишины, почувствовать колебания воздуха, угадать в пустоте призрачные очертания тела своего возлюбленного. Она твердила себе, что Пьер может находиться совсем рядом, отделенный от нее ничтожной крупицей времени, может быть, какой-нибудь тысячной долей секунды. Ничтожной, и все же более непреодолимой, чем бетонная стена. Она то и дело вскакивала, пытаясь нащупать дрожащими руками что-то в пустоте.

Постепенно усталость притупила все ее чувства. Она стала то и дело отключаться на несколько минут, проваливаясь в сон, но тут же снова вскакивала на ноги, уверенная, что минутная слабость могла лишить ее возможности увидеть и спасти Пьера. К ужасу разлуки добавлялись угрызения совести.

Когда она в очередной раз поддалась усталости и рухнула в черную дыру сна без сновидений, ее внезапно разбудил легкий стук. Ее затуманенные сном глаза

увидели, как на полу между двумя пустыми мраморными столами, на том самом месте, где должен был появиться Сен-Мену, возник какой-то сверток.

Аннет бросилась к нему. Она тут же узнала скафандр Пьера и принадлежности к нему. Прижав его со слезами к груди, она закричала:

— Катрин! Катрин! Иди скорей сюда!

Мгновенно примчавшейся встревоженной служанке она некоторое время ничего не могла объяснить, а только повторяла прерывающимся голосом:

— Нет, ты посмотри! Ты только посмотри на это!

Рыдая, она обеими руками протянула Катрин зеленый костюм. Они осторожно развернули детали одежды и разложили их на мраморной поверхности лабораторного стола. Когда Аннет увидела разрез на животе, она судорожно заломила руки:

— Милосердный Боже! Похоже, на одежде кровь! — сообщила ей Катрин, тыча пальцем в засохшее бурое пятно.

Аннет застонала. Она нежно гладила распоротую ткань, мокрую от капавших на нее слез.

— Мой Пьер, мой дорогой, мой любимый, где ты сейчас? Тебе, наверно, очень плохо? Скажи мне, Пьер, любовь моя!

Внезапно она замолчала. Ее лицо осветилось радостной догадкой.

— Боже! — Воскликнула она. — Как же я сразу не сообразила! Аннет схватила вернувшийся вместе со скафандром аппарат. То, что он вернулся, говорило о его исправности. А положение ручек настройки должно было точно сказать ей, в каком закоулке прошлого находился ее Пьер.

С плеч свалилась смертельная тяжесть. Теперь она могла спасти его. Она быстро заклеила куском пропитанной ноэлитом ткани дыру в комбинезоне и набила сумки всем, что могло пригодиться в экспедиции. Затем надела скафандр, засунула запасной костюм в мешок и настроила свой аппарат в соответствии с регулировкой аппарата Сен-Мену.

Меньше, чем за десять минут, она была полностью готова к старту.

7.

Господин Винье верил только тому, что видел собственными глазами. Он попытался получить объяснения от своего пленника, приведенного в чувство мощными оплеухами полицейских.

Но Сен-Мену перестал реагировать на окружавшую его действительность. Он утратил последнюю надежду вернуться в свое время. Теперь ему было глубоко безразлично, что будет с ним.

Следователь вышел из-за стола и принялся нервно метаться взад и вперед

перед сгорбившимся на стуле арестантом. Он густо покраснел от смущения. С одной стороны, его подавляло ощущение полнейшей растерянности перед непонятным и, по-видимому, сверхъестественным явлением, и он стыдился этой растерянности. С другой стороны он чувствовал сильнейшее раздражение, потому что не мог отрицать случившееся, которое видел собственными глазами. Он то и дело останавливался перед арестованным, наклонялся к нему и задавал вопросы, идиотизм которых сам прекрасно сознавал. И это заставляло его смущаться еще больше.

Сен-Мену не отвечал следователю, и даже не смотрел на него. Он был буквально раздавлен отчаянием. Этот век, казавшийся ему столь привлекательным, когда он задерживался в нем на короткое время, теперь казался столь же отсталым, страшным и жестоким, как и каменный век. До чего же все здесь было нелепым — эти дурацкие усы, закрученные кверху, эти бороды веником… А эти уродливые женские юбки колоколом, доходившие до земли…

Суровое время второй мировой войны, от которого он оказался навсегда отрезанным, теперь казалось ему единственно достойным того, чтобы жить в нем. Разумеется, при этом имелось в виду, чтобы в это время мог жить такой человек с развитым интеллектом, как Сен-Мену. Да, его время — это время серьезных людей, не способных заниматься глупостями. Людей, у которых нет ни минуты на бессмысленные развлечения…

Кроме того, там ведь осталась Аннет… Внезапно Сен-Мену охватило сильнейшее чувство вины. По его щекам потекли слезы. Господин Винье нахмурился.

Теперь Пьер знал, что никогда больше не увидит свою возлюбленную, свою невесту. Он закрыл глаза и представил ее волосы, пахнущие свежестью, словно чистый родник, ее ясный взгляд, переполненный такой любви, такого доверия… Сердце у него в груди расширилось от горя и, казалось, заполнило всю грудную клетку.

Он простонал:

— О, Аннет, моя Аннет, мое сокровище…

— Пьер, мой дорогой, я здесь, я с тобой, — услышал он в ответ.

Сен-Мену вскочил на ноги, словно подброшенный пружиной.

— Ах! — воскликнули разом четверо полицейских.

— Ах! — воскликнул господин Винье. — Это сообщница! Хватайте ее!

Полицейские рванулись вперед. Их головы столкнулись с сухим треском, а пальцы схватили только пустоту.

Полицейская карета, доставившая Зеленого Дьявола в тюрьму из Дворца правосудия, одновременно привезла туда и юную девушку, невидимую для окружающих. Она даже не подумала, что может полюбоваться удивительным зрелищем совершенно незнакомого ей города. Она даже не взглянула на Париж конца прошлого века, потому что ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем для нее не было ничего прекраснее ее возлюбленного.

Через час она со всей силой любви обрушилась на охранника, из

предосторожности запертого в камере вместе с арестованным, оглушила его и умчалась со своим дорогим Пьером сквозь толщу пространства и времени.

8.

— Поторопитесь к столу! — прозвучал голос Катрин. — Вы что, забыли, что комендантский час начинается в восемь вечера?

Комендантский час! Сен-Мену рассмеялся. Эти слова показались ему замечательными. Да, это действительно могло быть сказано только в его времени, в 1945 году! Этим вечером он решил есть только черный хлеб и даже отказался положить масло в лапшу. Ах, до чего же прекрасным было это время со всеми своими замечательными ограничениями!

Он прижал к груди свою маленькую Аннет и поклялся больше никогда не попадать в истории, которые могли бы разлучить их.

Он улыбался ворчунам, окружавшим его в метро. Весь в поту, он оказался дома без двух минут восемь. Едва войдя в комнату, он вспомнил о посещении мэрии Второго округа и решил, что должен немедленно рассказать бравому господину Мишле, какой красивой была его мамаша во время свадьбы. Он постучался к соседу.

— Войдите! — откликнулся женский голос.

Удивленный, он толкнул дверь. Его взорам предстала неприбранная постель, стол, заваленный грязным бельем и какими-то тряпками, на которых спал, свернувшись в клубок, большой серый кот. Возле стола сидела, глядя на него из-под взлохмаченных седых волос, незнакомая старуха. Ее ноги были опущены в тазик с водой.

— О, простите меня, пробормотал он, — Я ошибся дверью.

— Ничего страшного, господин Сен-Мену! Это я должна извиниться перед вами за то, что встречаю вас в таком беспорядке! Но, знаете, меня ужасно мучают по вечерам мозоли. Вся дневная усталость словно кандалами сковывает мне ноги!

Сен-Мену выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь. На ней была табличка с номером 22. Нет, он не ошибся. По-видимому, господин Мишле поменял комнату за время его отсутствия, если только хозяйка все-таки не выселила его. Он спустился по лестнице и заглянул в контору мадам Бланэ.

— Добрый вечер, мадам Бланэ! Надеюсь, у вас все в порядке? Опять занимаетесь стиркой?

— Ах, мой добрый господин Пьер, не слишком-то приятно стирать простыни двух десятков этих свиней-жильцов, да еще таким мерзким порошковым мылом! Вы только подумайте, они называют эту дрянь мылом! Я бы назвала ее свинством!

— Вы, разумеется, правы, но…

— Никаких «но»! Ведь жильцы, словно нарочно, стараются испачкать белье как можно сильнее. Можно подумать, что они весь день только и делают, что собирают

на себе грязь, чтобы вечером вытереть ее о мои простыни! В конце концов, я просто отберу у вас постели! Вы всегда сможете купить мешок угля вместо матраса…

— Я совершенно согласен с вами, мадам Бланэ, все это очень печально, — кивнул Сен-Мену. — Но, скажите, что случилось с господином Мишле? Почему он больше не живет в номере 22?

— Какой еще господин Мишле?

— Ну, как же, тот самый господин Мишле! У нас он один во всем доме. Вы же знаете, этот ненормальный старик, архитектор…

— Я думаю, что вы сами ненормальны, — ответила мадам Бланэ, пожав плечами. — Я всегда боялась, что рано или поздно с вами случится что-нибудь подобное. Это все ваши числа, ваша математика… Ведь у меня никогда не было жильца по фамилии Мишле. В 22 номере вот уже лет шесть, как живет мадам Брижитт. Вы знаете это не хуже меня. Вы ведь столько лет живете рядом с ней. Кстати, надо будет ей сказать, чтобы она избавила меня от своего кота. Он везде оставляет после себя лужи, негодяй. И, вообще, если сейчас людям нечего есть, подходящее ли это время, чтобы держать у себя домашнее животное…

Сен-Мену в глубокой задумчивости вернулся к себе в комнату. Когда он вошел в 22 номер, у него было впечатление, что он оказался в совершенно незнакомой обстановке, и его удивило, что женщина, которую он видит в первый раз, обращается к нему, как к хорошему знакомому. Теперь же ему казалось странным, что он не сразу узнал ее. Это же Брижит, старая швея. Ведь он общался с ней больше, чем с кем-либо другим из жильцов. И всегда знал, что старушка живет в соседнем номере — в этом мадам Бланэ была совершенно права!

И, все-таки, что же случилось с господином Мишле?

Постойте, с каким господином Мишле?

Он обхватил голову руками и попытался удержать в судорожно стиснутых пальцах быстро расплывающиеся и гаснущие образы. Он увидел себя на тротуаре… Кажется, он недавно отдал кому-то свои хлебные карточки… Торопливо достав бумажник, он раскрыл его. Нет, карточки были на месте. До сих пор ему еще не приходилось пользоваться ими. Рассматривая их, он забыл, с чего бы ему взбрело в голову устроить проверку. Недоверчиво покачав головой, Пьер повторил вслух несколько раз имя: — Мишле, Мишле, Мишле…

Пожалуй, оно напоминало ему о каких-то давних неприятностях в школе.

— Кажется, последнее приключение сильно сказалась на моей памяти, — пробормотал он, покачав головой.

Он уселся за стол, сдвинул в сторону загромождавшие его книги и принялся рассматривать фотографии в монументальном труде каноника Шамайю, извлеченную сегодня перед обедом из сейфа.

В книге обнаружились две новых главы. В первой рассказывалось об ограблении ювелирной лавки, мужественном поведении южноафриканца, драматической погоне за преступником, его аресте и побеге благодаря появлению таинственных сообщников. Упоминалось в ней и о разразившемся после исчезновения бандита скандале, о работе комиссии по расследованию произошедшего, об обвинениях,

посыпавшихся со всех сторон на бестолковых полицейских и, в особенности, на тюремных охранников и их начальника. Кратко сообщалось о нападках на префекта полиции и следователя, о самоубийстве последнего, об отставке министра юстиции и разразившемся сразу же после этого правительственном кризисе…

Во второй, более короткой главе, шла речь о появлении Зеленого Дьявола в мэрии Второго округа во время очередного бракосочетания. При этом, невеста, мадемуазель Марэн-Мартэн, была так испугана, что слегла с нервной горячкой. Брак так и не был заключен ни в этот день, ни позднее, так как у несчастной девушки, похоже, несколько свихнувшейся, начиналась истерика каждый раз, когда она видела своего жениха. Похоже, она принимала его за Зеленого Дьявола, и брак представлялся ей заключением союза с исчадием ада.

Каноник добавил к этой главе несколько благочестивых комментариев и закончил ее сочувственными рассуждениями о несчастной судьбе девушки и ее жениха, господина Мишле.

Мишле!

В мозгу Сен-Мену возникли, словно вспышка яркого света, воспоминания. Он увидел перед собой невысокого бородатого мужчину, чокнутого архитектора… Вскочил, оттолкнув и опрокинув стул. Теперь он все понял!

— Ну, конечно! Он не существует, он никогда не существовал, потому что его родители не поженились в 1890 году! — громко воскликнул Сен-Мену.

Он снова уселся, дрожа от волнения, вызванного этим удивительным выводом, и торопливо набросал на листе бумаги описание исчезнувшего архитектора, постаравшись не упустить ничего из того, что помнил о нем.

Время от времени он заглядывал в труд почтенного каноника, пытаясь отыскать еще какие-нибудь потрясающие подробности. Тем не менее, скоро он был вынужден остановиться, так как перестал различать, где были его подлинные воспоминания, а где выдумка.

Он только что написал несколько фраз о поддельном замке напротив. Облик этого строения был удивительно четким в памяти. Он прекрасно помнил все детали, все самые мельчайшие элементы вымученного господином Мишле сооружения. Конечно, оно должно было исчезнуть вместе с его автором, а на его месте должно было появиться какое-то другое здание. Сен-Мену встал и подойдя к окну с удивлением увидел, что странное сооружение сохранилось. На темно-синем фоне неба с редкими первыми огоньками-звездочками, четко вырисовывались черные силуэты дурацких башенок, нелепых украшений на крыше…

Это было нелогично. Он решил подойти на следующее утро поближе к дому, чтобы рассмотреть его во всех подробностях.

Ночь прошла в тревожном полусне. Он то и дело просыпался и принимался ощупывать окружавшие его знакомые предметы — будильник, подушку, комнатные туфли — чтобы окончательно увериться в том, что он, живой и материальный, находится в своем нормальном времени.

Когда утром от распахнул окно, в его все еще затуманенных глазах тут же появился сначала образ мозаичного кота, а затем и прочих дурацких существ,

украшавших трубы дома на противоположной стороне улицы. Сен-Мену торопливо умылся, оделся и выбежал на улицу. Пересек бульвар, подошел к дому и с удивлением прочитал надпись, вырезанную на окрашенной лучами восходящего солнца в розовый цвет доске: «Александр Жаретье, архитектор».

Получалось, что вместо господина Мишле нашелся другой архитектор, чтобы построить точно такое же здание! Сен-Мену направился к ближайшей станции метро, опустив в раздумье голову. Он то и дело останавливался, поглощенный размышлениями, потом срывался с места и торопливо шагал дальше, разговаривая с самим собой и жестикулируя.

Неужели для мироздания было необходимо, чтобы на том же самом месте все же было построено это нелепое сооружение? Наша небольшая солнечная система совершенно незаметно в бесконечной вселенной. Земля — это одна из самых незначительных планет в системе. Париж на Земле? О, просто ничтожная бородавка на теле слона. Но какое значение может иметь для Вселенной — будет в Париже домом меньше, или домом больше?

Тем не менее, несмотря на то, что не родился один человек, которому было предназначено построить между угольным складом и свалкой дом, украшенный столь фантастическим образом, появился некто другой, чтобы выполнить эту задачу...

Следовательно, если бы у Людовика XIII не было детей, то его наследником все равно стал бы Король-Солнце? А если бы Эйфель скончался молодым от скарлатины или воспаления легких, то в Париже все равно появилась его волшебная башня?

Сен-Мену отдавал себе отчет в том, что события прошлого века, изменившиеся в результате его вмешательства в историю, были чисто человеческого порядка, и что он по сути ничего не изменил ни в облике мира, ни в ходе исторических событий.

Он чувствовал, что его гордость оказалась уязвленной. Разве из всего случившегося не следовало, что и он сам, и его братья-земляне были чем-то вроде ничтожных крупинок угля в пылающей под котлом топке? Их жизни сгорали, не оставив после себя ни малейшего следа. Каждый из живущих добавлял к общему пламени свою душу, свое сердце, и турбина вращалась так, как должна была вращаться...

Возможно, судьба каждого отдельного человека могла подвергаться каким-то изменениям, но судьба человечества в целом оставалась незыблемой. Мелкие изменения не позволяли человечеству избежать великих катастроф и трагедий, ожидавших его на важнейших поворотах истории.

В итоге получалось, что стремление Эсайона сделать хоть что-нибудь для достижения общего блага не могло не оказаться бесплодным и бессмысленным. Разумеется, ценой траты огромных количеств доброты, любви и терпения можно было извлечь то или иное человеческое существо из трясины забот и страданий, в которой мы все барахтаемся на протяжении всей жизни. Но ничто и никто не может помешать человеческой массе катиться, словно по рельсам, к предназначенному судьбой финалу. Таким образом, получалось, что ноэлит — совершенно бесполезное изобретение, и дай бог, чтобы оно не сыграло некую определенную роль в появлении в будущем новых несчастий для человечества.

Но почему человечеству нужно было пройти через неисчислимое количество войн, революций и эпидемий, почему ему нужно было омыться таким бесконечным океаном крови, боли и ненависти?

Эти вопросы возникали а воспаленном мозгу Сен-Мену, пока поезд метро увлекал его к вилле Расина. И имя божье отзывалось в его душе подобно гремящим звукам бронзового колокола.

9.

— Нам пора пожениться, — промолвила Аннет. — Зачем откладывать? Я так испугалась, что потеряла тебя... — Она стояла перед ним, крепко ухватившись золотистыми руками за рукава куртки Пьера почти на уровне его плеч и смотрела на него снизу вверх. Он невольно восхищался поразительной чистотой ее глаз.

Чтобы посмотреть друг на друга, людям достаточно приподнять веки. Но при этом между ними все равно остается преграда, столь же непроницаемая, как двери из прочнейшего стекла. Только очень немногие, из тех, кто не способен на вездесущую расчетливость, распахивают эти двери, когда смотрят на тех, кого любят. И тогда их взгляд становится открытой дорогой к их душе.

Именно таким взглядом Аннет смотрела на Пьера. И это потрясло юношу до глубины души. Не понимая, каким образом он смог вызвать в ее чистой душе такую любовь, он чувствовал страх перед этим столь простым и в то же время безграничным даром, о котором читал в сиянии ее глаз. Он не был уверен, что сможет быть достаточно сильным, достаточно надежным, чтобы оправдать подобное доверие. Конечно, от любил Аннет, но его чувство казалось ему каким-то слишком спокойным, слишком рассудочным по сравнению с тем, что Аннет испытывала по отношению к нему. Может быть, он даже предпочел бы более сдержанную, более обыкновенную любовь.

Он погружался в ее распахнутые глаза, вдохновлялся пылавшим в них огнем, выпячивал свою тощую грудь и на протяжении нескольких секунд заставлял сердце биться в унисон с сердцем любимой. Но такое состояние продолжалось недолго. Через несколько минут он опять становился самим собой. Пьер стыдился этого, потому что был честен как в чувствах, так и в мыслях. Его состояние не соответствовало душевному подъему девушки, и он казался себе отвратительно фальшивым. Он думал, что они с Аннет подобны уравнению, у которого правая и левая стороны не уравновешены.

Аннет никогда не пыталась сравнивать. Она не могла представить, что могут существовать уровни любви, различные по интенсивности и качеству ее проявления. Она просто любила Пьера. Пьер любил ее. Ей казалось, что это так просто, так понятно.

Аннет попросила юношу снова перебраться к ним на виллу. Ее не заботили условности. Пьер в этом отношении был более подвержен буржуазным предрассудкам. Но он подавил сомнения и поселился в комнате, обжитой им еще при Эсайоне.

Сен-Мену переселился, не прибегая к чьей-либо помощи, потому что был слишком озабочен сохранностью накопленных им сокровищ. С огромным трудом он взвалил три громадных чемодана на ручную тележку, позаимствованную у угольщика. Книги были погружены навалом, на самое дно; сверху он набросал немногое, что у него было из одежды. После этого он взялся за ручку, закряхтел от напряжения и стронул тележку с места. Мадам Бланэ отчаянно махала вслед ему метлой в знак прощания, а когда тележка скрылась из виду, остановилась и вытерла глаза. Он подарил хозяйке на память сережки с жемчужинами в виде небольших капелек и булавку для шляпы из лазурита.

Оглобли дергались в тонких руках Пьера. Несколько раз он едва не перевернул тележку, а однажды чуть не угодил под автобус, единственный на весь Париж. Громоздкая машина с чудовищным фурункулом газогенератора на спине остановилась в метре от него, дико взвизгнув тормозами.

— Чертов индюк! — заорал водитель, высунувшись из окошка.

Совершенно измотанный, Пьер не нашел в себе сил, чтобы ответить улыбкой на эту характеристику. Он смахнул пот со лба, запыхтел и двинулся дальше.

Сен-Мену не чувствовал себя теперь более счастливым, находясь постоянно возле Аннет. Девушка нередко заставала его сидящим за письменным столом в глубокой задумчивости. Он стискивал голову руками, и лицо его искажали какие-то навязчивые мысли. Когда Аннет обращалась к нему, он нередко не слышал ее. Тогда она садилась напротив и молча смотрела, как ее Пьер с нахмуренным от мучительных дум лбом следил с остановившимся взглядом за ходом своих мыслей.

Потом она осторожно опускала ладонь на стол и постепенно передвигала ее, чтобы она оказалась в поле зрения Пьера. Только тогда он возвращался на землю, краснел и начинал извиняться.

Всего за две недели он еще больше похудел и еще сильнее сгорбился. Казалось, что кожа, натянувшаяся на его носу, вот-вот лопнет.

Аннет, обеспокоенная состоянием Пьера, не раз пыталась узнать, что так сильно мучает его. Он отвечал с улыбкой, что у него нет серьезных проблем, но не переставал предаваться размышлениям.

Несколько раз Аннет заставала его в лаборатории, когда он копался в металлических шкафах Эсайона. Но ключи от секции, где хранились скафандры, она предусмотрительно оставила у себя. Ей больше не хотелось видеть, как счастье ускользает из ее рук.

Аннет сама назначила день свадьбы и быстро выполнила все необходимые формальности. Пьер, выведенный из состояния оцепенения, ожил и, похоже, вновь вернулся в мир безоблачного счастья. Каждое утро Аннет розовела при мысли, что еще на один день приблизился момент, когда она станет женой любимого человека. Она до бесконечности затягивала косметические сеансы перед зеркалом, стараясь сделать свою кожу еще более нежной. Подолгу глядела в зеркало, с радостью находя себя красивой. Проводила ладонями по груди и бедрам и смеялась от счастья при мысли, что скоро подарит все это любимому. Посылала Пьеру воздушные поцелуи через стены, разбрызгивала повсюду душистую туалетную воду.

Когда до свадьбы оставалось совсем немного, Пьер неожиданно стал мрачнее

тучи. Совсем недавно ему казалось, что счастье безраздельно владеть Аннет изгонит из его головы безрассудные мысли. Но они с новой силой овладели его разумом. Вот уже несколько недель он существовал в мире странных, невероятных идей. Втайне от Аннет он разработал столь необычный проект, что все радости сердца и чувств теперь казались ему несущественными, ничего не значащими.

За неделю до свадьбы он почувствовал, что больше не может молчать, и решил поделиться с Аннет своими мыслями.

Вечер застал их в саду. После короткой мягкой зимы наступила ранняя весна. Над начавшими распускаться прозрачными лепестками виднелось розовеющее небо. Аннет уютно устроилась в большом плетеном кресле. Пьер расположился на земле у ее ног. Издали доносился приглушенный деревьями городской шум, на фоне которого выделялись рычание мотора тяжелого грузовика и грохот обитых железом колес фиакра по булыжной мостовой. В ветвях над их головами время от времени копошилась, мирно попискивая сквозь дремоту, какая-то пичужка.

Пьер прижался лицом к коленям девушки, и она нежно взъерошила ему волосы.

— Пьер, мой дорогой Пьер, — я счастлива.

Он не пошевелился и ничего не ответил, опьяненный ощущением счастья. Неужели могло найтись нечто безумное, способное оторвать его от источника покоя? И он заговорил, едва ли не вопреки желанию.

— Анни-Аннет, — произнес он едва слышно, нежным, словно сумерки, голосом. — Вы же знаете, как я люблю вас. Вы — вся моя жизнь. Для меня вы — все цветы мира, все небо, весь свет, все мелодии, утренняя роса, растущая трава. Любовь моя, приближение дня, когда вы окажетесь в моих объятьях, заранее обжигает меня солнечной радостью. Когда я думаю о моменте, с которого вы будете принадлежать мне, мое сердце превращается в огромный костер, а кровь становится расплавленным золотом. Я страстно желаю, чтобы наступил этот счастливый миг, когда, наконец, исчезнет все, что еще разделяет нас, и мы навсегда станем одним существом. И все же...

Аннет откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза, чувствуя, как все ее существо замирает и растворяется в словах любви. Ее рассыпавшиеся по плечам волосы начали смешиваться с ночью... Но последние слова Пьера мгновенно пробудили ее, разрушив очарование, словно холодный душ. Она резко выпрямилась.

— И все же? — вопросительно повторила она, похолодев от зловещего предчувствия.

Сен-Мену собрал все свое мужество.

— И все же, моя дорогая, я чувствую, что никогда не буду полностью счастлив, если оставлю без ответа один давно терзающий меня вопрос. Вы знаете, какая задача стояла перед нами — вашим отцом и мной. Но ваш отец не смог продолжать дальнейшие исследования; я тоже был вынужден отказаться от попыток достичь поставленной цели. Но я всегда чувствовал, что обязан продолжить поиск, и поэтому хочу вернуться к поискам затерявшейся в веках причины бедствий, обрушивающихся на человечество.

Пьер вскочил на ноги. Аннет едва различала в сгустившейся темноте его силуэт. Его голова касалась листвы нижних ветвей дерева. Он продолжал:

— Вы могли бы помочь мне своими знаниями и своей любовью. Одно из моих последних наблюдений заставляет меня снова и снова задумываться о трагической судьбе человечества. Если мои выводы справедливы, то мы должны отказаться от любых попыток активного вмешательства в историю и съежиться в тени божьей десницы, уповая на милость Всевышнего.

Аннет задрожала. Влажный ночной воздух проник сквозь одежду, коснувшись тела холодными руками. Она попыталась инстинктивно укутать густыми волосами шею и грудь, но в ее сердце уже воцарились холод и мрак ночи. Она поняла, что Пьер снова отправляется в путешествие.

— Я должен, — звучал, казалось, откуда-то из листвы любимый голос, — проверить свое наблюдение, проделать последний опыт. Если получу результаты, на которые рассчитываю, то оставлю путешествия во времени и вернусь к вам навсегда. Сожгу скафандр и перестану думать о счастье всех людей. Буду думать только о вашем счастье, моя любовь.

Аннет встала и прижалась к груди Пьера. Она слышала, как мощными ударами бьется неутомимый механизм его сердца, как гулко отдаются звуки его голоса.

— Я не могу не подчиниться требованиям совести. Мне нужно готовиться к последней экспедиции. Вы должны отдать мне ключи от металлического шкафа. Помогите выполнить мой долг, и тогда приближающийся волшебный день станет для нас великой наградой, вершиной нашего счастья, чистого, как сказочный бриллиант.

Ан вздохнула.

— Конечно, я помогу вам, Пьер.

На следующее утро они начали подготовку.

Чтобы избежать повторения нелепой случайности, чуть не закончившейся трагедией, Сен-Мену решил надеть на себя сразу три скафандра. Женщинам потребовалось четыре ночи, чтобы подогнать их под размеры Пьера. Пьер также пропитал ноэлитом все свое белье — рубашку, кальсоны, носки. Он не стал рассказывать Аннет, что за задачу поставил перед собой в этом последнем путешествии. Он опасался, что девушка будет возражать ему, начнет просить отложить экспедицию. Так или иначе, но к вечеру пятницы все было готово.

Когда наступил момент старта, Аннет помогла жениху надеть снаряжение. Она кусала губы, чтобы не разрыдаться.

Пьер осторожно взял в ладони ее бледное лицо.

— Дорогая моя, — нежно промолвил он, — не нужно бояться, не нужно печалиться. Я вернусь до 10 часов утра субботы. Вы же знаете, что я ничем не рискую. Ведь я принял все меры предосторожности.

Аннет молча кивала. Она не осмеливалась открыть рот, так как боялась, что ее горе вырвется наружу. Но она была скорее печальной, чем встревоженной. Ей было грустно оттого, что накануне великого события ее жених мог думать еще о чем-то,

кроме нее. И оттого, что в его глазах она видела возбуждение, которое никогда не появлялось из-за любви. Было печально, что у него есть еще что-то, кроме нее.

Сен-Мену еще раз проверил содержимое сумок, протянул девушке листок бумаги, поцеловал ее, нажал на кнопку и исчез.

Она хотела сразу же прочесть его записку, но какое-то время ей мешали слезы. Совершив усилие, она успокоилась, высморкалась, вытерла слезы и прочла:

«Я отправляюсь в Тулон, в 12 июля 1793 года, в 3 часа утра, ноль минут, ноль секунд по солнечному времени».

10.

— Но, пошевеливайся, падаль!

Стонали дышла, скрипели постромки, звенели подковы на булыжной мостовой. Тяжелые колеса вихляли на осях. На светлом летнем небе китайскими тенями вырисовывались повозки. Их было много, целая вереница. Сен-Мену, затаившийся в придорожной канаве, с волнением вдыхал знакомые запахи военного обоза, сливавшиеся в один неповторимый аромат запахи кожи, конского навоза, солдатского и лошадиного пота.

Несколько мгновений ему казалось, что он нечаянно вернулся в 1940 год. Перед ним проплывали силуэты повозок его отряда, тех самых телег и фургонов, с колонной которых он вступил в Бельгию 10 мая. Почудилось даже, что он слышит голос Кредана, изрыгающего, как обычно, страшные проклятья.

Он с меланхолией вспомнил трудные времена, проведенные вместе с надежными товарищами, крепкую дружбу, объединявшую людей всех классов, и откровенный эгоизм, то и дело заставлявший людей выступать друг против друга. Он вздохнул и нажал на кнопку осциллятора. Время было неподходящим для того, чтобы предаваться воспоминаниям.

Пересекая дорогу. он пронизал одну из повозок. На противоположной обочине лежала опрокинувшаяся колымага, нагруженная бочками. Одно из колес еще продолжало вращаться в горизонтальной плоскости. Полураздавленная кляча судорожно билась в темноте, безуспешно пытаясь подняться. Одна из бочек. раскатившихся во все стороны, переломала ноги солдату, вопившему от боли. Несколько возниц столпилась вокруг повозки, искалеченного животного и раненого. Они беспорядочно галдели и суетились, размахивая руками при свете факела.

— Режьте постромки! Скорее, черт возьми! Ты, растяпа, убирайся отсюда, пока не получил копытом по башке.

Желтый свет факела выхватил из темноты странные мундиры, рогатую треуголку над дубленым лицом усатого ветерана, руководившего операцией. Лужа вина, похожего на кровь, блестела на земле.

Сен-Мену пролетел мимо, сквозь повозки и людей, напрягавших все силы в попытках поставить колымагу на колеса. Он быстро поравнялся с головным фургоном, перед которым шагала группа пехотинцев, распевавших во все горло.

Донесшиеся до него обрывки фраз позволили ему понять, что обоз перевозил продовольствие и боеприпасы для передовых частей, осаждавших город, в небольшую деревушку на холме, возвышавшимся над рейдом.

Вскоре обоз остался далеко позади. Ночь подходила к концу, и Сен-Мену уже смутно различал окрестности. Солдаты спали под открытым небом, кто в канаве, кто на охапке соломы. Некоторые из них устроились на ветвях деревьев. Из лежавшей на боку полуразбитой бочки, подпертой несколькими камнями, торчали чьи-то ноги, замотанные в тряпье, и доносился богатырский храп. Вокруг догоревшего костра виднелись темные силуэты лежащих в беспорядке солдат, храпевших и стонавших во сне.

Сен-Мену вскоре добрался до деревни. В неуверенном утреннем свете крайние дома тянули к небу почерневшие и еще дымящиеся стены. Поперек дороги расхаживал с ружьем на плече часовой, гренадер с седыми бакенбардами, в гетрах, едва не достигавших пояса.

На маленькой площадке повара подвесили к оглобле одной из повозок медный котел, под которым развели огонь из плохо горевших сырых дров. Самый юный из них, черномазый парнишка, стоял на четвереньках и дул изо всех сил на дымившие ветки. Его волосы были заплетены на манер старых вояк, и жидкая косичка моталась у него на шее.

— Давай, давай! — подбадривал его похожий на дьявола толстый грязный повар в накинутой на плечи просторной куртке из красной ткани и черных штанах, продранных на коленях. — Постарайся научиться дуть так, как когда-то жители Сен-Бандольфа дули в задницу ослу!

Он швырял в котел, не глядя, овощи, картофель, приправы. На голове у него возвышался колпак с кисточкой, настолько грязный, что первоначальный белый цвет можно было только угадывать. Он закашлялся и смачно сплюнул, чтобы прочистить глотку.

На полях за околицей замолкли ночные сверчки. Пара дроздов на верхушке платана встретила восходящее солнце звонкими трелями. Заржала лошадь, разбудив всю конюшню, тут же заполнившуюся фырканьем и перестуком копыт. Над площадью загзагом пронеслась летучая мышь, торопившаяся в дневное убежище в развалинах старого замка. Раздувшийся от переполняющей его любви вяхирь перекатывал в раздувшемся горлышке торжествующее воркованье. С каждой минутой все новые и новые голоса примыкали к птичьему хору.

Совсем рядом раздался ружейный залп.

— Ага! — бросил толстый повар, вытирая нос тыльной стороной ладони. — Это они расстреляли тех мерзавцев!

— Каких таких мерзавцев? — поинтересовался его помощник вызывающим тоном.

— Ей богу, не знаю! Вроде как здешних деревенских. Их арестовали еще вчера после драки. Наверно, нужен пример для остальных…

— Проклятье! Куда ты задевал сало?

Раздался и тут же оборвался женский смех.

— Смотри-ка, парни там не теряют время даром! А? Ты про сало? Оно в бочке за тобой. Нет, не в этой, там треска. Ты, похоже, не сможешь найти даже нос на собственной роже!

Захлопали двери; на улицу начали выбираться солдаты. Они потягивались, зевали, бестолково бродили вокруг поваров. Бросалось в глаза различие в возрасте — среди них были и совсем молодые парни, у которых еще не начали расти усы, и совершенно седые старики. Некоторые из них были в голубых мундирах, белых жилетах и таких же белых панталонах. Но на большинстве из них можно было увидеть только одну из деталей военной формы, дополненную принадлежностями гражданского туалета — грязными, рваными, в многочисленных заплатах. На головы были напялены или бесформенные колпаки, или просто завязанные узлом тряпки. Вместо сапог использовались или дырявые башмаки, или деревянные сабо, хотя чаще всего не было ни того, ни другого. Тем не менее, все солдаты, как босые и в отрепьях, так и те, кому повезло обзавестись новой формой или великолепными английскими сапогами, отобранными у противника, выглядели одинаково жизнерадостно.

Один доброволец, с которого давно пытались свалиться драные белые штаны, расстелил на земле шторы из плотной зеленой ткани, стянул с себя лохмотья, разложил их на шторах и принялся вырезать ножом заготовки для новой пары штанов.

Приближение еще обоза можно было уловить по доносившейся издалека песне «Мадам Вето», распеваемой во все горло солдатами, маршировавшими впереди повозок. Это была рота, состоявшая преимущественно из крестьян, наряженных в зеленые мундиры, короткие куртки и высокие шапки, украшенные конскими хвостами.

Послышались близкие выстрелы. В деревне барабанщик дал сигнал об общем сборе. За околицей откликнулись и другие барабаны. В мгновение ока царивший вокруг беспорядок сменился военным порядком. Солдаты собирались вокруг офицеров и строились в шеренги. Сержанты, рассыпая проклятья, подгоняли отстающих. Драгуны в синих и красных мундирах, оседлавшие рабочих кляч, тяжелым галопом промчались по улице. За ними группами бежали пехотинцы с ружьями в руках.

— Это из-за осажденных, которые устроили вылазку, — сообщил повар-толстяк. — Жюль видел их на том конце деревни. Там были и желтые, и красные мундиры. Испанцы и англичане. Давай, разогревай поживее суп…

Сен-Мену, невидимы для окружающих, последовал за солдатами, направлявшимися к месту схватки. На окраине деревни начинался спуск в долину, к блестевшей внизу речке. На противоположной стороне долины каменистый склон постепенно поднимался к редуту, покрытые свежей землей откосы которого казались красным пятном на сером фоне. Справа за холмами виднелось море, мерцавшее в лучах восходящего солнца. Справа, на расстоянии нескольких километров, Сен-Мену разглядел корабли, стоявшие в гавани на якорях. Это был Тулонский рейд.

Осажденные уже перебрались через речку и теперь разворачивали боевые порядки у подножья холмов. В этот момент на них с криками «Да здравствует

республика!» обрушились солдаты Конвента. Началась яростная сумятица. Некоторое время сражавшиеся топтались на одном месте, но постепенно схватка перебралась через речку и теперь продолжалась на противоположном склоне. Беспорядочно перемещавшиеся красные, желтые, синие и зеленые мундиры то собирались группами, то снова рассыпались, чтобы тут же образовать новые скопления под прикрытием легкой вуали порохового дыма. Легкий утренний ветерок свивал его клубами и уносил в сторону моря. Довольно быстро успех начал склоняться на сторону французов. Красные мундиры первыми поднялись к редуту; за ними, почти не отстав, пятились желтые. Драгуны, подгонявшие отстающих сабельными ударами, вскоре были остановлены орудийной пальбой из форта.

Увлеченный разворачивающимся перед ним фантастическим зрелищем, Сен-Мену забыл о цели своего появления в этом месте. Неожиданно он подскочил на месте, да так сильно, что его швырнуло в небо, выше самого высокого платана. За его спиной раздался страшный грохот: это французская артиллерия открыла пальбу по бегущему противнику.

Пьер спокойно парил среди свистевших мимо его ушей пуль и бестолково метавшихся перепуганных птиц. Старинные пушки палили более громко, по сравнению с современными. Их было восемь на вершине холма, на окраине деревни.

Пьер пересек поднимавшееся кверху облако черного дыма и нырнул вниз, к батарее. Там он рассчитывал увидеть того, кого искал.

Артиллеристы, соблюдая строгий порядок операций, сначала забивали в стволы пушек заряды, затем закатывали в дула ядра, наводили орудия на цель, подносили к казенной части запалы…

Невысокий офицер сухим голосом отдавал команды артиллеристам. Едва увидев, Сен-Мену сразу узнал его. На офицере-артиллеристе был голубой мундир с черными отворотами и широкие белые панталоны, застегнутые на пуговицы от лодыжек до бедра с обеих сторон. Водруженная на голову блестевшая от старости треуголка была сдвинута к правому уху; два рога из трех были обмотаны развевавшейся на ветру черной лентой.

Путешественник во времени приблизился к человеку и с любопытством присмотрелся к нему. Его профиль обвело золотой каемкой восходящее солнце. Может быть, именно солнечным лучам был обязан странный желтоватый цвет его лица. Он то и дело отдавал короткие приказания, время от времени почесывая то под мышками, то в паху, затем снова соединял руки за спиной. Его падавшие на воротник гладкие волосы полностью скрывали уши. Он показался Сен-Мену совсем маленьким, чуть ли не карликом.

«Да, ему явно недостает воинской выправки», — подумал Пьер. Глубоко вздохнув, он приготовился действовать, так как прибыл сюда, чтобы убить этого человека по имени Бонапарт.

11.

Наполеон подмял под себя всю Европу. До сих пор многие нации сохраняли на себе следы его сапог. Массы не увлекали его за собой; он сам постоянно навязывал массам свою волю. Гений Наполеона проявлялся на протяжении всей его жизни. Если бы он погиб в самом начале своей карьеры, если бы шальная пуля поразила его во время осады Тулона, то что стало бы с историей? Уже много недель Сен-Мену непрестанно задавал себе этот вопрос. Он хотел найти ответ на него до того, как отдастся счастью с Аннет.

Если после гибели Бонапарта другой выходец из народа или из рядов армии станет императором и будет вести те же войны, то это будет доказательством того, что люди не обладают реальной свободой выбора, что ими руководит непреклонный рок, ведущий их по проложенному через вечность кровавому пути, и что бесполезно пытаться заставить их сойти с пути, предназначенного свыше. Поняв этот закон, мудрый отойдет от активной деятельности, предоставив невеждам возможность барахтаться в жизненных коллизиях, словно слепые котята, брошенные в воду. Сам же он будет наслаждаться в укромном месте теми небольшими радостями, что может подарить ему жизнь.

Пьер улыбнулся, представив себе Аннет. Он построит со своей молодой женой небольшой рай на двоих в выбранном ими укромном уголке пространства и времени, в месте и в эпохе, хорошо защищенных от революционных и военных потрясений и от прихотей погоды. Там они проживут годы, века, вечность. Им ничего не нужно будет от окружающего мира, им достаточно будет любить друг друга… Что они станут делать? Впрочем, это будет видно потом.

А сейчас он проведет свой последний опыт. Сегодня вечером он, наконец, узнает, от чего зависят судьбы людей. И сегодня же вечером он станет мужем Аннет. Его маленькой Аннет. Нежной и телом, и душой. Сегодня вечером…

Крики сражающихся, взрывы бомб, красные лучи восходящего солнца, окрашивающего облака и море, сознание огромного значения предстоящего события — все это создавало и поддерживало необычный нервный подъем Сен-Мену. Вытянув вперед руки, он планирует, кружится возле невысокого офицера, устроившегося на походном стуле среди огня и дыма. Призрачные пальцы юноши то и дело беспокойно пробегают по лицу, по спине и плечам будущего властелина Европы. Он выбирает место для удара.

Черные ленты треуголки, пряди черных волос Бонапарта слегка колеблются на утреннем ветерке. Его светлые глаза спокойно наблюдают, как пушечные ядра производят опустошения там, вдали, в рядах противника. Несомненно, он уже видит, как войдет в покорившийся ему город. Победа за победой, завоевания, власть… Этим мыслям ничуть не мешает то, что в это же время невидимая рука смерти легко прикасается к его плечу.

Чтобы осуществить свой замысел, Сен-Мену должен на несколько секунд выйти из вневременного состояния. Все произойдет очень быстро. И он решает занять позицию позади сидящего на походном стуле человека. Он возникнет из пустоты, выстрелит, исчезнет…

Мощный взрыв сотрясает землю. Тучи пыли заволакивают батарею. Вокруг посвистывают и фыркают осколки. Камни, зашвырнутые взрывом высоко в небо, падают, и шум их падения в кроне платанов напоминает шум сильного дождя. Чья-то

оторванная рука пролетает, вращаясь, сквозь тело Сен-Мену. Это ответили крепостные мортиры.

Пыль постепенно оседает. Теперь можно увидеть, что бомба разнесла в клочья двух канониров. Бонапарт не пошевелился. Он продолжает выкрикивать приказы. Артиллеристы, мгновение назад поддавшиеся растерянности, вновь занимают свои места и наводят пушки на стены форта.

Пьер старается избежать даже ничтожного риска. Нужно действовать из укрытия. Для этой цели вполне годятся фашины в четырех шагах от жертвы. Пьер плавно опускается за ними, словно покинутая ветром пушинка, ложится на землю, приникает к ней. Отлично. Теперь он готов изменить судьбы мира. Сильнейшее волнение охватывает его, но он старается дышать медленнее и глубже. Ждет, пока успокоится сердце и перестанут дрожать руки. Он пытается рассуждать. Стоящая перед ним проблема элементарна, как школьная задачка по геометрии. Наконец, спокойствие возвращается. Пора. Он останавливает осциллятор. Его тут же охватывает ошеломляюще едкий запах пороха. Пушки продолжают рвать воздух в клочья. Слышен свист приближающейся бомбы. Она падает. В это мгновение Сен-Мену нажимает на курок, выпуская несколько пуль подряд. Одновременно с выстрелами и падением бомбы один из артиллеристов кидается между бомбой и Бонапартом. Бомба не взрывается, но артиллерист принимает на себя четыре пули из револьвера Пьера. Еще две пули пролетают мимо. Артиллерист шатается и падает. Бонапарт даже не вздрогнул. Залп восьми орудий. Содрогается земля. У Сен-Мену нет больше зарядов в револьвере. Дым душит его. Бремя судьбы обрушивается на него. Все пропало. Он возвращается в состояние невидимки.

Почему он не догадался захватить с собой запасную обойму? Пьер не знал, что палец, судорожно нажавший на курок, заставляет револьвер стрелять, подобно пулемету. Во время войны ему ни разу не случалось воспользоваться огнестрельным оружием. Он не солдат, не убийца, он всего лишь ученый-теоретик. Что ж, придется начать все с начала. Пьер чувствовал себя обескураженным, невероятно усталым, неспособным сдвинуться с места. Артиллерия продолжает грохотать. Сен-Мену плавает в воздухе над фашинами, как пробка в стоячей воде. Едва пули покинули ствол из вороненой стали, как его возбуждение сразу же улеглось. Вместо этого, неизъяснимая печаль наваливается на него чудовищно тяжелым грузом. Может быть, это всего лишь усталость...

Преданность солдата не показалась ему удивительной. Он знает, что фантастическая любовь подчиненных к Бонапарту не раз приводила к подобным жертвам. Люди гибли, спасая жизнь корсиканцу, как это было на Аркольском мосту, а также при осаде Аккры. Но здесь, похоже, сам Бог подтолкнул канонира под дуло пистолета, под пули, которые должны были изменить ход истории. Очевидно, высшее существо не хотело, чтобы облик мира изменился...

Бонапарт указывает на распростертое у его ног тело. Два канонира, оставшиеся без пушки, разбитой очередным ядром, осторожно поднимают раненого и уносят его в укрытие. Коротышка-лейтенант почесывает себе левое запястье. Пальба продолжается...

Сен-Мену выбрасывает вперед руку и скользит над самой землей. Он приближается к раненому, человеку худощавого телосложения, лежащему на траве

под платаном. Пьер склоняет призрачное лицо над бледным профилем. Глаза раненого закрыты, нос заострился. Пятна грязи покрывают щеки и лоб. Длинные белокурые волосы, слипшиеся от пыли и пота, рассыпались по траве. Небольшие усы украшают бледно-золотистой оторочкой верхнюю губу, усеянную капельками пота. Ему должно быть лет восемнадцать, не больше. Возможно, будь он немного старше, он был бы не способен на такой подвиг любви и преданности. Раненый шевелит рукой и стонет, но не открывает глаз. Товарищи разрезают его мундир, перевязывают плечо и бедро разорванной на полосы рубашкой.

— Это всего лишь небольшие осколки. Может быть, он выкарабкается…

Ревущая смерть вырывается из пушечных жерл. Над холмом сгущается плотная дымовая завеса. Раненый и два его товарища очень похожи. Они одного возраста, с одинаковыми светлыми волосами. Возможно, они односельчане. Самый юный из троих, с красным лицом, непрерывно трет свои руки крестьянского парня одну о другую. Он смотрит, не отрываясь, на лежащего без сознания приятеля.

— Бедняга Дюрда! Ему недолго пришлось ждать первого ранения.!

Его слова совсем немного добавляют к царящей вокруг какофонии звуков, и уши Пьера чудом различают сказанное.

«Он назвал его Дюрда!» — думает Пьер. — «Это же девичья фамилия моей матери!»

Двое парней возвращаются к ратным трудам. Приземистый крестьянин, отходя в сторону, прошел, незаметно для себя, сквозь бесплотного путешественника во времени. Взволнованный, тот взлетает вверх и цепляется за ветку платана, свисающую над раненым. Он тоже высокий, тощий и белокурый, как и выбывший из строя канонир. Если подстричь его волосы… И сбрить эту тень усиков на верхней губе… Они походили бы друг на друга, словно братья.

Угрызения совести вонзают когти в сердце Сен-Мену. Ему хочется хоть чем-нибудь помочь бедняге — перевязать раны, попросить прощения, поцеловать это бледное лицо, так похожее на его собственное…

Внезапно жуткий кошмар обрушивается на него, сдавливая горло ледяной хваткой. Он вспоминает рассказ матери, услышанный им в то время, когда в школе он изучал период революционных войн в Империи.

«Дед твоего деда, — говорила она, — прошел все войны без единой царапины. Свою военную карьеру он начал простым канониром. Под Ватерлоо он был уже капитаном. Ему было за сорок, когда он вернулся домой и женился».

«Император упоминает о нем в своих мемуарах, — с гордостью добавила она. — Он называл его «своим верным Иоахимом». У него был брат, который погиб в русской кампании».

Пушки замолкли. Ветер относит в сторону длинные полотнища дыма, из-за завесы которых проглядывают стены красного форта. Раненые и убитые расцвечивают долину яркими пятнами мундиров. Между беспорядочно разбросанными телами вскачь проносится лошадь без седока. Она оглашает окрестности жалобным ржаньем, приближается к речке, останавливается и долго пьет. Цикада распарывает воздух неуверенной пробной трелью и замолкает. Стонут

раненые. Один из них, лежащий поблизости, непрерывно ругается, и в горле у него что-то булькает.

Сен-Мену трепещет всем телом. У него стучат зубы. Он больше не сомневается: человек, только что раненый им — это один из братьев Дюрда. Может быть, это его предок… Теперь уже тысячи цикад радостно трещат, расположившись на согретой солнцем коре древесных стволов.

— Как хорошо пахнет морем! — восклицает один из проходящих мимо солдат.

Сен-Мену склоняется над раненым. Как узнать, кто из братьев лежит перед ним? На неподвижное тело падает тень, словно разрезав его пополам. Пьер поднимает голову. Над ним стоит Бонапарт. Он молча смотрит на юношу, спасшего ему жизнь. С бесстрастным лицом, он жестом приказывает унести его. Раненого кладут на носилки. Сквозь Сен-Мену на землю падает капля крови и повисает на стебле травы.

12.

Катрин накрывает свадебный стол. Два прибора на кружевной скатерти. Хрустальные бокалы поют, едва к ним прикоснешься. Букет белых лилий. Два стула из золотистой соломки перед небольшим столиком. Двери в розовую с белым комнату.

Служанка закрыла ставни, зажгла лампы. Ее руки ловко и машинально делают все, что требуется. При этом Катрин думает, что она тоже скоро выйдет замуж. Ее ждет в Нормандии парень. Перед тем, как расстаться, они обо всем договорились. Стояла теплая летняя ночь. Они сидели под яблоней. Парень был высоким и сильным. Она ощущала, как дерево поднимается вместе с ними в небо и в крови у нее загораются звезды. Она прижала его руки к своей груди. Это было невыносимо приятно, но она стала пунцовой от стыда. Катрин и сейчас покраснела при воспоминании об этой ночи. Потом она пожала плечами и бросилась к плите.

Пьер и Аннет сочетались браком в мэрии XIII округа. Кюре благословил их в интимном сумраке ризницы.

Когда они оказались в мэрии, им пришлось искать свидетелей в очереди за талонами на обувь. Сен-Мену рассчитался с ними несколькими пачками сигарет. Перед тем, как вернуться домой, Аннет захотела познакомиться с холостяцкой комнатой мужа.

Мадам Бланэ взволнованно встретила их.

— Ах, господин Сен-Мену! Вам невероятно повезло найти такую красивую жену! Такую милую! Ах, если бы мой бедный Гастон был жив…

Она принялась вытирать глаза. Потом им пришлось выпить рюмку аперитива — хозяйка угостила их настоящим перно, предварительно заставив понюхать его как следует. Это была ее последняя бутылка.

Затем они втроем поднялись на второй этаж, где совсем недавно жил Сен-Мену.

— Извините, я пройду впереди вас, — проворковала мадам Бланэ. — Я должна открыть двери. Месье Гарнэ, несомненно, в это время нет дома. Он работает в Бийанкуре. Это мой новый квартирант, поселившийся в вашей комнате. Заранее прошу прощения за возможный беспорядок в комнате. Конечно, он не грязнуля, но все же сказывается отсутствие женской руки. Ах, мадам, я прошу у вас прощения. Эти квартиранты, стоит о них вспомнить, как начинаешь городить всякий вздор. Они все одинаковы. Они бросают все, где попало…

Ни Пьер, на Аннет не слушали ее. Аннет с нежностью рассматривала узкую серую комнатушку с железной кроватью, лежавшим перед ней потрепанным ковриком, белым деревянным столиком и двойными выцветшими шторами на окне. Она осторожно высвободила свою руку из руки мужа и медленно подошла к окну. Распахнув его, она выглянула наружу и замерла, завороженная вселенной, которую он видел каждый день.

Подойдя к Аннет, Пьер положил руки на ее нежные плечи. Он не мог оторвать от нее взгляд.

— Какой странный дом там, напротив! — сказала она.

Пьер поднял глаза. В медленно сгущавшихся сумерках на фоне вечернего неба вырисовывались нелепые контуры странной крыши с глупыми башенками и ухмыляющимися зверюшками незабываемого творения господина Мишле.

— Мину! Мину! Иди ко мне, моя кошечка! Иди скорее, моя маленькая! — причитала в соседней комнате мадемуазель Брижитт.

Сен-Мену резким движением привлекает к себе Аннет, свою жену. Он подхватывает ее на руки, выбегает из комнаты, вихрем скатывается по лестнице. Может быть, это мадам Бланэ кричит что-то сверху ему вслед? Или это господин Мишле? Да, конечно, это мерзкий призрак архитектора преследует его, перепрыгивая через ступеньки…

Вот, наконец, бульвар, прохожие, легкое небо над головами, ожидающее их велотакси…

Двое парней в свитерах энергично нажимают на педали, дугой изгибая напряженные спины. Прижавшаяся к Пьеру Аннет не открывает глаз. Он не выпускает ее из своих объятий.

13.

Он последовал за носилками, на которых раненого отнесли в большой зал старого замка. Здесь было не меньше сотни раненых. брошенных на устланный соломой каменный пол, рыдавших, стонавших, умолявших о помощи. В помещение начала просачиваться снаружи жара, усиливавшая мучительную лихорадку у несчастных. В зал вошел мужчина в пестром костюме и утыканной перьями шляпе и пробормотал несколько слов утешения лежавшим поблизости от дверей страдальцам. На него тут же обрушился отвратительный запах грязных потных тел, разлагающейся крови, растекающихся по полу луж мочи и выгнал его наружу. Не успев сделать на свежем воздухе нескольких шагов, бедняга скорчился и его

стошнило. Пробегавший мимо хирург бросил ему что-то язвительное. Это был здоровенный краснорожий парень в штанах из черной слегка позеленевшей от возраста ткани и в белой рубашке с закатанными рукавами. В руке он нес тяжелый саквояж с хирургическими инструментами.

Войдя в зал, хирург принялся осматривать раненых, указывая помощникам на тех, кто нуждался в немедленной помощи. Подойдя к Дюрда, он бросил:

— Два небольших осколка в бедре, еще один в руке. Этот выкарабкается! Я займусь им ближе к вечеру. А пока есть более срочные дела.

Охваченный ужасом Пьер парил над раненым, ожидая приговора врача. Услышав его слова, он несколько успокоился. Он подождал еще немного, надеясь услышать имя несчастного. Тот лежал, стиснув зубы и тяжело дыша. Он все еще не приходил в себя.

Пьеру пора было возвращаться. Он ведь сказал Аннет, что будет дома на следующий день, в десять утра.

Он появился дома в назначенное время. Аннет ждала его. Едва он возник из небытия, как она бросилась к нему, и ее глаза наполнились слезами счастья. Только теперь она смогла разжать судорожно стиснутые руки. Сен-Мену почувствовал, что вырвался из кошмарного сна. Он ощущал себя живым, материальным, реально существующим. Потрогав свое тело, он дотронулся до холодной мраморной столешницы, погладил волосы жены. Выбрался из нескольких напяленных на него скафандров, принял душ, позавтракал. Наконец-то он был дома, возле своей возлюбленной. Неужели ему что-то угрожало? Нет, конечно, все только что пережитое им было всего лишь глупым сном. Даже если Раненый им солдат действительно мог оказаться его предком. И что с этого? Разве хирург не сказал, что он поправится? И, потом, это может быть всего лишь брат его прадеда…

Сен-Мену постепенно успокаивался. Он смотрел на Аннет и улыбался ей. Он вернулся, он жив, он рядом с любимой. От недавних страхов остались лишь легкие угрызения совести. Пьер пообещал себе, что завтра же вернется туда, точно в ту же минуту. Он проделает тот же путь, пройдет через лагерь, доберется до деревни, окажется возле грохочущей батареи, возле невысокого лейтенанта с черными лентами на треуголке, возле высокого канонира с усиками студента. И тогда, вместо того, чтобы открывать пальбу, он зашвырнет револьвер в кусты. Канонир останется невредимым, а Бонапарт, как и предусмотрено судьбой, последует по предназначенному ему пути. Тем хуже для истории, тем хуже для науки. И к чему это безрассудное стремление все узнать, все понять? Если люди хотят быть счастливыми, пусть они сами и заботятся о своем счастье! Что же касается его, то он уже прижимал к себе свое счастье в велотакси, подпрыгивавшем на булыжной мостовой неподалеку от виллы Расин. Призрак господина Мишле — это расплата за его вечную иронию. Судьба Пьера не имеет ничего общего с судьбой этого жалкого создания. Даже когда он был жив, он все равно был только личиной живого существа. Ему, пожалуй, даже не нужно было исчезать, чтобы перестать существовать. Все это в прошлом, теперь он должен забыть о своих приключениях. Отныне его ждет радость, одна только радость.

День клонился к вечеру. Два санитара принесли обнаженное тело и опустили его на стол, накрытый окровавленной простыней. Хирург, уставший до изнеможения,

удивлен, что раненый так бледен. Два осколка в бедре... Один в плече... Глаза раненого закрыты. Какой у него твердый живот! Хирург внимательно осмотрел пациента и нахмурился. Знаком приказав перевернуть его, он вытирает пот со лба тыльной стороной ладони. Ну, вот! Конечно! Небольшое фиолетовое пятнышко на пояснице. Он выпрямился и словно смел раненого со стола усталым взмахом руки.

— Нет смысла возиться с ним. Это конченый человек. У него еще один осколок сидит в кишках. Бедняга не переживет эту ночь... Давайте следующего!

Наступает ночь. Несчастный юноша хрипит на соломе. Его руки судорожно скребут по подстилке. Лежащие вокруг него раненые, старые и молодые, стонут, плачут, затихают в забытье. В погрузившемся в темноту зале по-прежнему очень жарко.

На вилле, в розовой с белым комнате, очень жарко. Пьер распахивает дверь. Сердце у него бьется необычно сильно. Так сильно, что он почти ощущает боль от его ударов. Неужели это от волнения? В большой теплой постели его ждет Аннет, его возлюбленная, его жена...

Она ждет его. В ветвях деревьев вокруг дома стонет ветер, принесший ночь на своих крыльях. Где-то в глубине темного неба негромко ворчит мотор самолета. Дверь распахивается. И вот, наконец...

Она погасила в комнате все лампы. Пьер, ее Пьер, наконец-то он пришел! Он замерз, у него просто ледяное тело! Она раскрывает перед ним свои объятья, она распахивает всю себя перед ним. Ее сердце парит в небе, оно несется все выше и выше, к солнцу, к счастью. Пьер, ее муж! Боже, каким он кажется легким, каким невесомым чувствует она его! Словно это тень или дым... Она почти не ощущает его. Ей кажется, что все происходит с ней во сне...

В просторный темный зал входит сержант. У него в руке коптящий масляный светильник. Вокруг фитиля колеблется небольшая сфера желтого света. Он водит желтым шариком над телами раненых. Идущий рядом солдат держит в руке списки. Время от времени они останавливаются перед умолкшим страдальцем. Вот они добрались до белокурого канонира. Его пальцы разжались, открывшиеся наконец глаза спокойно смотрят в темноту.

Солдат со списком наклоняется, знаком просит сержанта опустить лампу пониже. Он читает имя, нацарапанное углем на стене, водит пальцем по списку, зтем лижет карандаш и рисует напротив имени «Иоахим Дюрда» жирный крест.

На колокольне Трамплин-ле-О часы пробили полночь. Аннет внезапно просыпается в своей белоснежной постели девственницы. Кажется, кто-то позвал ее?

Да, кто-то позвал на помощь. Чей-то крик, чей-то жуткий стон раздался на улице. Голос, показавшийся ей чем-то знакомым, произнес ее имя с неизъяснимым отчаянием. Затем он пропал в ночи, в молчании смерти. Аннет вскакивает с постели. Дрожа всем телом, зажигает лампу. Она узнала этот голос, но никак не может вспомнить имя кричавшего. Это имя, способное наполнить ее сердце радостью... Нет, она не знает это имя... И все же, оно знакомо ей. Аннет берет со стола лампу и выходит из комнаты. Ее длинная ночная рубашка с шуршаньем скользит по красным

кафельным плиткам пола. Ее длинные черные волосы волнами спадают на плечи. Она проходит перед дверью отцовского кабинета, обведенной контурной полоской света. Отец все еще работает. Он опять будет возиться до зари со своими странными проблемами… Ничто — ни война, ни оккупация, ни тяготы жизни в военное время — ничто не может отвлечь его от бесполезных трудов… Бедный отец, бедный фанатик… Аннет подходит к наружной двери. Теперь она полностью проснулась и чувствует, как постепенно улетучивается холодный ужас, охвативший ее в черном провале сна. Подняв над головой лампу, открывает дверь. Пятно света падает на камни мостовой. Где-то очень высоко, между звезд, тихо рокочет мотор самолета. Луна ярко освещает пустынную улицу. Ветерок небольшим вихрем взлетает по ступенькам крыльца и швыряет к ее босым ногам несколько опавших листьев.

КОНЕЦ

Париж, 1942-1943 гг.

Постскриптум

Несколько секунд назад вы прочитали слово «Конец». Вот уже пятнадцать лет, как я написал его. И все же…

И все же, для Сен-Мену нет, не может быть конца.

Подумайте хорошенько: он убил своего предка до того, как тот женился и завел детей. Следовательно, его потомок Сен-Мену не существует и никогда не существовал.

Хорошо…

Но, если Сен-Мену не существует, если он никогда не существовал, то он не мог убить своего далекого предка!

Следовательно, его предок прожил свою жизнь, следуя предначертаниям судьбы, в свое время женился, завел детей, у которых потом тоже появились дети, у которых, в свою очередь, тоже появились дети…

И, в конце концов, однажды родился Сен-Мену. Прошло его детство, он вырос, встретил Эсайона, занимался с ним исследованиями, добрался до 100 000 года, потом решил убить Бонапарта и случайно убил своего предка…

Хорошо…

Ведь он убил своего предка?

Значит, он не существует.

Но, если он не существует, значит, он не мог убить своего предка.

Значит, он существует.

Следовательно, он убил своего предка.

Следовательно, он не существует…

Остановитесь! Постарайтесь избавиться от головокружения и задумайтесь!

Нет, то, что вы только что видели перед собой — это не вихрь, в котором смешались жизнь и смерть, не бесконечная последовательность двух противоположных судеб. И совсем не по очереди то существует, то не существует Сен-Мену.

Все это происходит одновременно. Его две судьбы или, точнее, его судьба и несудьба одновременны. С того момента, как раненый им предок скончался, Сен-Мену одновременно и существует, и не существует. Потому что, не существуя, он не мог убить своего предка, а поэтому существует и отвергает убийство.

— Быть или не быть? — спрашивает Гамлет.

— Быть — и не быть, — отвечает Сен-Мену.

Могу сказать, что когда я окидываю взглядом это пугающее приключение, в которое вовлек высокого бледного юношу, то не могу не признаться, что чувствую угрызения совести и некоторую растерянность. Он жил во мне на протяжении многих месяцев более интимно, чем зародыш живет в чреве матери. И я произвел его на свет в мучениях, как и положено, после чего тысячи людей смогли увидеть, как он живет и что делает. Ну, а вы? Ведь вы хорошо знаете его. Вы знаете его чувства, его слабости, его амбиции, его сожаления и надежды. Вы, наверное, смогли бы нарисовать его портрет даже с закрытыми глазами. Он стал вашим другом. А он — мое дитя. И теперь он расстался с нами, чтобы уйти… Чтобы уйти куда? Или чтобы не уйти куда? Чтобы стать и не стать чем?

Я не знаю, что ответить вам. Я не способен представить себе его теперешнее состояние. Для нашего ограниченного и неполноценного человеческого разума приемлемо только «или» Гамлета. Увы, даже это достаточно жутко. Но «и» Сен-Мену выводит нас из равновесия. Мы оказываемся на грани нашей рациональной вселенной. Еще шаг, еще слово — и разверзнется бездна, начнется логика абсурда, родится доказательство возможности невозможного.

Именно в этой бездне сейчас Сен-Мену. И именно там его нет. Одновременно живой и мертвый, черный и белый с одной и той же стороны, сразу и легкий и тяжелый, умерший раньше, чем родился…

Здесь нам не поможет никакая метафора. Качество, в котором он существует, не может быть познано нами. Пожалуй, некоторое представление об этом могут составить себе только крупнейшие физики нашего времени, специалисты по элементарным частицам. Потому что главное, что они знают об этих частицах, что позволила им выяснить неопровержимая математическая логика — это то, что в каждый данный момент эти частицы не существуют ни здесь, ни в каком-нибудь другом месте, ни тут, ни там, ни везде, ни нигде…

И все же, именно эти невероятные частицы, вращающиеся вокруг пустоты, образуют бумагу, на которой напечатана эта книга, и вашу руку, которая держит книгу, и ваши глаза, читающие ее, и ваш мозг, обеспокоенный неразрешимым противоречием… Тревожные, жутковатые, блуждающие частицы вашего тела… Они

никогда не находятся в каком-то определенном месте и, все же, в то же время никогда не оказываются и в любом другом месте. Между ними нет ничего, но и там, где они находятся, тоже ничего нет.

Итак, что же такое вы?

Быть и не быть — вот в чем вопрос. Если, конечно, это не ответ...

Р.Б.

Март 1958 г.

Приглашаем Авторов

к изданию своих книг

Активнее включайтесь в литературную жизнь!
Помните — все написанные Вами
произведения обязательно
должны быть опубликованы.
Лишь после факта публикации
Ваши произведения ждёт слава

ВАЖЕН — САМ ФАКТ ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ

Специалисты издательства «Остеон-фонд»
помогут Вам подготовить книги к изданию.
После нашей допечатной подготовки
и изготовления оригинал-макета
Ваша книга может быть принята на любой
типографии и напечатана любым тиражом

Гарантируем обеспечение Вашей книги редактурой и корректурой, рецензией, вступительной статьей, достойной обложкой, номером ISBN и штрих-кодом, дающим право продажи через книжные магазины.

Высылайте свои литературные опыты,
стихи, прозу, критические статьи,
живопись и графику по адресу:

ebooks@people-publishing.com